

ИГОРЬ
ВАЛЕРИЕВ

ЕРМАК

НАЧАЛО

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

ЛИЧНИК

Игорь Валериев

**Ермак: Начало.
Телохранитель. Личник**

«Издательство АСТ»

2019-2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валериев И.

Ермак: Начало. Телохранитель. Личник / И. Валериев —
«Издательство АСТ», 2019-2020

ISBN 978-5-17-135490-9

Сознание офицера спецназа с позывным «Ермак», прошедшего Афган, две чеченские кампании, несколько других конфликтов и заграничных командировок, после смерти переносится в 1888 год. Новое тело принадлежит четырнадцатилетнему сироте – будущему казаку Амурского войска. Теперь Ермаку надо найти своё место в новом мире. Что делать дальше, такой вопрос перед Ермаком не стоит. Он умеет защищать Родину, и не важно, как она называется – Российская Федерация, Советский Союз или Российская империя, но один в поле не воин. У героя есть боевой опыт грядущих времён, послезнание о драматических событиях будущей истории и желание избежать такой судьбы для Родины. А ещё казачата из родной станицы и методика обучения спецназа. Сможет ли он применить свои умения офицера XXI века, чтобы изменить события нового для себя мира? Делай что должно, и будь что будет. Время покажет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135490-9

© Валериев И., 2019-2020
© Издательство АСТ, 2019-2020

Содержание

Начало	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	75
Глава 12	85
Глава 13	97
Глава 14	103
Глава 15	114
Глава 16	126
Глава 17	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Игорь Валериев

Ермак: Начало. Телохранитель. Личник

© Игорь Валериев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Начало

Посвящается моей любимой жене Людмиле, чья настойчивость заставила меня дописать книгу, а уверенность в моих способностях – представить произведение на суд читателей.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времени» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Акимову Сергея Викторовича, Борисова Юрия Дмитриевича (он же Старицкий Дмитрий), Зуркова Дмитрия Аркадьевича, Евдокимова Сергея, Ковшик Павла Ивановича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Мешалкина Леонида Васильевича, Орлова Александра Сергеевича, Перунова Алтона Юрьевича, Спасивцева Анатолия Федоровича, Черепнева Игоря Аркадьевича, Шарапова Евгения.

Пролог

*Граница родила казачество, а казачество создало Россию.
Л. Н. Толстой*

Хунхузы появились минут через десять после того, как мы залегли в окопах. Долго, однако, собирались. К броду они подскакали плотной толпой и в таком же беспорядке стали спускаться к ручью. На том берегу осталось трое бандитов, один из которых стал что-то кричать и размахивать плеткой.

Это мой клиент, подумал я, беря его на прицел. Начальников, которые могут привести эту толпу в порядок и к дисциплине, нам не надо. Дождавшись залпа фланговых групп засады, перед которыми хунхузы были как на блюдечке, я мягко потянул спуск. Выстрел, и нового командира вынесло из седла с разбитой головой. Перезарядка. И вижу, что для меня целей больше нет. Оставшихся двух разбойников на том берегу сняли Лис и Леший, а из седловины ни на наш берег, ни назад никто выбираться не хочет. Фланговые группы продолжают вести одиночный огонь, но для нас целей нет. Низ седловины, где скопились хунхузы, мы не простреливаем. Ждем. Еще несколько выстрелов – и тишина. Сигнал Шаха криком-писком еновидной собаки: «Все закончено!»

Я встал из окопа и добил патроном магазин винтовки. Прикрепил к винтовке штык-тесак, прикупленный еще во время зимней поездки в Благовещенск. Дослал девятый патрон в ствол. Предстояла зачистка поля боя. Грязная, но если хочешь выжить, необходимая процедура на войне. «Не выстрелит в спину только мертвый». Данному постулату боевых действий очень быстро обучались молодые бойцы-интернационалисты в Афганистане. Оставил за спиной живого духа, а иногда обычного бача (мальчика) – стал трупом. А какой лучший способ узнать, мертв или жив противник? Правильно, лучшее доказательство смерти противника – твоя пуля, пробившая его череп, либо штык в сердце.

Сейчас и буду учить казачат очень грязной, но необходимой работе на войне. Патронов мало, и они дорогие, а штык, как говорил Суворов, молодец. Тем более и шашки остались притороченными к седлам лошадей, в окопах с ними лежать и воевать неудобно.

Я вышел на край спуска-подъема к броду с нашей стороны и удовлетворенно вздохнул про себя. Получилось. Внизу мешанина из человеческих тел и нескольких лошадиных трупов. Вода в ручье и белый песок по его берегам окрасились кровью. Некоторые лошади стояли,

опустив к земле голову, некоторые стали разбредаться вверх и вниз по ручью. Все хунхузы были мертвы или выглядели таковыми. Как говорится: «Это им за наших. Ибо нехер».

– Вот это мы их навалили! – раздался за моей спиной удивленный возглас Ромки. – Неужели все?

– Нет, Лис, не все. В лагере человека три, максимум шесть осталось, – прикидывая про себя количество трупов, ответил я и перехватил винтовку со штыком, чтобы было удобно колоть вниз. – Сейчас здесь зачистку проведем и будем думать, что делать дальше.

– Что проведем, Ермак? – переспросил подошедший Вовка Лесков.

– Зачистку, Леший. Я сейчас спускаюсь вниз и буду ударом штыка проверять, мертвец лежит, или кто из хунхузов притворился мертвым. Запомните на всю свою жизнь: только мертвый не выстрелит и не ударит в спину. Будете об этом помнить, проживете дольше. А пока идете за мной сзади и прикрываете меня.

Показав знаками Шаху и Туру, которые поднялись из окопов и доложили, что все целы, смотреть за дорогой, как и обговаривали при планировании засады, я с Лисом и Лешим за спиной стал спускаться к броду через ручей. Так, первый красавец лежит, глаза остекленевшие, неподвижно смотрят в небо. Контроль есть контроль. Удар штыком в область сердца. Мерзкий хруст входящего в тело лезвия, и я с трудом выдергиваю винтовку с примкнутым штыком из теперь уж точно мертвого хунхуза. Обходим лошадь, которая стоит, опустив голову вниз, и перебирает мундштуки языком и губами.

Следующий. Этот лежит лицом вниз. Когда до бандита осталось дойти пару шагов, тот неожиданно вскочил с земли и ударом двуручной сабли, которая лежала под ним, снизу вверх попытался располосовать меня от паха до шеи. Я на рефлексах отпрянул назад, выставив перед собой винтовку, но, завязнув в песке, стал падать на пятую точку и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и хунхуз с третьим глазом во лбу и снесенным затылком упал на спину, не выпустив саблю из своих рук.

Я, приземлившись на пятую точку и чуть не выбив себе зубы затвором винтовки, оглянулся назад. Лис и Леший явно растерялись, что, собственно, вообще неудивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Первым очнулся Леший, сделав несколько шагов в мою сторону.

– Ермак, ты цел? – каким-то сиплым шепотом обратился ко мне Вовка.

Собравшись с силами, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую им руку, встаю. Ноги ватные, мышцы всего тела ошутимо потряхивает от переизбытка адреналина. Винтовка в руках ходит ходуном. Из разбитой затвором верхней губы кровь попадает мне в рот, и ее соленый вкус приводит меня в себя.

– Вот это, господа казаки, и называется зачистка, – сообщил я Лису и Лешему и энергично замахал рукой, показывая остальным казачатам, которые, выскочив из окопов, собирались нестись в нашу сторону, чтобы они оставались на месте и продолжали наблюдение за дорогой.

– Ермак, а как ты успел среагировать? – спросил меня Ромка, облизывая свои пересохшие губы.

– Был готов к тому, что кто-то из хунхузов притворится мертвым и может напасть, – начал я глубокомысленным тоном, чувствуя, как меня продолжает трясти. – А если честно, то просто повезло, успел нажать на спуск. А перед вами очередное подтверждение неоспоримого правила, которое доводил до вас на тренировках: «Лучший прием рукопашного боя – выстрел в голову».

– Да-а-а уж-ж-ж! – очень похоже на Папанова из кинофильма «Двенадцать стульев» произнес Леший.

– Ага, – философски подтвердил Лис.

– Продолжаем зачистку!

И я двинулся вперед.

Глава 1

Ермаковская падь

Если посмотреть сверху, с высоты птичьего полета, то непроходимые леса с запада и севера ограждают неглубокую зеленую падь, тянущую с запада на восток, а с юга синее великий Амур, за которым возвышаются маньчжурские горы Ильхурн-Алинь. В пади между редкими лиственницами и березами встречаются островки кустов лимонника и стланиковой кедровой сосны. В особенности поражает вид огромной по сравнению с другими деревьями единственной ели, из-за которой выбегает дорога к берегу Амура и идет дальше к станции Черняева.

Если же по этой дороге зайти за ель и по тропе пройти через распад между двух холмов, то упрешься в тесные ворота и частокол хутора Ермаковского, на котором когда-то проживала большая семья Алениных.

На большом дворе, огражденном бревенчатым тыном, стоит дом-пятистенок, смотрящий квадратными окнами в белых наличниках на полдень. К дому пристроен большой амбар, крытый двор, рядом высится овин, дальше летний загон для лошадей и конюшня. У окон дома разбит небольшой садик, в котором две вечнозеленые елки, игластая недотрога-боярка, воткнутое в квадратную гряду колья в хрупких колечках прошлогоднего хмеля. Только не видно на дворе ни коней, ни коров, ни иной живности, даже кур не видно, и овин стоит пустым. И будто бы на двор опустились тоска и безысходность.

На лавке рядом с крыльцом сидит крепкий кряжистый старик, упершись подбородком в костыль, зажатый между ног. Небольшой ветерок развеивает седую бороду и седые волосы под облезлым козырьком старой фуражки. На изрезанном морщинами загорелом лице застыло отрешенное выражение, и только блестящие черные глаза выдают внутреннее напряжение старого казака Амурского казачьего войска – Аленина Афанасия Васильевича.

Знаменит казачий род Алениных, ведущий свое происхождение от алан и аорсов. Один Василий Тимофеевич Аленин-Ермак чего стоил. Ермак, или «Брмаг», то есть «бьющий стремительный источник», «прорыв» или «неудержимый» – такое прозвище Василий Аленин получил за свою неудержимость в бою. Если бы он родился в Скандинавии, его бы точно признали берсерком.

Сильный был атаман. За услуги при взятии Казани, оказанные еще молодым Ермаком во главе отряда донских казаков в казачьем войске под общим командованием атамана Сусара Федорова, царь Иоанн Грозный пожаловал донскому казачеству навеки весь Тихий Дон со всеми его реками и притоками. Данная грамота до конца XVII века хранилась в соборе города Черкаска и была отобрана Петром Великим во время его похода под Азов.

А прозвище «Ермак» настолько прилипло к атаману, что в синодике Тобольской соборной церкви для поминовения казаков, погибших при завоевании Сибири, по повелению первого архиепископа Киприана был Василий Тимофеевич Аленин записан как Ермак сын Тимофеев.

Ермак – неудержимый, эта неудержимость и не позволила атаману отступить во время боя на ночевке в устье реки Вагай, когда Кучум напал на спящих казаков и истребил почти весь их отряд. Тогда Ермак, прикрывая своих побратимов-казаков, один бился против двух десятков врагов, многих их убил, но был сражен ударом копья в горло татарским батыром Кутугаем.

Посмотреть на тело мертвого атамана съехалось много знатных мурз, а также сам Кучум. Татары несколько дней стреляли в тело из луков и пировали, но, по словам очевидцев, тело Ермака пролежало на воздухе месяц и даже не начало разлагаться.

После смерти атамана его есаул Матвей Мещеряк собрал казачий круг, на котором казаки решили идти из Сибири к Волге обратно. С ними ушла первая и единственная походная жена-наложница Ермака, прекрасная Айгуль с сыном Тимофеем. Целомудрен был атаман и того же требовал от казаков в военном походе, но не устоял перед красотой и ласковостью захваченной в бою девушки. А после рождения сына признал ее своей женой.

Вернувшись на Волгу, казаки под предводительством Мещеряка поняли, что прежней вольницы не будет из-за построенной там крепости-поселения Самара, для недопущения разбоя на Волге вольными казаками, и решили уйти на восток. Хорошее место было на реке Яик рядом с устьем реки Илек, там и хотели устроиться казаки.

Но в октябре 1586 года на Яике прочитали царскую грамоту, в которой говорилось о том, что казакам обещано прощение всех проступков и они должны были вступить в отряд крымского царевича Мурат-Гирея, принявшего русскую сторону. Пункт сбора был в Астрахани, чтобы потом пойти оттуда войной на крымских татар, делавших набеги.

Атаман Матвей Мещеряк и еще сотня вольных казаков поддержали эту грамоту и пошли сначала в Самару. Потом отряд казаков вышел из Самары в Астрахань, где было известно об их прибытии, но в пути атамана Матвея Мещеряка и четверых товарищей-есаулов снова отозвали в Самару, где их арестовали. В марте 1587 года в Самаре, на главной городской площади, был повешен атаман Матвей Мещеряк и его товарищи. Остальные казаки, узнав об этом, решили вернуться на Дон. Так, Айгуль и сын Ермака Тимофей оказались на родине отца и мужа в одной из станиц рядом с Раздорским казачьим городком.

Не обидели казаки жену и сына своего атамана. Построили им дом в станице, прикупили живности, выделили добра из привезенного дувана. Так и пошла донская Аленинская ветвь от князя Сибирского Ермака Тимофеевича.

В 1824 году родился казак Аленин Афанасий сын Васильев – прапрапраправнук знаменитого атамана. Храбрый был казак. В 1849 году в составе 23-го Хрещатицкого донского казачьего полка в армии под командованием фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича – отпрыска Пасько, старшины в армии гетмана Богдана Хмельницкого – воевал Афанасий с народной армией венгров. За ту кампанию был награжден медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании», серебряной медалью «За храбрость» на георгиевской ленте и австрийской золотой медалью с изображением Франца Иосифа и надписью *Der Tapferkeit* («За храбрость»).

Не любил эти награды Афанасий, не считал их заслуженными. Будучи старшим казачьего разъезда, задержал адъютанта главнокомандующего войсками венгерской народной армии генерала Гергея. Данный генерал еще до вступления русской армии в Венгрию умышленно сорвал наступление венгров на Вену, а потом, после нескольких столкновений с русскими войсками, решил вступить в тайные переговоры с фельдмаршалом Паскевичем, для чего и отправил своего адъютанта на поиски русских войск.

На равнине, между местечком Заране и деревней Селлеш, венгерская народная армия по приказу Гергея потом сложила оружие. Гергей был «взят в плен» и там еще корчил из себя патриота. Но вскоре Паскевич передал его австрийскому императору Францу Иосифу, который за услуги правительству назначил ему пожизненную пенсию.

Не знал ничего об этом казак Афанасий Аленин, но душой чувствовал, что не по заслугам награды. Сначала австрийскую золотую висюльку вручили, а потом и нашу серебряную «За храбрость» пожаловали за тот случай, сказав, что за выдающуюся храбрость. А в чем храбрость, если этот венгр адъютант к ним как к родным кинулся: вот он я – берите меня в плен! Хотя когда он вернулся в родную станицу, то приятно было, когда станичники обсуждали его награды. Ни у кого больше в близлежащих станицах Войска Донского не было золотой австрийской награды.

А вот два Георгиевских креста, полученных за Крымскую войну, Афанасий любил. Первый крест, еще до мартовского царского указа от 1856 года, когда он был разделен на четыре

степени, урядник Афанасий Аленин получил за Чингильские высоты. Тогда донцы 23-го Хрещатицкого в составе Эриванского отряда барона Врангеля разгромили пятикратно превосходящего их противника. Страшная рубка была. Сотника и двух хорунжих турки убили в первые минуты боя, и старший урядник Аленин, взяв командование на себя, повел сотню на врага. Захватили два орудия и четыре знамени турок. При этом Афанасий лично на шашку взял трех знаменосцев и прислугу одного орудия.

Позже, в период наступления на Карс, донцы вновь отличились в сражении при Кюрюк-Даре, в ходе которого турки были полностью разбиты, захвачено 15 орудий, 26 знамен и 2 тысячи пленных. Прославился в том бою и Афанасий, только и ранение получил тяжелое в голову. Как доставили его в родную станицу, и не помнил. Выходила любимая жена. А через полтора года вручили старшему уряднику Афанасию Аленину догнавший его Георгиевский крест 3-й степени за Кюрюк-Дара.

Казалось бы, живи и радуйся. Заслуженный георгиевский кавалер, красавица жена, трое сыновей-крепышей. Но не мог Афанасий пройти мимо неправды, потому-то и не любило его войсковое начальство за правду-матку, что говорил им в глаза Аленин на казачьем круге. Не любили и богатые казаки родной станицы, которым Афанасий Васильевич постоянно говорил, что не дело наживаться на своих братьях-казаках, попавших в нужду. Поэтому, когда в 1857 году Афанасий Аленин был избран одним из уполномоченных на станичный круг для выборов нового атамана, богатые казаки потребовали созвать внеочередную сходку и добились на ней, чтобы Афанасия заменили другим человеком.

Это был жестокий удар, нанесенный самолюбию Афанасия Васильевича. Как оплеванный ушел он со станичной сходки, на которой принадлежали ему раньше лучшее место и первый голос. С тех пор не переступала его нога порога сборной избы. Даже на соседской завалинке, где собирались по праздникам казаки, не видели его целое лето.

А по осени, продав дом и скотину, выехала семья Алениных из родной станицы в далекое Забайкалье. Почти полгода добирались они до Читы, где должен был записаться Афанасий в 1-й русский полк Сибирского линейного казачьего войска. Но в Чите Аленин узнал о том, что формируется Амурское казачество для защиты границы с Китаем. А желающим служить на границе дают землицы много да подъемные хорошие. И присоединилась весной 1858 года семья Алениных к десяти, имеющим донские корни, семьям забайкальских казаков, которым поручено было основать на реке Амур станицу Черняева, названную так в честь первого командира Амурской казачьей бригады – генерал-майора Георгия Федоровича Черняева, который был на момент командования бригадой войсковым старшиной.

В числе основателей станицы Черняева были семьи: Савиных, Шохиревых, Гусевских, Эповых, Луниных, Раздобреевых, Чупровых, Башуровых, Ананьевых, Чуевых, всего вместе с Алениными 43 взрослых человека. Семьи переселенцев долго готовились к отплытию: разбирали дома, стайки, зимовья. Бревна возили на берег, из них сколачивали плоты. На плотках настраивали навесы для защиты от непогоды, делали ящики для зерна, грузили скот, домашний скарб. Старались ничего не забыть – едут-то на голое место. Много сил и времени отнял сам сплав по реке. В указанном месте (две версты ниже теперешней станицы Черняева) плоты причалили к берегу. Чиновник, прибывший вместе с казаками, приказал на берегу Амура врыть столб и на него прибить дощечку с надписью «Станица Черняева». Дома сразу собирать не стали. Жилье решили устроить прямо в яру: вырыть яму и оборудовать ее в виде землянки. Противился этому только Афанасий Аленин, говоря, что затопит землянку в весенний паводок, напрасно труд казаков пропадет.

Не послушал назначенный атаман Черняевской станицы зауряд-хорунжий Савва Эпов предложений Аленина, и сделали забайкальские казаки по-своему. Землянка вместила все их десять семей, а Аленины ушли версты на три в сторону по Амуру и версты на две от реки,

облюбовав для строительства жилья красивую зеленую падь с небольшим озером, которую из-за большого количества волков называли Волчьей.

По весне жилища черняевских переселенцев затопил речной паводок, и вынуждены они были также перебраться по берегу Амура повыше, основав станицу Черняева верстах в двух от хутора Алениных. Не смог переступить через себя атаман Эпов, признав правоту казака Аленина. Из-за этого и стоял хутор Алениных наособицу от станицы, будто на выселках.

Но не горевал от этого Афанасий Васильевич. За два года построили Аленины дом большой с пристроями, обзавелись скотиной, распахали большой участок земли, вывели в пади всех волков. И все чаще стали падь называть не Волчьей, а Зеленой. А постепенно другое название пошло – Ермаковская падь (это когда станичники узнали, от кого Аленины род свой ведут).

А в окружном и станичном сходе очень скоро занял Афанасий Васильевич почетное место, как георгиевский кавалер и опытный казак. Ни одни ежегодные выборы окружного атамана не обходились без его веского слова. И самого Аленина не один раз хотели выбрать окружным атаманом, только отказывался Афанасий Васильевич от такой чести. Не хотелось ему из своей пади в станицу перебираться. А что за атаман, который живет вне станицы.

Прекрасное время было. В трудах и заботах годы текли незаметно. Росла станица, все больше славился своим достатком Аленинский хутор. Не успели оглянуться, как стали три сына справными казаками. По праздникам шествовал Афанасий Васильевич в станичную церковь, всегда в окружении сыновей. По правую руку от него шел большак Василий, роста среднего, но широкий в плечах казачина, песенник и гармонист; по левую – степенно вышагивал черноволосый, как и все братья – Тимофей, лучший рубака в станице. И, замыкая шествие, ступая след в след отцу, высоко нес чубатую голову меньшак Иван, грамотей и отцовский любимец. Приятно было Афанасию Васильевичу пройти с такими молодцами по улице, людей посмотреть и себя показать. Да и было на что посмотреть – все четверо черноволосы (только у Афанасия, как серебро, седина в бороде да в волосах), черноглазые, нос с горбинкой, смуглые, крепкие, поджарые, с длинными ногами. Походка у всех легкая, скользкая.

Много казачек засматривалось на братьев Алениных. Старший Василий давно победил сердце одной из них. Хорошая сноха Катерина в дом Алениных пришла, здоровая, работящая, и внука Тимофея через год принесла, на радость деду, а через два года – внучку Алену. Средний и младший братья еще женились. Ивану через год на первый срок службы идти, а Тимофей, уже отслуживший первый трехгодичный срок, подыскивал невесту.

Думал Афанасий Аленин в довольствии и спокойствии дожить до старости, но жизнь повернула по-своему. Сначала погиб на службе во время пограничного объезда младший любимец Иван. Не захотел служить писарем при штабе Амурского казачьего полка, хотелось ему схваток с хунхузами в пограничье, вот и нарвался в составе казачьего разъезда на шайку бандитов. Видимо, много было хунхузов, но дорого отдали свои жизни три казака. Вся поляна в крови была, где нашли раздетые, порубленные и пострелянные тела казаков. И больше крови там было пролито не казачьей, а бандитской. Да только вот тела своих убитых хунхузы унесли с собой. И неизвестно было, какой обмен жизнями произошел между казаками и варнаками.

А через год на охоте погиб средний сын Тимофей. Для свадьбы хотел пушнины набить на продажу, да нарвался на тигра-людоеда. От тела среднего сына почти ничего не осталось.

В том же году пережил Афанасий Васильевич еще одну утрату – смерть жены. Подкосили любимую смерти двух сыновей. Почернела, высохла, а после сороковин по Тимофею легла вечером спать и не проснулась.

Кроме горя по погибшим сыновьям и жене, пришли проблемы по хозяйству. Собирая на службу младшего Ивана, надо было справиться строевого коня, оружие, обмундирование да амуницию, а это триста-четыреста рублей, в зависимости от того, чем платить – серебром или ассигнациями. Пришлось продать двух быков и почти весь урожай пшеницы. Большая прореха

образовалась в хозяйстве Алениных. Иван погиб, а коня его, все личные вещи и оружие забрали хунхузы.

Когда из-за неурожая в следующем году подался на промысел пушнины с артелью Тимофей и погиб, то еще одного строевого коня семья потеряла – его тоже тигр задрал.

Потом пришло время Василию очередной трехгодичный срок служить. Из-за малого числа амурских казаков в самом начале становления Амурского войска из двенадцати лет службы в строевом разряде ходили казаки на службу в полк два раза по три года, а не четыре года, как в войске Донском. Остался Афанасий Васильевич с одной снохой на хозяйстве. Три года еле-еле сводили концы с концами. И только когда вернулся Василий со службы, семья Алениных вздохнула чуть свободнее. Но жить-то хотелось лучше, поэтому через два года после возвращения со службы Василия, зимой Афанасий Васильевич решил, что старший сын поедет на ярмарку в Благовещенск, чтобы продать лишнюю пшеницу, пушнину, солонину.

Кроме того, должен был Василий внести половинный залог в сто рублей за жеребца и кобылу башкирской породы для развода. Эти лошади и для хозяйства годны, и для строя их использовать можно.

Такие качества башкирской породы, как смелость и решительность, напористость и легкость в управлении, а также способность продолжительное время передвигаться резвым галопом и резвой рысью, что позволяло всаднику эффективно вести прицельный огонь и рубить пашкой, были отмечены казаками еще во время Отечественной войны 1812 года. И должны были купцы большой табун таких лошадей в Благовещенск пригнать к лету, а пока задаток набирали у будущих покупателей.

За счет разведения этих неприхотливых и морозостойких лошадей хотели лет за пять свое хозяйство Аленины окончательно поправить, тем более что три кобылы, пусть и амурской породы, у них уже были. Собрав все что можно, да еще заняв денег у богатого станичного казака Ивана Савина, отправил Афанасий оставшегося сына Василия с женой Екатериной да их дочкой Аленкой на ярмарку, оставшись на хозяйстве с внуком Тимофеем.

А через несколько дней настигла Афанасия очередная черная весть. Весь обоз казаков, ехавших на Благовещенскую ярмарку от станиц Черняева, Кузнецова, Ушакова попал в засаду банды хунхузов рядом со станицей Ново-Кумарской. Большой обоз был, да бандитов, по словам выживших, более сотни оказалось. Соотношение сил было три-четыре варнака на одного казака. Отважно бились казаки и их жены с бандитами, да не судьба была всем выжить. Больше всего не повезло середине обоза, куда был направлен основной удар хунхузов, где и ехали на санях Аленины.

Со слов выжившего казака Прокопа Лопатина из соседней Кузнецовской станицы, Василий Аленин лично зарубил трех ватажников, а его жена Катерина двоих успела из винтаря положить, пока их не порубали хунхузы, набросившись со всех сторон.

Самому Прокопу чудом повезло вырваться. Он во время нападения был верхом на лошади, а не в санях с братом Северьяном, поэтому и смог даже раненым верхами уйти. Его же брата и всех казаков с их семьями в середине обоза убили.

Когда примчались вооруженные казаки из Ново-Кумарской станицы к месту боя, им осталось только разбирать раздетые трупы казаков, их жен и детей, да мертвых хунхузов, которых выжившие в нападении бандиты бросили, предварительно обобрав до нитки. А все остальное добро с бандитами караваном ушло через замерший Амур в горы Ильхурн-Алинь на территории Маньчжурии. Не успели казаки их догнать до границы и отомстить.

Похоронил Афанасий Васильевич последнего сына со снохой. А внучку Аленку нигде не нашли. Не было ее ни среди убитых, ни среди выживших, ни рядом с местом засады. Видимо, хунхузы с собой забрали для продажи в рабство. Не тешить же плоть с десятилетней девчушкой. Хотя всякое бывало. Но не хотелось деду об этом даже думать.

Так осталось семейство Алениных без головы. За всем приглядывать, со всем управляться пришлось Афанасию Васильевичу дальше вдвоем с двенадцатилетним внуком Тимофеем, первенцем Василия. Солоно им доставался этот догляд, а толку все равно не выходило. Известно, какая сила у стариков и сметка у ребятишек. Да еще долг пришлось Савину отдавать, аж семьдесят рублей, да еще проценты.

Крепкий хозяин – казак Савин Иван Митрофанович. У него и табун лошадей в три косяка по двадцать голов, и стадо коров количеством пятьдесят, и своя маслобойня, и две конно-канатных мельницы, и лавка торговая с трактиром в станице Черняева. От богатства своего стал Иван Митрофанович в рост деньги давать станичникам. И хоть процент небольшой накручивал, да много уже казаков к нему в кабалу да зависимость попало – то неурожай, то наводнение, то еще какая беда.

Вот и Афанасию Васильевичу пришлось за долг с процентами отдать последнего строевого коня, имеющихся в хозяйстве кобылку-трехлетку и корову, да еще кое-какого добра по мелочи. И остался георгиевский кавалер Афанасий Васильевич Аленин с почти пустым от живности двором и внуком на руках. Родни рядом никого.

Подумав, Афанасий Васильевич продал двух оставшихся быков, корову, купил для внука и себя двух молодых трехлеток амурской породы и пошел наниматься в пастухи к Савину. А что оставалось делать? Вспахать двадцать десятин Аленинской земли сил не было. Афанасию Васильевичу шел шестьдесят пятый год, не было уже былой силы в руках, а после свалившихся на голову смертей близких как-то разом разболелись старые раны. А с внука какой спрос в пахоте. Вот и остался один выход, идти в пастухи. Так вот и жили третий год.

Глава 2

Тимоха Аленин

Позавчера, в субботу, Афанасий Васильевич и Тимофей приехали домой на побывку: в бане помыться, припасов наготовить на неделю. Отдохнули, по дому прибрались и в ночь на понедельник решили отправляться на пастбище, но скрутило спину у старика Афанасия, да так, что ни вздохнуть, ни охнуть. Еле с костылем по дому мог пройтись. Так и ускакал в ночь Тимоха на пастбище один. Сказал, что справится.

В полдень Афанасий Васильевич сидел на скамейке у дома, грея кости на солнышке, и смотрел через открытые ворота на дорогу, положив подбородок на рукоять костыля, зажатого между ног. Сидел и думал о внуке, о том, что с ним дальше делать, а то своего здоровья и жизни осталось очень немного.

– Эх, Тимоха, Тимоха, – вздохнул старый Афанасий. – Хороший казак растет. Нашей, Аленинской породы.

Тимофей, или пока еще Тимоха, рос крепким высоким парнем, имел черные, кудреватые волосы, продолговатое лицо, смуглое и пригожее, нос, как у всей Аленинской родни, с горбинкой, глаза черные, переходящие в темно-карие. После смерти родителей взор стал строгим и каким-то пронзительным.

Постоянная верховая езда на пастбище и ежедневные занятия под руководством деда по рукопашному и ножевому бою, рубке шашкой, джигитовке закалили тело подростка, которое казалось скрученным из жил и мышц. Не было у Тимохи и капли жира, все из-за занятий сгорело до грамма, да и питание не сказать чтобы было богатым.

– Что же мне с тобой делать, внучок! – вслух произнес старик, и его глаза наполнились влагой. – Совсем мне мало осталось.

Зимой еще Афанасий Васильевич разговаривал со станичным атаманом Селеверстовым Петром Никодимычем о возможности поступления внука в Иркутское юнкерское училище на казенный кошт. Но до поступления еще четыре года, и на подготовку к экзаменам и на учебу деньги нужны.

– Эх-хе-хе... Грехи наши тяжкие! – вновь тяжело вздохнул старик. – Лишь бы освоил науки Тимоха. Умным растет, стервец. Все книги, оставшиеся от младшего сына Ивана, уже прочитал. Только хватит ли этих знаний?

В этот момент все еще острые глаза старого Аленина заметили вдали на дороге к хутору группу всадников, и его сердце тревожно заныло.

Когда всадники приблизились и стало видно, что между двумя лошадьми приторочены самодельные носилки, в которых лежало чье-то тело, от них отделился один конник и наметом поскакал к Аленинскому дому.

– Здрав будь, дядька Афанасий! – поприветствовал старика въехавший во двор окружной атаман Селеверстов. – Тимоху твоего хунхузы сильно побили, но жив пока.

Атаман соскочил с крепкого гнедого жеребца и, сняв фуражку, перекрестился:

– Сейчас доктор приедет, и за Марфой я послал.

– Что случилось? – с трудом поднялся с лавки Афанасий Васильевич.

– Тимоха твой, мой младший Ромка да Петруха Данилов погнали станичный войсковой табун и савинский косяк с Вороном на водопой к Амуру. – Селеверстов вытер ладонью пот с лица и надел фуражку.

– Не тяни, Никодимыч!

– Хунхузы! Будь они неладны! – сплюнул атаман. – Амур в этом году обмелел, вот они у Песчаной косы через остров Зориха и переправились верхами вплавь.

– Кто же их ждал-то! – махнул рукой Селеверстов. – Ведь ни разу рядом со станицей даже зимой не шалили. А тут, видимо, на табун, варнаки, позарились.

– Дальше-то что? – судорожно сжал в руке костыль Афанасий.

– Что? Что! Когда казачата увидели, что хунхузы через Амур переплывают, твой Тимоха кричит: «Заворачивай табун! В падь его гони!» Ну и погнали, а хунхузы, переправившись, за ними. Перед тем как в Соворовскую ложину спуститься, Тимоха опять кричит: «Гоните в станицу. Казаков поднимайте!» Тут выстрел, Ромка мой обернулся, глядит, а Тимоха из седла валится. Ну, они с Петрухой в станицу и припустились.

– Бросили, значит? – угрюмо произнес старый Аленин, сверкнув глазами.

– Да погоди ты, дядька Афанасий! – Атаман опять вытер пот, теперь рукавом рубахи. – Влетели Ромка с Петрухой в станицу с криком: «Караул, хунхузы!» Мы в набат. Кто в станице из казаков был – в ружье, на конь и к Соворовской ложине. Пока скакали, казаки гутарят, что поздно уже, увели хунхузы табун, придется за ним на ту сторону Амура идти.

– Да не тяни ты, Никодимыч! – взмолился Афанасий.

– Да... живой, живой твой Тимоха. Она, привезли уже. – Селеверстов показал рукой на въезжающих на двор Алениных казаков.

Старый Аленин с трудом дошел до подвешенных между лошадей носилок, где лежал внук Тимофей, и невольно отпрянул. Вид у Тимохи был ужасен: порванная рубаха, шаровары, сапоги – все было в грязи и буквально залито кровью. Лицо и волосы молодого казака были покрыты буро-коричневой коркой. Лишь на голове да на правом предплечье белели повязки из холстины, также пропитанные кровью.

– Не бойся, дядька Афанасий. – Атаман неслышно подошел и положил старику руку на плечо. – Не его эта кровь. Легко, можно сказать, твой внук отделался.

– А чья кровь тогда? – повернув голову к атаману, спросил старик.

– Расскажу все, подожди. Сейчас казаки Тимоху в бане разденут, отмоют и в хату занесут. Давай быстрее, станичники! – повелительно гаркнул Селеверстов. – Шевелись!

Четверо казаков, спешившись, осторожно сняли носилки с телом Тимохи и понесли к бане Алениных. Еще двое бросились в дом за ведрами. Кто-то уже черпал воду из колодца, а мощного телосложения черноусый казак кинжалом щипал лучину для розжига банной печки.

В это время на двор въехала бричка, из которой вылез окружной фельдшер Иван Петрович Сычев. Что-то спросив у казаков во дворе, он быстрым шагом, с саквояжем в руке прошел в баню.

Старый Афанасий тяжело опустился на лавку у дома и, показав атаману Селеверстову, чтобы тот сядил рядом, устало произнес:

– Ну, рассказывай далее.

– Да что рассказывать-то... – так же тяжело опустился на лавку атаман. – Непонятно все!

– Что непонятно?

– Да то. Получается, дядька Афанасий, что Тимоха-то твой двенадцать хунхузов на тот свет отправил.

– Как двенадцать? – Брови старика Аленина от удивления взлетели вверх.

– А не знаю, как! – Селеверстов поставил шашку между ног и оперся подбородком на ее эфес. – Последнего он у нас на глазах убил. – Атаман разгладил пальцами свои сивые усы. – Галопом влетаем с казаками в Соворовскую ложину, там уже нет никого. Несемся дальше, к спуску к Амуру у острова, глядим – сверху на холме Тимоха стоит в таком вот виде: весь в кровище, а на него хунхуз верхами несется во весь опор, визжит и своей железкой китайской машет. А у Тимохи правая рука плетью висит, а в левой только кинжал.

Атаман замолчал. Старик Аленин напряженно ждал продолжения.

– Представляешь, дядька Афанасий, – Селеверстов развернулся всем телом к старому казаку, – на него китаец этот летит, да здоровый такой, как бы не больше нашего Митяя Широкого, а твой Тимоха стоит с одним кинжалом и ждет его спокойно.

– Петр Никодимыч, не тяни ты душу! Дальше рассказывай!

– Рубанул хунхуз Тимоху сверху наотмашь, тот попытался увернуться и прикрыться кинжалом. Все, думаю, нет больше Тимохи! Такой удар сам не знаю, отбил бы или нет, да и то пашкой, а не кинжалом.

Селеверстов задумчиво начал крутить кончик уса.

– Словом, хунхуз на нас выскочил. Мы только карабины подняли. Раньше-то стрелять не могли, Тимоха варнака загоразивал. – Атаман рубанул рукой. – Смотрим, а китаец с коня валится, и в спине у него кинжал торчит. Тимоха же постоял, постоял, покачнулся и упал.

Старик Аленин крепче сжал костыль обеими руками.

– Мы на холм наметом поднялись, – продолжил свой рассказ Петр Никодимыч, – глядим, Тимоха лежит, лицо кровью залито. Мишка Лунин с коня соскочил и к нему кинулся. «Жив!!! – кричит. – И голова целая!» Да давай рубаху на себе рвать и перевязывать голову Тимохе.

Селеверстов посмотрел в глаза Аленину.

– Я с остальными казаками стал с холма спускаться к Амуру, а там картина: у подножия холма два застреленных китайца. А еще дальше по берегу во всей красе еще девять мертвых бандитов. У половины головы прострелены. Трое еще почему-то поперек седла на лошадях лежат. Ну и наш табун почти полностью по берегу разбрелся.

– У Тимохи-то с утра, когда на пастбище уезжал, только четыре патрона к его берданке было, – сказал Афанасий, не отрывая удивленного взгляда от лица атамана.

– Собрали мы табун, Тимоху перевязали, чем смогли, на сделанные носилки положили, подвесили между лошадей да назад подались, – продолжил Селеверстов. – Я там урядника Башурова с двумя десятками казаков оставил, чтобы еще пошукали, посмотрели, на ту сторону Амура быстро сходили.

– А наказному атаману не доложат? – спросил Афанасий Васильевич. – Запретили нам на ту сторону в Маньчжурию ходить.

– Ничего, Наум Башуров казак опытный. Все по-тихому сделает. Следов не оставит. А вот и фельдшер!

– Что скажете, уважаемый Иван Петрович? – поднялся с лавки Селеверстов, а за ним с трудом встал и старый Аленин, с надеждой глядя на фельдшера.

– Все хорошо! – ответил Сычев, подходя к казакам. – На удивление хорошо. На правом боку касательное ранение от пули, прострелено правое плечо. Но иначе как чудом я это не назову! Плечевая кость не задета, артерия не задета, нервная связка не задета. Рука будет нормально работать. При этом если бы пуля прошла чуть-чуть левее, выше или ниже, и можно было бы с рукой проститься, а то и не довели бы казаки Тимофея живым сюда. Кровью бы истек. В общем, везучий парень Тимоха! В плече-то и кость, и мышцы, и жилы тесно идут, не одно заденешь, так другое... А тут так повезло!!! Что еще? На голове сильный ушиб височной области с левой стороны и рассечение кожи.

Фельдшер поставил саквояж на землю, достал из сюртука коробку папиросок и, закуривав, продолжил:

– Через месяц или два будет как огурчик, шрам только над левой бровью останется, да правую руку, после того как дырка зарастет, надо будет еще с месяц-другой побережь.

– Он уже пришел в себя? – с затаенной радостью спросил старый Афанасий.

– Пока нет. Контузия от удара по голове у него сильная и кровопотеря большая. Так что покой и пока только питье с лекарствами, которые я оставил. Потом бульона можно дать будет. – Сычев загасил папироску. – Завтра приеду, сменю повязки. Если вдруг его вырвет,

Афанасий Васильевич, не пугайтесь. Такое бывает после сильного удара по голове. Счастливо оставаться! – И доктор направился к бричке.

– А как же оплата? – вдогонку крикнул старый Афанасий.

– Потом, все потом, – ответил Сычев, усевшись в бричку и направляя ее в ворота, и выехал со двора Алениных, где чуть не столкнулся с въезжающей телегой, запряженной небольшой кобылой, которой правила красивая, черноволосая женщина лет тридцати.

– Вот и Марфа приехала! – Поправив фуражку, Селеверстов пошел навстречу.

– Здравствуй, атаман, – спрыгнув с телеги, поздоровалась красавица. – Сто лет прожить вам, Афанасий Васильевич.

– Здравствуй, Марфа, – хором поздоровались с ней казаки.

– Зачем звал, атаман? – спросила Марфа, глядя на Селеверстова иссиня-черными глазами.

– Понимаешь, Марфа, – потерял усы станичный атаман, не отводя глаз от взгляда женщины, – непонятно мне...

– Что непонятно?

– Непонятно, как мог четырнадцатилетний казачонок, чуть даже не малолетка, двенадцать вооруженных варнаков извести.

– Чего-то боишься, Никодимыч? – спросил, подковыляв, Афанасий.

– Не знаю. Пусть Марфа Тимофея посмотрит. Она ведунья сильная, душу видит. Пусть посмотрит! Мало ли чего!

Прервав разговор, к стоявшим казакам и женщине на взмыленном жеребце подлетел казак с лычками младшего урядника на погонах и, свесившись с седла к атаману, негромко проговорил:

– Господин атаман, на берегу острова Зориха обнаружено двадцать наших коней, четыре мертвых вооруженных китайца и их лошади. Китайцы все убиты из винтара. Всех лошадок перегнали на нашу сторону. С китайцев все собрали.

Конь под урядником начал играть, перебирая ногами.

– Да сойди ты с коня, Башуров, и доложи подробно, – похлопывая жеребца по морде, сказал Селеверстов.

Наум Башуров, соскользнув с коня и взяв его под уздцы, продолжил:

– В овраге, что вправо от Амура перед Соворовской ложиной уходит, нашли еще пятерых мертвых хунхузов и их лошадей. Двое убиты кинжалом со спины в сердце одним ударом, а у троих глотки от уха до уха перерезаны.

– Да... дела! – Атаман озадачено сдвинул фуражку с желтым околышем на затылок, а старый Афанасий застыл столбом.

– Еще что нашли? – спросил Селеверстов.

– У хунхузов зарезанных, которые вооружены были винтовками Бердана, подсумки для патронов пустые, – продолжил доклад урядник. – Варнаков на острове Зориха положили с нашей стороны. Нашли лежку Тимохи, откуда он сделал, судя по гильзам, четыре выстрела.

– Что скажешь, Афанасий? – повернулся атаман к старому Аленину. – Смог бы твой внук за двести-триста шагов четырьмя выстрелами попасть в четверых скачущих всадников? И не просто попасть, но и убить?

– Не знаю, Петр Никодимыч, – с сомнением покачал головой старый казак. – Стреляет Тимоха хорошо, но чтобы так... И прирезать пятерых варнаков, да еще таким образом... Не знаю.

– Ага, прирезали варнаков знатно, ни один и пикнуть не успел. Мы их по оврагу шагах в ста друг от друга нашли, кроме двух последних, которых, видимо, одновременно зарезали, причем одному башку почти напрочь снесли. А предупредить друг друга они не успели! – встрял в разговор Башуров.

– Урядник, чьи-то еще следы были?

– Никак нет, господин атаман, – вытянулся в струнку Башуров. – Только следы Тимохи Аленина. Нашли место, где он перевязку делал, там же и двух зарезанных хунгузов. Лежку на берегу, где он по бандитам на острове стрелял, и на холме позицию, рядом с которой нашли его ножны от кинжала, ремень и пустую китайскую сумку для патронов. Там же недалеко и карабин Тимохин нашли. Стреляли из него, судя по нагару в стволе, много. А на вершине холма, где Тимоха последнего варнака кинжалом убил, в траве револьвер нашли.

– Одно непонятно, как он столько варнаков смог завалить! – Башуров задумчиво почесал голову под фуражкой. – Мы с казаками обсуждали: ни один из нас не смог бы такого сделать.

– Вот и мне непонятно! – Селеверстов внимательно оглядел стоящих перед ним казаков и женщину. – Как мне наказному атаману докладывать: «Ваше превосходительство, у нас хунгузы на днях хотели станичный войсковой табун лошадей угнать, да только четырнадцатилетний Тимоха Аленин взял да и убил их один всех. Да чего там, ваше превосходительство, их было всего двадцать один варнак. Для наших казачат это все равно что стакан молока выпить».

– Ладно, – махнул рукой атаман, – об этом позже будем думать. Марфа, ты иди Тимоху смотри, мы с Наумом пока еще переговорим, а ты, Афанасий Васильевич, иди, присядь пока на лавочку.

Сказав все это, атаман с урядником отошли в сторону и стали что-то негромко обсуждать.

– Не волнуйся, Афанасий Васильевич. – Марфа положила старику руку на плечо. – Все будет хорошо. Я чувствую.

Погладив старого Аленина по плечу, знахарка и ведунья легкой походкой пошла в дом, куда уже перенесли раненого Тимофея.

Афанасий с трудом доковылял до лавки, кряхтя, опустился на нее и застыл, глядя пустыми глазами куда-то вдаль.

Селеверстов, переговорив с урядником, пошел по двору, останавливаясь по очереди и разговаривая о чем-то с казаками, находящимися на подворье Алениных. Поговорив со всеми, он вернулся к старику Аленину и, присев рядом с ним на лавку, тихо произнес:

– Вот что, дядька Афанасий, я переговорил с казаками, и мы решили, что из захваченной добычи утаим трех лучших лошадей с полной сбруей и три хороших винтаря с патронами. Все это пойдет тебе и Тимохе. – Атаман поднял руку, предупреждая возражения Аленина. – Пойми, дядька Афанасий, твой внук наш станичный войсковой табун спас. Сколько бы казаков в станице могло без строевого коня остаться. Да что кони, Тимоха моего Ромку да Дмитра Данилова сына, Петруху, от верной смерти спас. За что всю оставшуюся жизнь буду за Тимофея твоего молиться. Кроме того, мы со станичниками решили, что всю премию за хунгузов и за их снаряжение, что начальство в Благовещенске даст, тебе отдать для Тимохи. Ему деньги понадобятся, если сможет в Иркутское училище поступить. Да вам и сейчас деньги не помешают.

Афанасий Васильевич из-под густых седых бровей внимательно посмотрел на атамана.

– Да, Афанасий. Завтра повезем в Благовещенск захваченное у хунгузов оружие, амуницию и их лошадей погоним для доклада. – Селеверстов поднялся, надел фуражку. – Там я с наказным атаманом о Тимохе и поговорю. Все равно докладывать о том, как он отличился. Может быть, под этот случай и вопрос о его поступлении в училище решим.

Атаман направился к своему жеребцу.

– Дядька Афанасий, я твоих коней и тех, которых отберем для тебя, пока у себя оставлю, а вечером Ромку пришлю для помощи. Он и поседать тебе привезет, и бульон куриный для Тимохи.

– Спасибо тебе за все, Петр Никодимыч! – Старый казак поднялся с лавки и склонил голову.

– Тимохе твоему за все спасибо.

Селеверстов поклонился, затем перебросил повод на шею коню и легко, не касаясь стремян, вскочил в седло, будто и не шестой десяток шел атаману.

На выход со двора за атаманом потянулись верхами остальные казаки, ведя в поводу несколько заводных лошадей. Из дома вышла Марфа и подошла к Аленину.

– Что скажешь, Марфа?

– Не знаю, что и сказать, Афанасий Васильевич. – Женщина на несколько секунд задумалась. – Показалось мне вначале, когда Тимофея разбудила, что смотрит на меня старик. Только я попыталась взглянуть в него, как он как будто бы в скорлупу спрятался, а потом уже твой внук появился.

– Как он? – Старый Аленин подался ближе к ведунье.

– Не помнит ничего. Говорит, что когда погнали табун в падь, услышал выстрел, что-то ударило в бок, и он слетел с коня, ударился головой, и все. – Марфа покачала головой. – Не знаю, что и думать, Афанасий Васильевич. Казаки-то с атаманом говорили, что Тимофей всех хунхузов убил. Других следов не было. А он не помнит ничего.

Афанасий Васильевич пригладил ладонью свою седую бороду.

– А ты что думаешь? Все знают, что ведунья ты сильная и знахарка знатная.

– Не знаю, не сталкивалась я с таким. И бабка, что учила меня, тоже не сталкивалась. А вот ее бабушка, моя прапрабабушка, говорила, что был у нее случай, когда в одном теле как бы два разных человека жили.

– И что делать?

– Не знаю. Смотреть буду. А может быть, тот другой, что не Тимофей, появляется только в минуты смертельной опасности для них обоих? – Знахарка ласково улыбнулась старику. – По сути, он же спас Тимофея, да и убить варнаков столько – это каким же воином справным надо быть?

– Да... – продолжая оглаживать бороду, протянул Аленин. – Уж насколько я в молодости был умелым казаком, но такого количества врагов точно бы не одолел. Так что мне делать, Марфа?

– А ничего! Живите, Афанасий Васильевич, как жили. Внука выхаживайте от ранений. А я наезжать буду, смотреть. Может быть, что и проявится.

Женщина приобняла старика.

– Все хорошо будет, дядя Афанасий. Тимоха жив. Молодой. На поправку быстро пойдет. Да может, и ошиблась я, привиделся мне взор старика. Ладно, поехала я в станицу.

Марфа подошла к телеге, села в нее и, понукая лошадь вожжами, стала разворачивать телегу для выезда со двора.

– Прощай, дядя Афанасий! – задорно улыбнулась она, показав ровные белоснежные зубы. – Завтра ближе к обеду подъеду, посмотрю, что там дохтур наш намудрит.

Затрусил кобылка, и телега, поднимая пыль, покатила со двора. Сидевшая в ней женщина прощально махнула старому Аленину рукой.

Афанасий Васильевич немного постоял во дворе, провожая взглядом уезжающую знахарку, затем потихоньку пошел к дому. С трудом поднявшись на крыльцо, старый казак зашел в сени и медленно проковылял в горницу, где на кровати лежал забинтованный внук.

Склонившись над Тимофеем, дед осторожно погладил его черные вихры волос, торчавшие из-под перевязочной ткани. Как будто почувствовав это, Тимофей открыл глаза.

– Деда, все хорошо?

– Хорошо, внучек. Все хорошо, Тимоха! – по загубелому лицу из глаз старого казака, терясь в бороде, потекли слезы.

Глава 3

Гвардии подполковник Тимофей Аленин

Пока внук общается с дедом, подумаем о том, что же случилось. Для начала позвольте представиться – гвардии подполковник запаса Тимофей Васильевич Аленин – полный тезка молодого Аленина, в тело которого занесло мою грешную душу, сознание, матрицу или еще что-то, не знаю, как это назвать. Но ощущаю я себя в этом теле почти нормально: думается легко, Тимоха мне не мешает, да и телом его, как убедили утренние события, тоже управлял нормально. Хорошее, сильное и развитое тело у паренька. Разве растяжки, резкости, выносливости не хватает, но это дело наживное. Но обо всем по порядку.

Родился я в 1963 году в семье военного в городе Благовещенске. Учился так себе, но спортом занимался усиленно. К окончанию школы выполнил норматив КМС по биатлону. Очень хотел поступить в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище в Благовещенске, где также готовили офицеров для морской пехоты, но не прошел по баллам. Завалил русский язык. Не могу писать сочинения – не Лев Толстой я, к сожалению. Поэтому вместо военного училища попал в армию, как думал сначала, обычным «пехотным Ваней». Но все оказалось намного интереснее.

Из военкомата с «покупателем» – молодым старшим лейтенантом с пехотными петлицами – я и еще двое ребят на самолете совершили перелет через всю страну из Благовещенска до Великого Новгорода. Потом на уазике нас отвезли куда-то под Псков, в летние лагеря, где и выяснилось, что пехотные петлицы старшего лейтенанта – это маскировка, а служить я буду в каком-то спецназе, хотя форма солдат и офицеров в учебке была десантных войск.

И прослужил я в войсках специального назначения двадцать три года с хвостиком, не считая учебы в военном училище. После полугода обучения в учебке, где получил специальность минера, почти год службы в Афганистане в 177-м отдельном отряде спецназа, в составе 22-й бригады СпН. В данное подразделение получил распределение из-за своей внешности. Вылитый пуштун, не раз потом подкалывали меня ребята в отряде.

За Афганистан получил медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», орден Красной звезды, позывной «Ермак», славу хорошего минера и снайпера.

В отряде, как КМСу по биатлону, после пробных стрельб вручили СВД и поставили сначала в пару к основному снайперу. Вскоре стал штатным снайпером. Потом был бой, во время которого получил два ранения: в голову и правую руку.

«Почти как сейчас, – подумал я и попытался повернуть голову и пошевелить рукой, благо дед Афанасий уже из горницы ушел, и никого рядом не было. – Терпимо. Боли почти нет. Интересно – тогда в Афгане кожу на голове осколком мины рассекло и пулю в плечо от снайпера моджахеда в одном бою получил, и сейчас – пулю в руку и китайским мечом по голове. Тенденция, однако!»

После госпиталя в Ташкенте и отпуска по ранению до моего дембеля оставалось около четырех месяцев, когда неожиданно даже для себя я взял и написал рапорт с просьбой отправить меня поступать в рязанское десантное училище.

Батя – командир 177-го ооСпН – майор Керимбаев рапорту ход дал и характеристику взводного подписал, в которой тот столько хорошего изложил, что хоть памятник из меня делай. Потом учебные сборы на базе Самаркандского автомобильного училища, где попал в роту поступавших в десантное училище. Сдача физо и медкомиссия. Ее, несмотря на ранения, слава богу, прошел. Награждение орденом освободило от сдачи вступительных экзаменов. Затем абитура в ЗУЦе под Рязанью, и я – курсант РВВДКУ.

Четыре года обучения в спецбатальоне в отделении спецназа, красный диплом, лейтенантские погоны, право выбора места службы и 173-й ооСпН в родной 22-й бригаде спецназа, которая базировалась уже в Азербайджане.

А затем поддержание конституционного порядка в Баку, Нагорный Карабах, осетино-ингушский конфликт, две чеченских кампании, парочка заграникомандировок, грузинский конфликт и заслуженный дембель в 2009 году. Мог бы и дальше служить, но надоело смотреть, как армию лишают последних боевых подразделений. Лучше бы Табуреткин продолжал мебелью торговать, а не министерством обороны руководить! Хотя на вооружении больше зарабатываешь.

Выслуги, да еще со льготами, было уже по самое не могу – вот и ушел. С жильем проблем не было: от родителей после их переезда в Краснодарский край трехкомнатная квартира в Благовещенске осталась, и от деда – крепкое подворье в Ермаковской пади на Амуре, где я и проживал постоянно последние годы.

Сбежал я из Благовещенска, где очень часто приглашали на торжественные мероприятия в качестве почетного гостя или «новогодней елки». К наградам за Афган еще два ордена Мужества добавились и Звезда Героя России за операцию в Первомайске против банды Радуева. А если добавить юбилейные медали, за выслугу и кучу всяких знаков за Чечню, то иконостас на парадном мундире значительный получался. Вот и «работал» в администрации города «почетным жителем», пока не надело. Уехал в дедов дом, подремонтировал его и зажил спокойной жизнью пенсионера. Пенсии и надбавки за Героя России хватало с избытком, лес обеспечивал дичью и другими дарами, Амур – рыбой, спутниковая тарелка с модемом давала связь с миром через Интернет и телевидение. Так и жил бобылем.

Были в свое время две жены, да не выдержали они постоянного ожидания мужа с боевых выходов, которые иногда длились по полгода. Детей в обоих браках не нажил. Осталось одиночество, но оно постепенно стало нравиться. В последнее время пристрастился к чтению книг, особенно по альтернативной истории с «попаданцами», благо в электронном виде таких произведений в инете можно было найти множество. Подумывал свои мемуары засесть писать, но все оборвалось летним утром 2018 года. Выбежал, как обычно, с утра в лес на зарядку, увидел яркий шар в небе. Успел подумать: «Все же пиндосы ударили ядерным оружием!» Нестерпимый жар и темнота.

Очнулся и не пойму, где нахожусь. Лежу на спине в траве, раскинув руки, голова разваливается, в правом боку сильная боль. Слышен топот множества конских копыт, будто табун от меня удаляется. Попытался сесть – удалось, но не могу понять, что не так. Увидел свои ноги в сапогах и в синих шароварах с желтыми лампасами, затем поднес руки к глазам.

– Н-да... Приплыли! – вслух произнес я и не узнал собственного голоса. Это был ломающийся басок молодого парня. И руки, и ноги, и все остальное тело также принадлежало крепкому жилистому парню лет шестнадцати-восемнадцати.

– Глюки?! – тихо сказал я, но боль в голове и боку была уж больно реальной.

Скосив взгляд вправо и вниз, увидел на залитой кровью серо-белой холстинной рубашке входное и выходное пулевые отверстия. Прижал правую руку к боку и невольно дернулся от прострелившей меня боли.

– Похоже, по касательной зацепило, – прошипел я сквозь зубы и сильнее прижал ладонь к ране.

Боль не усилилась, значит, ребра целые. Это уже хорошо! Но рассмотреть более подробно рану не удалось, так как внимание переключилось на приближающиеся конский топот и крики. Повернув голову, увидел, что где-то в километре от меня в мою сторону во весь опор несется пятнадцать-двадцать всадников, одетых во что-то непонятное, с какими-то веревками за головами. Некоторые чем-то крутили одной рукой над собой, а кто-то держал в руках предметы, издали похожие на палки или ружья.

Индикатор опасности в голове забил во все колокола. Я вскочил на ноги, покачнулся из-за боли в боку и закружившейся головы, но, сжав зубы, заставил себя оглядеться вокруг.

Слева от меня метрах в тридцати начинался глубокий, широкий и длинный овраг с высокой травой, склоны которого поросли кустарником и деревьями. Вдали овраг пропадал в лесу. Прямо на меня, уже где-то в метрах восьмистах, по ровному полю скакали всадники. Справа высился холм, а за мной тянулась к лесу широкая лощина с густой травой и мелкими кустарниками.

В лощине останавливал бег, переходя с рыси на шаг, большой конский табун голов в сто или в сто пятьдесят. От табуна отделились два всадника и, нахлестывая лошадей, во весь опор понеслись к виднеющейся вдали дороге, уходящей в лес.

– Ромка и Петруха в станицу поскакали, казаков поднимать, – прозвучало в моей или не моей голове.

– Ты кто? – мысленно спросил я оппонента.

– Тимоха Аленин из Ермаковской пади, – получил такой же мысленный ответ.

– Какой сейчас год?

– Лето одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года.

– А это что за всадники?

– Хунхузы! Конец нам пришел!!!

В голове и по всему телу прокатилась волна страха и ужаса, от которой дыбом встали все волосы на теле.

– Так, Тимоха, спокойно. Я тоже Аленин и тоже Тимофей. Офицер спецназа. – Я задержал дыхание, чтобы новое тело получило выброс адреналина. – Не паниковать и мне не мешать. Затаись где-нибудь и не лезь в руководство телом.

– А вы взаправду офицер, ваше благородие?

– Взаправду, Тимоха, взаправду. Оружие у тебя было какое-нибудь?

– Кинжал дедов был за поясом, карабин Бердана был в руках, когда в бок что-то ударило, и я упал с коня. И еще к берданке четыре патрона в кармане шаровар было.

– Уже хорошо!

Я сделал несколько шагов навстречу всадникам и увидел в траве кавказский кинжал кама с красиво отделанной рукоятью и в шикарных ножнах, а чуть далее лежало короткое однозарядное ружье.

«Надо же, какой раритет! Кавалерийский карабин Бердана-Сафонова 1871 года! Жалко, что однозарядка. А кинжал – вещь!» – эти мысли я додумывал уже на бегу к оврагу, куда припустил, взяв в руки карабин и кинжал, так как расстояние между мной и всадниками стремительно сокращалось.

Несмотря на боль в боку и небольшое головокружение, до оврага я буквально долетел, а не добежал. Оглянулся. В мою сторону от группы хунхузов отделилось три всадника, а остальные, обтекая склон холма, скакали к табуну. «Ромку и Петруху им уже вряд ли достать, – подумал я, – но подстрахуем ребят».

Зарядив карабин и зажав в зубах еще два патрона, я произвел, как можно быстрее перезаряжая карабин, три выстрела. Три всадника, направлявшихся в мою сторону, упали с коней. Первого снял метров со ста пятидесяти, последнего метрах в двадцати от себя, сразив его в голову. Это был мой профессиональный стиль или почерк – всегда, начиная с Афгана, если стрелял на поражение, то только в голову. Хотя в учебке инструктор учил нас: «Никогда не цельтесь в голову! Она маленькая и твердая. Цельтесь в корпус: он большой и мягкий!» Видимо, чувство противоречия мнению начальства было во мне всегда сильно развито.

«Минус три!» – подумал я и увидел, как по команде высокого китайца с выбритым лбом и толстой длинной косой сзади (вот и веревка) пять всадников развернулись и поскакали в мою сторону.

«Встретим и вас, ребята!» – зарядив последним патроном карабин, я стал спускаться в овраг, стремясь как можно быстрее добраться до его заросшей внизу деревьями части.

Добежав до деревьев, я обернулся и увидел, что пятерка хунхузов попыталась спуститься в овраг верхом, но потом спешила и стала осторожно двигаться вниз по склону, оставив коней на краю оврага.

«Отлично! – подумал я. – Теперь есть время, чтобы заняться раной и обдумать, что делать дальше».

Углубившись в лес, я сначала умышленно оставлял как можно больше своих следов, и где только можно, направляя погоню в глубину оврага, поросшую лесом. Найдя метров через пятьсот небольшой ручеек, который струился из небольшого родника, я снял с себя рубаху и, отрезав три полосы, сделал себе перевязку раны на боку. То, что осталось от рубашки, измазал в глине и грязи, которые были на дне ручья, и натянул ее на себя.

«Надеюсь, столбняк не схвачу», – думал я, замазывая грязью лицо и желтые лампасы на синих шароварах. Затем, нарвав виноградных листьев со стеблями, обмотал ими предплечья, шею и голову.

– Что ты делаешь? – мысленный вопрос Тимохи застал меня врасплох, я уже забыл, что нахожусь в чужом теле. – Ты так здорово стреляешь!

– Маскируюсь. А стрелять приходилось часто, – мысленно ответил я напарнику по телу. – Тимоха, ты сейчас опять где-нибудь спрячься и не мешай мне. Я буду делать очень неприятные вещи.

– Какие?

– Резать буду хунхузов, а то патрон только один остался.

– А ты сможешь? – По телу прошла неконтролируемая дрожь.

– Смогу, Тимоха. Еще как смогу. Иногда мне казалось в прошлой жизни, что резать для меня человека куда проще, чем какую-то иную божью тварь, типа курицы. Все, Тимоха, не мешай!

Сказав мысленно эти слова, я оставил карабин за приметным валуном у ручья и осторожно, от ствола к стволу, пошел, забирая вверх, по склону оврага навстречу своим противникам. Пройдя вперед метров двести, я остановился и залег за стволом упавшего от времени дерева. По моим расчетам бандиты должны были появиться через пару минут.

Чутье не обмануло меня. Буквально через минуту на дне оврага из-за деревьев показался первый китаец. В руках он держал винтовку Бердана и шел, внимательно осматриваясь по сторонам. Шел точно по моему следу. Буквально через несколько секунд за ним появился еще один бандит, одетый в такое же непередаваемое рванье, как и первый, и в руках у него тоже была винтовка Бердана.

«Отлично! – подумал я. – Вот и боекомплект мой идет. Где же остальные?»

Рядом с собой я услышал звук осыпавшейся земли. Скосив глаза в сторону по стволу упавшего дерева, за которым прятался, я увидел еще двух хунхузов, которые шли по склону оврага, огибая деревья.

«Грамотно страхуют нижнюю пару. – Я вжался лицом в ствол дерева и застыл. – Надеюсь, сойду за валун или пенек, тем более идет эта пара ниже меня метров на десять и вверх не смотрит. Не должны заметить».

Через некоторое время, которое показалось вечностью, шаги бандитов затихли где-то впереди, куда их вели мои специально оставленные следы.

Идут парами, для меня это плохо. Выглянув из-за ствола, я искал, где же пятый из разбойников. Обнаружить его удалось с трудом на противоположной стороне оврага, по которой китаец пробирался между деревьями и кустарниками.

Достав кинжал из ножен и измазав его землей, я осторожно двинулся за парой бандитов, которая шла по моей стороне оврага. «Как в старые добрые времена! – думал я, скользя между

деревьев. – Ничего почти не болит: небольшая боль в боку от раны не в счет. Каждая мышца тела звенит. Лепота!»

Вскоре представился удобный момент для первой атаки. Один из китайцев в первой паре отстал, присев на корточки, что-то внимательно рассматривая между деревьев впереди.

«Очень хорошо», – подумал я, одним прыжком преодолел оставшиеся до бандита метры и всадил клинок под левую лопатку, проворачивая его. Этот удар был поставлен мне еще в Псковской учебке. При точном исполнении противник мгновенно теряет сознание, не издавая звука, поскольку происходит мощный выброс крови внутри тела, и через короткий промежуток времени наступает летальный исход.

Хунхуз завалился вперед, одна нога пару раз конвульсивно дернулась. Я резко выдернул кинжал и перевернул китайца на спину, быстро осматривая его снаряжение. «Хреново, ничего для дела нет! – еще раз ощупывая ту рванину, в которую был одет бандит, думал я. – Ружье, блин, карамультук какой-то, патроны к берданке точно не подойдут, тесак из дерьмового железа. Хорошо хоть, счет пополнился – минус четыре!»

Второго из этой пары бандитов удалось снять так же легко. Он стоял, прислонившись правым плечом к дереву, дожидаясь своего партнера по двойке. Бандит обладал отменным слухом, потому что услышал, как я подкрадываюсь к нему, но даже не повернул головы, видимо, приняв меня за своего отставшего напарника. Удар кинжалом под левую лопатку, поворот клинка, и его вопрос, который он задал тихим голосом, остался без ответа. Что спросил китаец, я не узнаю никогда. В прошлой жизни знал английский, немецкий, пушту, фарси и немного чеченский.

К сожалению, и у этого хунхуза для моих дальнейших боевых действий ничего полезного не было. Какое-то старинное ружье, причем такое грязное от нагара в стволе, что стрелять из него, по моему мнению, было просто опасно. Из холодняка на бандите тоже ничего хорошего не оказалось, поэтому за следующим хунхузом я отправился вооруженный все так же одним кинжалом.

Быстро перебравшись на другую сторону оврага, я, как мне казалось, неслышно устремился за тем одним китайцем, который прикрывал нижнюю двойку бандитов, идущих по моему следу. Но это я думал, что продвигаюсь быстро и неслышно, как это умел раньше. Новое тело не имело, к сожалению, тех навыков и умений, и мышцы не так работали, поэтому для меня стало полной неожиданностью, когда из-за дерева возник, как из ниоткуда, моего роста китаец и с каким-то шипением ткнул в мою сторону чем-то похожим на саблю.

Мое тело сработало на автомате. Резко присев, отводя руку бандита с саблей своим левым предплечьем вверх, я правой рукой с кинжалом ударил снизу вверх. Противник, не ожидавший от меня такой прыти, провалился в выпад и напоролся шеей на мой кинжал, который вскрыл ее от уха до уха. Фонтан крови из распоротой шеи бандита окатил меня с ног до головы.

«Теперь я точно похож на обожравшегося вурдалака», – выпрямляясь и делая шаг в сторону от падающего на меня мертвого хунхуза, подумал я.

В этот момент в моей голове раздался возглас:

– А-а-а!!! – и будто на секунду выключился свет в глазах.

Так... Тимоха вырубился.

Я стер ладонью кровь с лица. Самого меня также ощутимо потряхивало. Все-таки в последний раз вот так лицом к лицу и на ножах в той жизни сходилась во второй Чеченской кампании, почти двадцать с лишним лет назад. «Или сто с лишним лет вперед, – нервно хохотнул про себя я. – Все. Собрались! Работаем!»

Осматривая убитого китайца или маньчжура, судя по имеющейся косе, я обратил внимание, что одет он был, в отличие от первой пары зарезанных бандитов, в целый и относительно чистый халат, хорошие штаны и сапоги. Лоб его был выбрит, а волосы сзади были заплетены в длинную косу. Холодное оружие у этого хунхуза тоже было на высоте. В руке он продол-

жал сжимать хороший клинок. Разжав пальцы у мертвого маньчжура, я вынул из его еще теплой ладони саблю и, примерившись к удобному эфесу, взмахнул клинком перед собой крест-накрест. Сабля рассекла со свистом воздух, а тело будто бы запросило дальнейших движений.

«Значит, Тимоха хорошо работает с шашкой, – рассматривая более внимательно саблю, думал я. – У меня таких навыков и отработанных движений по фехтованию саблей не было. А сабля все же более похожа на китайский меч “Люйе Дао”, хотя могу и ошибаться, в китайском холодном оружии я разбираюсь плохо. Но клинок хорош: отличная балансировка, хорошая сталь и заточка. Кстати, где-то и винтовка должна быть».

Зайдя за дерево, из-за которого высочил китаец, я обнаружил там аккуратно прислоненное к стволу оружие. Взяв его, с удивлением обнаружил, что держу в руках восьмизарядную винтовку Маузера 71/84. Передернув затвор несколько раз, вынул из винтовки три патрона. Вернулся к мертвому китайцу, обыскал его, но патронов больше не нашел.

«Они что, без патронов в набег ходят?!» – рассматривая на просвет чистоту ствола, думал я. Но потом вспомнил, что в это время покупка оружия и боеприпасов обходилась хунхузам столь недешево, что винтовочные патроны иностранного производства, к примеру, именовались на бандитском жаргоне даянами («серебряными долларами»). А уж к Маузеру 71/84 цены на патроны должны были быть вообще запредельными. Такие винтовки в Европе только три-четыре года назад появились. И путь такой магазинной винтовки из Германии в Маньчжурию должен был быть очень дорогим.

«Жаль... – подумал я. – Винтовка замечательная, но к ней только три патрона, а от берданок к ней патроны не подходят. Не тот калибр: у маузера – одиннадцать миллиметров, а у берданки – десять семьдесят пять. Ладно, потом ее заберу, а то жаба задушит, все-таки одна из первых магазинных винтовок в мире. Раритет!»

Поставив винтовку назад к дереву, я снял с китайца ножны от меча, надел их на себя и как-то молодецкато вложил в них клинок. Потом, взяв в правую руку кинжал и еще раз внимательно оглядев место последней схватки, отправился за последними двумя китайцами, которых определил как свой ходячий боекомплект.

Их я нашел на том месте у ручья, где делал перевязку. Они стояли у камня, на котором я сидел, и что-то внимательно рассматривали на земле, при этом один из них держал в руках свою винтовку и мой карабин, который я спрятал за камнями.

«Лучшего случая не будет!» – подумал я и, прыжком из кустов пролетев по воздуху метра три, оказался между хунхузами, держа в правой руке китайский меч, в левой руке кинжал, крутанулся на сто восемьдесят градусов, нанося удары обеими руками, и два бандита опрокинулись, орошая землю кровью. Причем тому, кого ударил мечом, голову я отрубил почти полностью, и она держалась на остатках не перерубленных сухожилий и кожи.

Я упал на колени, воткнув оружие в землю, и меня стало неудержимо рвать всем тем, что успел съесть с утра Тимоха, а потом желчью.

Такое у меня было только после первой рукопашной схватки на ножах в Афганистане. Мы тогда зачищали какой-то кишлак в долине Панджера. Командир группы дал мне команду занять позицию на крыше одинокой хижины, стоящей на склоне горы, с которой весь кишлак был виден как на ладони. Я короткими перебежками стал приближаться к этому строению, когда на меня из-за дувала сверху свалился «дух» – крепкий, загорелый до черноты мужчина лет сорока. Упав от неожиданного удара на землю и выронив СВД, я откатился в сторону, выхватывая из ножен нож разведчика. Афганец также уронил автомат и дотянуться до него уже не успевал. Поэтому он также выхватил большой прямой тесак из-за голенища сапога, и мы с ним встали друг против друга на тропинке перед дувалом. Два или три раза наши клинки сталкивались при попытке нанести друг другу резаные раны. Потом «дух» попытался меня достать прямым ударом в живот, а я, сделав подшаг в сторону, пропуская его руку, развернулся

на 180 градусов, нанося рубящий удар в область шеи. Мой острый как бритва нож практически перерубил горло моджахеду.

Увидев на земле тело афганца с фонтаном крови из шеи и дергающимися в последних конвульсиях руками и ногами, я тогда так же упал на колени, и мой завтрак и вчерашний ужин в один миг оказались в горячей пыли. Я даже не заметил, как ко мне подбежали двое страхующих меня ребят из группы, которые не могли стрелять, чтобы раньше времени не обнаружить нашу группу, и потащили ближе к глинобитной стене, ограждающей дом, чтобы не попасть под возможный огонь душманов. А ведь на тот момент у меня уже было личное кладбище уничтоженных снайперским огнем «духов» и две боевые медали.

Когда в организме закончилась все, что могло выйти вроду, я встал с колен, вытер губы тыльной стороной ладони и принялся за грязную работу войны. Обшарив убитых китайцев, я отобрал для себя девять патронов для берданки, подсумок для патронов, хороший ремень, к которому прикрепил подсумок и кинжал. Потом, прополоскав рот и попив из ручья, взял свой карабин, к которому уже привык, вложил в ножны меч и пошел к выходу из оврага.

Оставалось еще около десятка хунхузов, которые, как я понял, хотели угнать станичный войсковой табун. Этому надо было помешать. Являясь жителем другой эпохи, но в то же время потомственным казаком, я знал, что значит строевой конь для казака и насколько он казаку дорог.

Пробираясь по оврагу, я прикидывал, что уже могли сделать бандиты с табуном. Хунхузов осталось человек десять, а табун большой. Я бы на месте китайцев разделил бы табун на несколько частей и перегонял бы через Амур в нескольких местах одновременно. До станицы не так уж и далеко, и скоро казаки, предупрежденные Ромкой с Петрухой, будут здесь.

«Торопиться надо китаезам! Торопиться!» – думал я, осторожно выбираясь из оврага и осматриваясь по сторонам.

Как я и предполагал, группа бандитов из четверых всадников гнала косяк коней голов в двадцать к Амуру.

– К песчаной косе на острове Зориха идут, – тихо прошелестело в голове голосом Тимохи.

– О! Тимоха, очнулся!

– Ага! А где остальные хунхузы из оврага?

– Наверное, в аду горячие сковороды лижут. Или Будде докладывают о своей грешной жизни.

– Ваше благородие... – начал было Тимоха, но я перебил его:

– Так, Тимоха, давай без чинопочитания. Ты и я теперь одно целое. И как я думаю – на всю оставшуюся жизнь, если сегодня выживем. Поэтому ты будешь Тимохой, а меня зови Ермак, мне так привычно.

– Хорошо, Ермак. А что дальше делать будем?

– Для начала сориентируй меня на местности.

Тимоха начал рассказывать, и я все больше узнавал окружающую местность.

– Китайцы коней к песчаной косе у острова на Амуре гонят. Там пологий спуск к воде и мелко в этом году. Они там и переправились на наш берег. До косы чуть более версты будет. Лощина, в которой остальные хунхузы пытаются разбить табун на части, Соворовской называется. Из лощины дорога через лес к станице Черняева ведет. Тут версты две будет. Впереди холм большой. Его станичники Могильным называют. За ним балка с подлеском начинается, и она тоже к Амуру выходит, только полукругом, подковой изгибается.

– Окей, Тимоха!

– Какой кей?

– Все хорошо, Тимоха. Это на английском языке. Ладно. Давай посчитаем и подумаем. Ромка с Петрухой минут пятнадцать-двадцать назад ускакали. Если всю дорогу шли галопом, то они уже в станице. Пока казаки соберутся, пока сюда доскачут, минут тридцать или сорок

пройдет. Берем крайний для нас вариант – станичники появятся только через час. От этого и будем плясать.

– Зачем плясать и от чего? – недоуменно поинтересовался Тимоха.

– Это присказка такая. Не обращай внимания.

Я задумался. По всему выходило, что придется через балку бежать к косе и во время переправы гасить хунхузов, чтобы не дать им угнать табун на ту сторону Амура. Только бы успеть с первой четверкой бандитов управиться, пока остальные узкоглазые не подошли.

– Успеем, – опять зазвучал в голове голос Тимохи, – они с Вороном долго провозятся. Вона, Ермак, смотри.

Я посмотрел в сторону табуна в долине и увидел, как высокий красивый вороной жеребец, задрав хвост, носится по долине, разгоняя табун, кусая для этого всех попадавших ему лошадей.

– Это Ворон – племенной жеребец казака Савина. Дорогуший!!! За него, говорят, дядька Иван десять тысяч золотом отдал! На такие деньги табун в сто голов можно купить. Ворон сейчас табун разгоняет, чтобы чужих к себе не подпустить. Он последние два года только мне да деду разрешал к себе подойти.

– Пристрелят его сейчас, и все дела!

– Да ты что, Ермак! Если хунхузы только Ворона одного за Амур угонят, уже денег немаленько получают, так что они с ним до последнего возиться будут.

– Тогда все, Тимоха, побежали. Сначала за холм незаметно, а потом по балке к Амуру.

Бежал я дольше, чем рассчитывал. Сказались и потеря крови, и рана в боку, да и Тимоха, как оказалось, бежал плохо: казак не на коне – не казак. Когда, задыхаясь и шатаясь от усталости, я выбежал на берег Амура, четверка хунхузов уже выгоняла на песчаный берег острова Зориха последних из угнанного косяка лошадей и сами выбирались из воды.

Упав за камень и восстанавливая дыхание, я оттянул затвор, проверив, на месте ли патрон, а три положил рядом.

– Ермак, очень далеко, не попадешь!

– Не мешай, Тимоха. Никуда они не денутся.

«Так, расстояние метров двести. Учтем поправки при стрельбе через реку. Карабин вроде неплохо пристрелян. Все. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Успокаиваемся. О, и хунхузы встали. Замечательно!» – подумал я.

Слившись с винтовкой в одно целое, взял на мушку первого из бандитов и мягко потянул спусковой крючок. Выстрел – минус один. Два. Три. Четыре. Все четыре хунхуза, свалившись с коней, растянулись на земле. Ни один из них больше не шевелился.

– А ты, Тимоха, говорил, что не попаду. Попал, правда, стрелять пришлось не в голову, без оптики действительно далековато было.

– Если бы не видел сам, то не поверил бы. А меня, Ермак, так стрелять научишь?

Я во весь голос расхохотался:

– Тимоха, мы же с тобой теперь одно целое: я – это ты, а ты – это я. Можешь для себя считать, что так стрелять ты уже научился. Но многому другому действительно придется учиться. Все. Пошли на холм перед спуском, там засаду делать будем. Жаль, что патронов только шесть штук осталось, я надеялся еще у этих четверых разжиться, но не судьба.

Поднявшись на холм, с которого спуск к воде и весь берег были как на ладони, я принялся искать место для снайперской позиции и быстро его нашел. Небольшая естественная ямка на вершине холма, два принесенных камня, несколько срезанных и расставленных веток, и позиция готова. Теперь оставалось только ждать.

– Ермак, а ты как в меня попал? И почему тебя Ермаком надо звать, если тебя тоже Тимофеем зовут? А сколько тебе лет? А что такое спецназ?

Вопросы сыпались, как горох из прохудившегося мешка.

– Тимоха, остановись. Слишком много вопросов. Давай по порядку. Как в тебя попал – не знаю. Когда я погиб в своем теле, мне было пятьдесят пять лет. Спецназ – это войска специального назначения, предназначенные для разведки и диверсий. С тобой мы полные тезки, а прозвище у меня, сколько себя помню, было Ермак, потому что род свой я веду от Ермака, который Сибирское ханство для государства Московского завоевал.

– Вот здорово! И мы, как дед рассказывал, свой род от Ермака ведем.

– Это действительно здорово, Тимоха, но теперь тихо: кажется, табун идет. Да, Тимоха, если выживем, ты про меня никому ни слова не говори. Хорошо?

– А почему не говорить, Ермак?

– Такое раздвоение личности считается у врачей серьезным заболеванием. Могут в психиатрическую больницу упечь. Одним словом: в бок ударило, упал с коня, ударился головой и больше ничего не помнишь. А дальше разберемся. Понял, Тимоха?

– Да, Ермак, понял. Ударило, упал и ничего больше не помню. Правда, про какую-то больницу и личности ничего не понял.

– Это не важно, главное первое запомни. И теперь тихо. Хунхузы.

Через прицел карабина я рассматривал приближающийся табун, который сопровождало девять бандитов. На трех заводных лошадях лежали поперек седел три бандита, убитые мной еще у Могильного холма.

«Девять бандитов и шесть патронов. Хреново! – подумал я. – Точнее, не хреново, а пришел ко мне и Тимохе белый и пушистый зверек по имени песец».

Не стал я говорить Тимохе, что вспомнил рассказ своего деда о том, что поселился он в 1946 году в Ермаковской пади после демобилизации по ранению, полученному в боях с японцами из-за того, что на этом месте жили раньше родственники донских Алениных, которые ушли с Дона осваивать Амур и сгинули все. Последним умер Аленин Афанасий Васильевич – георгиевский кавалер, которого на Дону помнили и уважали. Умер он после того, как хунхузы убили его внука Тимофея, до этого убив всех его сыновей. На месте их старого дома, который сгорел во время лихолетья Гражданской войны, дед построил свой дом. В том доме родился мой отец. Из этого дома и я выбежал на последнюю свою зарядку. Вот как оно все завернулось!

Я погладил пальцами правой руки лежащие рядом пять патронов, шестой уже был в стволе карабина. Что ж, еще за шесть мертвых бандитов даю стопроцентную гарантию, а вот с оставшимися тремя как буду справляться – время покажет. Хотя уже сейчас счет в нашу с Тимохой пользу с большим преимуществом: двенадцать – ноль.

А по рассказу деда, в этом набеге хунхузы и Тимоху, и еще двух казачат – видимо, Ромку с Петрухой – убили, и станичный табун успешно увели в Маньчжурию. Казаки тогда ходили за Амур, но табун не смогли отбить. Попали в засаду и еще несколько человек потеряли. А сейчас счет в нашу пользу. Если и погибнем с Тимохой, то о нем будут говорить, как о славном потомке великого Ермака. А трое китайцев точно не смогут табун угнать. Ромка с Петрухой живы, казаков уже подняли, и скоро они здесь будут.

Тем временем трое хунхузов, о чем-то оживленно переговариваясь, верхами начали переправу. Один из них, высокий и мощного телосложения китаец, вел заводным Ворона. Оставшиеся шестеро, рассыпавшись по берегу, начали загонять табун в воду.

Я задержал дыхание, взял на мушку ближайшего ко мне на берегу бандита. «Огонь!» – скомандовал сам себе и нажал на спусковой крючок. Китайца с разбитой головой вынесло из седла. На еще пять выстрелов с перезарядкой мне понадобилось меньше минуты. Что же, патронов больше нет, живых хунхузов на этом берегу тоже больше нет.

Я посмотрел на трех оставшихся в живых бандитов. Ехавший впереди бандит, который вел заводным Ворона, пытался справиться с красавцем жеребцом, вырывавшим повод. Ворон мотал головой, то рвался назад, то пытался встать на дыбы. Другие двое хунхузов, к моему глубокому сожалению, нахлестывая лошадей, в веере брызг устремились к нашему берегу.

«Что же, была не была!» – подумал я и, выскочив из засады, побежал к ближайшему от меня убитому бандиту, в надежде разжиться патронами, либо воспользоваться его оружием. Отсиживаться в засаде смысла не было. Хунхузы за шесть выстрелов поняли, что стрелял один человек, а раз он не стреляет по ним, то у него, то есть у меня кончились патроны.

Я подбежал к убитому китайцу и чуть не завыл от досады. Винтовки рядом с ним не было, а его Росинант, к седлу которого была приторочена так необходимая мне берданка, находился метрах в пятидесяти от меня, вблизи от того места, где на берег должны были выскочить из воды два хунхуза.

На быстрый обыск одежды и снаряжения убитого ушло несколько секунд. Ни одного патрона! Опа! А это что такое?

Повернув труп на бок, из-за пояса убитого за его спиной я достал револьвер. Кажется, Смит-Вессон. Быстро проверил барабан на наличие патронов. Пять штук есть.

«Ничего, еще повоюем!» – на бегу обратно к холму думал я.

На вершине холма я, взведя курок револьвера, остановился и развернулся лицом к противнику. Один из хунхузов вырвался вперед и, размахивая над головой то ли саблей, то ли еще каким-то китайским холодняком, во весь опор несся на меня, а второй, чуть приотстав, пытался достать из-за спины винтовку.

Когда до скачущего первого бандита осталось метров двадцать, я, подняв револьвер на уровень глаз, прицелился и мягко потянул тугой спуск. Выстрел. Хунхуз пригнулся. Мимо. Судорожно взвожу курок. Выстрел почти в упор, и бандит завалился на круп лошади, пронесшейся мимо меня.

Взвожу курок и ловлю на прицел второго бандита, который уже метрах в пяти от меня и целится из винтовки. Два выстрела прозвучали одновременно. Тупой удар пули в правое плечо развернул меня, а удар наскочившего коня швырнул на землю, заставив скатиться с верхушки холма и несколько раз перевернуться. Падая, успел увидеть, как хунхуз выронил винтовку, хватаясь за грудь. «Еще одному конец...» – подумал я и потерял сознание.

Когда я очухался и, с трудом поднявшись на ноги, огляделся, то увидел лежащих неподвижно на земле двух наскочивших на меня варнаков. Их кони стояли рядом. Последний оставшийся в живых бандит не смог удержать Ворона. Теперь он выбирался на наш берег то ли для того, чтобы поймать прекрасного жеребца, который уже выскочил из воды и, мотая головой, скакал к своему табуну, то ли для того, чтобы посчитаться со мной, а может быть, для того и другого.

Я с трудом, пошатываясь, стоял на ногах. Правая рука висела плетью, из сквозной раны в бицепсе медленно струилась кровь. Боли почти не было. «Повезло, кажется, кость и, главное, артерия не задеты, а то бы здравствуй, деревянный бушлат или макинтош», – подумал я. Но заниматься раной времени не было. Последний хунхуз направлялся в мою сторону. Я оглянулся вокруг, пытаюсь отыскать, выпавший из руки во время падения револьвер. Вблизи его не наблюдалось. А на поиски уже не оставалось времени и сил.

– Не ссы, Тимоха Аленин! Врагу не сдается наш гордый «Варяг». И последнего разбойника мы с тобой, Тимоха, на тот свет постараемся утащить.

Матерясь сквозь зубы, начал подниматься на холм, с которого скатился. Засунув кинжал за голенище сапога, я левой рукой с трудом снял с себя ножны с мечом-саблей, расстегнув, сбросил ремень с подсумками и ножнами от кинжала. Каждый лишний грамм давил на тело, как десяток килограмм. Все – вершина холма. «Что это?» – присмотрелся я.

Метрах в трехстах в мою сторону во весь опор неслось галопом около тридцати всадников.

– Наши-и-и!.. Станичники! Ура-а-а! – голову чуть не разорвало от крика Тимохи.

– Эх, Тимоха! Не успеют они... – Я повернулся назад, доставая кинжал из голенища сапога. – Чуть-чуть не успеют.

Последний бандит был метра в двадцати, наметом поднимаясь по склону холма и крутя над головой еще какой-то разновидностью китайского меча или сабли. Я стоял и просто ждал. Сил практически не осталось.

– Ермак! Убей его! Убей-й-й! – опять зазвенело в голове от крика Тимохи. – Ты же спецназ! Ты все можешь!

От этого крика, уставшие до невозможности мышцы тела получили как бы заряд энергии. Все тело опять стало упругим.

– Аграаа!!! – заорал я что нечленораздельное, делая прыжок вперед-влево, стараясь уйти от удара мечом.

И мне это почти удалось. Спасло и то, что успел поднять над головой руку с кинжалом, поэтому меч китайца только рассек кожу, но череп, кажется, не проломил. Залитыми кровью глазами успел увидеть спину китайца, и рука автоматически метнула кинжал. Уж во что во что, а в ростовую или грудную мишень на расстоянии в десять-пятнадцать метров, даже будучи подполковником, я поражал любым метательным оружием с двух рук и после бурной ночи и недельного поноса.

Увидев, как кинжал входит бандиту под левую лопатку, я покачнулся и провалился куда-то в темноту. Очнулся от ощущения, что меня кто-то зовет; открыв глаза, увидел склонившееся надо мной лицо красивой черноволосой женщины, которая своими глазами будто прожигала меня насквозь.

– Тимофей, смотри мне в глаза! Внимательно смотри мне в глаза! – произнесла красавица.

«Только гипнотизеров мне не хватает! – подумал я и мысленно построил между собой и женщиной стену из железобетона. – Тимоха, подъем! По твою душу пришли!»

– А-а... Это тетя Марфа. Она знахарка.

– И хороший гипнотизер.

– Кто?

– Неважно, Тимоха. Сейчас я уйду в сторону. А ты поговори с тетей Марфой. Только помни, о чем мы договаривались: ударило, упал, ничего больше не помню. Все, вперед!

Через несколько минут знахарка Марфа ушла, ничего не добившись от Тимохи. Потом пришел дед Афанасий, и я уже без боязни отправил свое второе я общаться с ним, а сам все это время думал, что же мне – гвардии подполковнику спецназа делать дальше в теле, как выяснилось, четырнадцатилетнего казака. Тем более, хочешь не хочешь, а изменения в истории этого мира, а возможно, моего прошлого мира я уже внес – Тимоха остался жив!

Глава 4

Выбор пути

– Ха, Тимофей, а я сегодня от тебя не намного отстал! – Ромка Селеверстов, падая рядом на землю, передернул затвор берданки и нажал на спусковой крючок, имитируя выстрел по противнику.

– Молодец! – Я, лежа на животе, через прицел винтовки Маузера рассматривал грудную мишень, сделанную из трех чурбаков, которая располагалась на поляне метрах в двухстах впереди. – Ты сегодня просто молодец, Ромка! Всю тропу прошел в хорошем темпе.

Я поднялся с земли и посмотрел назад, где располагалась сделанная нами полоса препятствий. «Тропа разведчика», как я назвал ее, занимала площадь чуть больше футбольного поля и состояла из двадцати объектов разной категории сложности – траншеи, рвы, качающиеся бревна, трамплины, горки, лесенки, лабиринты, стенки с гнездами и выступами.

«Еще бы оборудовать тропу огневыми рубежами, чтобы проходящие ее могли вести на ходу огонь по появляющимся с разных сторон мишеням, и была бы настоящая штурмовая полоса спецназа, как в Псковской учебке, – подумал я. – Только на патроны денег не напасешь! Остается только помечтать».

– А помнишь, как все начиналось два года назад?

– Помню, Ромка. Помню.

Только не два года назад все началось, а почти три уже прошло после той схватки с хунзузами. Многого произошло за это время. К основному можно отнести то, что две личности Тимохина и моя слились в одну, сохранив знания и умения обоих. Доминировала при этом, к счастью для меня, сущность гвардии подполковника Аленина. Так что в теле молодого казака теперь «существовал» старый, матерый спецназовец XXI века, который иногда по-щенячьи повизгивал от выброса гормонов молодого тела.

Пока поправлялся от ранений, было время подумать о том, что мне делать дальше. Опираясь на опыт героев, попавших в прошлое, вычитанный у альтернативщиков, попытался проанализировать свое положение. Проанализировал и понял, что «попаданец» из меня получился какой-то неудачный: великих знаний, способных изменить и потрясти мир, моя память не содержала; чтобы ко мне более-менее стали серьезно относиться, надо было еще вырасти. К тому же социальный статус тела, в которое я попал, был если уж не ниже плинтуса, то высоким назвать его язык не поворачивался. Не дворянин, не князь, не царь-государь, а так – пастух, точнее, подпасок, правда, из казаков. Какие уж тут великие свершения и глобальные изменения мира и истории!

Хотя если честно, ничего мне в истории государства российского менять и не хотелось. Да, впереди Русско-японская война с нашим обидным поражением, потом Первая мировая, революция, ужасы Гражданской войны, коллективизация, индустриализация, репрессии, Вторая мировая война и такое прочее, но кто я такой, чтобы менять ход истории в ту или иную сторону! Тем более, родился, вырос и сформировался как личность я в советском обществе, которое было построено после всех этих событий. И мне нравилось то общество и то время. А вот все те события, которые произошли после развала Советского Союза, вызывали у меня только негативную реакцию. В общем, было о чем подумать.

Недели три, пока не мог еще нормально ходить из-за ранений, лежал и думал о вечной философской проблеме – роли личности в истории, точнее, роли своей личности в этой возможно уже альтернативной истории.

Как мне помнилось из прошлой жизни, спектр мнений по данной проблеме весьма широк, но в целом все вращается вокруг двух полярных идей. Первая основана на теории марксизма: исторические законы с «железной необходимостью» пробиваются сквозь препят-

ствия, и это, естественно, ведет к представлению, что в будущем все заранее предопределено, и исторический ход событий невозможно изменить. Согласно второй идее, случайность всегда может переменить ход истории, и тогда, следовательно, ни о каких законах говорить не имеет смысла. Поэтому имеются и попытки крайнего преувеличения роли личности, и, напротив, уверения, что иные, чем были, деятели и не могли появиться. Средние взгляды, в конечном счете, все же обычно склоняются к той или другой крайности. Таким образом, я сделал для себя вывод: от моей деятельности в данной реальности либо ничего в ходе исторического процесса не изменится, либо есть возможность изменить историю. И я буду первым человеком, который на практике проверит эти две теории.

Теперь о себе как о личности. Во время второй чеченской кампании попал ко мне учебник по социальной психологии, достался от раненого бойца отряда – недоучившегося студента, которого отправили в госпиталь на «большую землю». Иногда под настроение почитывал я этот учебник, пытаюсь разобраться в себе и окружающих. И в этой умной книжке я прочитал, что человек рассматривается как индивид, то есть единичный человек как биосоциальное существо, особь, и как личность, то есть единичный человек как система устойчивых качеств, свойств, реализуемых в социальных связях, социальных институтах, культуре, более широко – в социальной жизни. А индивидуальность – это характеристика уникальности, неповторимости, присущей данной личности.

Следовательно, личность – это любой человек, а не только яркий, исключительный, рассмотренный как ответственный и сознательный субъект социальной жизни; индивидуальность может быть присуща каждой личности, а не только наиболее талантливым людям.

Вот завернул! Нельзя военным читать умные книжки. Как шутил мой взводный в рязанском десантном училище: «Если ты такой умный, почему тельник не носишь и строем не ходишь?» В общем, все, о чем подумал, можно свести к выводу: я личность для исторического процесса, и очень индивидуальная. Еще бы не индивидуальная: в биологической особи Аленина находится две личности – моя и Тимохи! Правда, очень быстро после моего переноса я стал замечать, что мысленного разговорного контакта с Тимохой мне уже не требуется. Он как будто растворился во мне. Все, что мне надо было узнать о жизни Тимохи, как бы само всплывало в моей памяти, будто бы это происходило со мной. Это сильно облегчило мне три года назад общение с окружающими, особенно с дедом Афанасием и знахаркой Марфой, которые больше других замечали изменения, происходящие с Тимохой Алениным.

Но вернемся к проблеме личности в истории. Итак, я индивидуальная личность, которая участвует в историческом процессе данной реальности. По одной теории, чем больше будет мое воздействие на окружающий социум, тем больше изменится ход истории. По другой теории, что бы я ни делал, какое бы «место под солнцем» ни занял, истории не изменить, и она пойдет по наезженной колее моего бывшего мира.

Таким образом, если верна вторая теория, то я могу делать что хочу. А если первая? Тут надо было подумать, что и как я могу изменить в историческом процессе. На обдумывание данной проблемы и выбора пути в этом мире у меня ушло три недели моей лежки в постели. Для начала я вспоминал все, что знал об эпохе, в которую попал.

Итак, 1888 год – время царствования Александра III. Насколько помню, царствовать ему еще до 1894 года, когда его место займет последний государь из династии Романовых – Николай II.

В отличие от своего сына, Александр III был правителем жестким и достойным. После смерти императора Александра II от рук «первомартовцев», Александр III очень быстро закрутил гайки по всем либеральным реформам отца и заявил о незыблемости самодержавия.

На докладе Победоносцева, в котором тот призывал нового императора, ввиду ходивших среди подданных Российской империи мыслей о возможности избавления осужденных «первомартовцев» от смертной казни, ни в коем случае не поддаваться «голосу лести и меч-

тательности», Александр начертал: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Да, это не его папаша – либеральный Александр II, при котором Вера Засулич во время приема несколько раз выстрелила в петербургского градоначальника Трепова, тяжело ранив того в бок, а затем, несмотря на неопровержимые улики, свидетельствовавшие о совершенном покушении, суд присяжных ее оправдал. В зале суда Засулич была устроена овация, а на улице ее встретила восторженная манифестация собравшейся у здания суда большой массы публики.

О таком террористам-революционерам XXI века в нашем демократичном и толерантном российском обществе можно только мечтать. Представьте себе, как губернатор Санкт-Петербурга при проверке СИЗО дает команду о наказании подследственного, проходящего по делу против государственной власти, за то, что тот был непочтителен к губернатору. И даже пусть виновного не поместят в штрафной изолятор, а высекут розгами, что уже давно не используется в виде наказания в наше время, но за это самодурство соратник наказанного придет на прием к губернатору и всадит тому пару пуль в живот, а суд его потом оправдает... Можете себе такое представить? Я нет.

Самодержавное же правление Александра III привело к резкому уменьшению протестных выступлений, характерных для второй половины царствования Александра II. Пошла на спад и террористическая активность. После убийства Александра II было лишь одно удавшееся покушение «народовольцев», кажется, на одесского прокурора, и одно или два неудавшихся – на самого Александра III. После этого террористических актов в стране не было вплоть до начала XX века.

Большие успехи были достигнуты в развитии промышленности. В металлургии произошла настоящая техническая революция. Железные дороги перестали быть убыточными для казны и стали приносить прибыль, рекордными темпами шло строительство новых линий. Было проведено конвертирование государственных займов с понижением выплачиваемого по ним процента, введена государственная монополия на торговлю спиртными напитками. Введены новые таможенные тарифы с повышением пошлин на ввозимые товары. За счет этих и других мер удалось значительно улучшить состояние государственных финансов. Существенно снизилась доля государственного бюджета, расходуемая на обслуживание государственного долга, замедлилось и дальнейшее увеличение самого долга.

С коррупцией Александр III, тоже в отличие от своего отца, боролся жестоко, так как не переносил нечистоплотности ни в делах, ни в личной жизни. Согласно его собственным заявлениям, он мог простить чиновнику нечистоплотность в делах или в поведении лишь один раз, в случае его раскаяния, а на второй раз неизбежно следовало увольнение провинившегося. Именно так он поступил с министром финансов Абазой. Не пожалел и своих родственников. При нем многие из великих князей продолжали занимать высокие посты, но некоторых он отправил в отставку и, кроме того, активно противостоял их вмешательству в работу министерств и ведомств и выдвигаемым ими различным финансовым «проектам», в которых можно было заподозрить желание прикарманить казенные средства.

Александр III также предпринял ряд мер по искоренению коррупции и злоупотреблений, усилившихся в предыдущее царствование. Он ввел запреты, которых ранее не существовало: на участие чиновников в правлениях частных акционерных обществ, на получение комиссии лично чиновниками при размещении государственного займа и другие.

В царствование Александра III Россия не вела ни одной войны. За поддержание европейского мира этот государь получил имя Миротворец. Витте писал: «Император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови». Подобную же оценку давали результатам внешней политики Александра III другие современники.

Одной фразой можно сказать об Александре Третьем – это был образцовый правитель и настоящий хозяин земли русской, и не из-за того, что был корыстен, а из-за чувства долга. Жаль, умер рано – в сорок девять лет. И его революционеры-террористы достали.

Сначала Саша Ульянов с товарищами-народовольцами убить хотели, но не вышло. Охранка хорошо сработала. Это было в 1887 году, насколько помню. А вот в год моего попадания в эту реальность произошло крушение императорского поезда, когда царская семья возвращалась с отдыха из Крыма в Санкт-Петербург.

Вагон с императорской столовой, в котором находились Александр III и его жена Мария Федоровна с детьми и свитой, был почти полностью разрушен. Он был сброшен на левую сторону насыпи и представлял ужасный вид: без колес, со сплюснутыми и разрушенными стенами, он полулежал на насыпи; крыша его лежала частью на нижней раме. Когда после разрушения пол провалился и осталась одна рама, то все оказались на насыпи под прикрытием крыши. Утверждают, что Александр III, обладавший недюжинной силой, держал на плечах крышу вагона, пока семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков.

Во всем поезде, состоявшем из пятнадцати вагонов, уцелело только пять. Вагон, в котором находились придворные служащие и буфетная прислуга, был совершенно уничтожен, и все находившиеся в нем убиты наповал и найдены в обезображенном виде.

Александр III, несмотря на дождь с изморозью и страшную слякоть, сам распорядился извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Императрица вместе с медицинским персоналом обходила раненых, подавала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то что у нее самой повреждена была рука выше локтя, и что она осталась в одном платье. На плечи царицы накинута офицерское пальто, в котором она и оказывала помощь. Только в сумерки, когда приведены были в известность все убитые и не осталось ни одного раненого, которому не была бы оказана медицинская помощь, царская семья села во второй, давно уже прибывший на место крушения свитский поезд и отбыла. Мне тяжело себе представить, что кто-нибудь из наших современных правителей после террористического акта, в котором он бы чудом остался бы жив, помогал бы вытаскивать из завалов раненых и убитых и не уехал до тех пор, пока все не закончится.

Согласно одной из версий расследования, крушение было вызвано взрывом бомбы, которую заложил помощник повара, связанный с революционными организациями. Заложив бомбу с часовым механизмом в вагон-столовую и рассчитав момент взрыва ко времени завтрака царской семьи, он сошел с поезда на остановке перед взрывом и скрылся, бежав за границу.

Император и вся его семья в том крушении остались живы, однако по одной из версий, сотрясение при падении вагона и то напряжение, которое перенес Александр III, когда держал на спине крышу вагона, спасая жену и детей, положило начало болезни почек. Болезнь неуклонно развивалась, и в 1894 году он умер от хронического нефрита.

А проживи этот богатырь (он имел рост 193 сантиметра, пальцами гнул монеты и ломал подковы) еще лет пятнадцать-двадцать, неизвестно, как повернулась бы дальше история. Вряд ли случилось бы поражение в Русско-японской войне 1904–1905 годов...

При Александре III армия и военное ведомство были приведены в порядок после их дезорганизации в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов, чему способствовало полное доверие, оказываемое военному министру и начальнику главного штаба со стороны императора, не допускавшего постороннего вмешательства в их деятельность. В царствование Александра III было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров; русский флот занял третье место в мире после Англии и Франции в ряду мировых флотов. Именно Александру III принадлежит изречение: «У России нет друзей, нашей огромности боятся... У России только два надежных союзника – ее армия и флот».

А вот после смерти монарха великие князья начнут вмешиваться в деятельность военного министерства. Будут его кроить то по одному образцу, то по другому, постоянно менять

высшие чины этого министерства, чуть ли не ежегодно делать преобразования. Вследствие всего этого дела армии и флота значительно расстроятся, что будет способствовать неудачному исходу Русско-японской войны.

К тому же Александр III показал, как надо бороться с революционерами и развивать экономическую базу российского государства. Слабо верится, чтобы при нем возникла бы «революционная ситуация», когда низы не хотят, а верхи не могут. К сожалению, все это мечты! Мое попаданство в этот мир по данному вопросу ничего уже не изменит, поэтому и думал я почти три года назад, что надо выбирать мой путь в этом мире, исходя из моих возможностей. Древние римляне говорили: «Там, где ты ничего не можешь, ты не должен ничего хотеть». Так что же я могу? А могу я, как профессиональный военный и офицер спецназа, Родину защищать! И не важно, как эта Родина называется: Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Тем более что Тимохе Аленину больше ничего не светит, кроме дальнейшей военной службы в Амурском казачьем полку.

А вот здесь поподробнее. С моими навыками и с тем, что уже умеет Тимоха, за шесть лет до первых трех лет службы в полку можно будет «слепить» образцового суперказака Амурского полка Аленина Тимофея Васильевича. Но что мне это даст? Прославолюсь на уровне сотни или полка как отличный рубака и стрелок от бога, и все?! Воевать-то в китайском походе и в Русско-японской войне придется согласно той тактике и пользуясь теми военными приемами, которые приняты в русской армии в настоящее время! А как же мой опыт диверсионно-разведочных операций, снайперское искусство, до развития которых еще сто лет? Кто прислушается к мнению простого казака, пусть и лихого? Никто. Не тот статус.

Опять все упирается в социальный статус тела, в котором я сейчас нахожусь, и его как-то надо менять. Иначе все мои знания пропадут напрасно. Один в поле не воин. Надо каким-то образом внедрить эти знания массово. Но как? Над этим вопросом я ломал голову долго, пока не помог дед Афанасий, только помощь эта обернулась для меня большим горем.

Глава 5

Смерть деда Афанасия

Рано утром я вышел на крыльцо и потянулся, глядя на встающее солнце. Лепота! Раны затянулись. Ничего не болит. Фельдшер Сычев и знахарка Марфа вчера вечером после совместного «медицинского консилиума» сказали деду Афанасию, что молодой казак Аленин полностью здоров. После этого Марфа почему-то поспешно уехала, а дед с фельдшером натрескались ханшина до положения риз, после чего я с большим трудом загрузил Сычева в его тарантас и отвез в станицу. Вернулся домой поздно ночью, забрав у атамана Селеверстова своего коня.

Встав рано утром, выйдя на крыльцо и потягиваясь, я думал о том, как прекрасно чувствовать себя в молодом теле, когда ничего не болит, не ноет, не тянет. Действительно, лепота! Сальто вперед, что ли, с крыльца сделать или колесом по двору пройтись?

Спустившись с крыльца и зайдя за угол дома, готовясь перейти на бег, я буквально наткнулся на деда, который стоял в одних шароварах и нательной рубашке, что-то внимательно рассматривая вдаль.

– Баню протопи, Тимофей, – не поворачивая головы, сказал дед.

– Так сегодня не суббота!

– Протопи. Надо мне.

Дед продолжал смотреть вдаль, но при этом глаза его были какими-то пустыми, без единой мысли.

Не говоря больше ни слова, я отправился носить воду в баню. Налив котел и все кадушки для холодной воды, разжег дрова в печи и пошел к деду с докладом, думая, чем вызвана внеплановая помывка в бане. На улице деда уже не было, и я прошел в дом. Старый Афанасий сидел в горнице за столом, одетый в одно исподнее, а на столе перед ним стояли ларец и шкапулка, в которых он хранил бумаги и разные ценные вещи.

– Садись, Тимофей, поговорить надо.

Дед указал на табурет рядом со столом напротив себя.

– Что-то случилось, деда?

– Агафья моя, сыновья все трое да сноха Катерина приснились мне сегодня. Стоят и зовут меня к себе. – Дед выпрямился на табурете и положил руки на стол. – Помирать сегодня буду.

– Ты чего, деда, с ума сошел?! – Я взволнованно привстал из-за стола.

– Сиди и слушай, Тимофей Васильевич. Да, именно Тимофей Васильевич. Последним ты в нашем роду Алениных остаешься. Перед смертью спросить тебя хочу... – Дед Афанасий будто попытался просверлить внука своим пронзительным взглядом. – Кто ты?

Я отвел глаза и уставился в поверхность стола.

«Все, приплыли! – метались мысли в голове. – Видно, косяков за три месяца, пока выздоравливал, много спорол, если дед не верит, что я его внук».

Поднял голову и, глядя деду в глаза, произнес:

– Я Тимофей Васильевич Аленин.

– Нет, не Тимоха ты! Внук иногда в тебе проглядывается, но с каждым днем все меньше и меньше. – Старый Афанасий сжал кулаки. – Не бойся, скажи. Я сегодня помру. Мне знать перед смертью надо, где Тимоха!

– Да, я не Тимоха, но я действительно Аленин, и зовут меня Тимофей Васильевич. Наш род также идет от донской ветви потомков Ермака. Кто-то из моих пращуров твой брат, только не знаю степени того родства.

– Что-то не пойму ничего!

– Понимаете, Афанасий Васильевич, я родился... рожусь... тьфу ты, появлюсь на свет еще только через восемьдесят лет. Как бы проще объяснить... Я жил в будущем, там умер, и душа моя как-то попала сюда в тело Тимохи.

Старик откинулся назад и, быстро крестясь, произнес: «Чур меня! Свят, свят, свят! Изыди, сатана!»

Я грустно улыбнулся, перекрестился, достал из-за пазухи медный крестик и поцеловал его.

– Не сатана я, Афанасий Васильевич, а вот кто, теперь и сам не пойму. Там, в будущем, я был офицером, защищал Родину. Защищал хорошо. Если сравнивать награды, то здесь я был бы георгиевским кавалером с кучей других орденов и медалей. Потом там я умер, а очнулся в теле Тимохи и принял бой с хунхузами. Сначала мы с Тимохой как бы мысленно разговаривали между собой. Когда надо было общаться с вами, Афанасий Васильевич, или с Марфой, то это делал Тимоха. Но потом мы с Тимохой стали как бы растворяться друг в друге. Я теперь знаю и помню все, что знал и помнил Тимоха, а он знает все обо мне. Поэтому я – это теперь Тимоха.

– Вот оно что!

– Да, Афанасий Васильевич, с одной стороны, я сейчас сижу и разговариваю с вами как с посторонним человеком, а с другой стороны, мне хочется заплакать, обнять вас и закричать: «Деда, не помирай!»

– Внучек! – Из глаз старого Аленина потекли слезы.

– И еще, Афанасий Васильевич, там, в моем будущем, Тимофея хунхузы во время этого набега убили, а здесь он, хотя и таким образом, остался жив!

Старик встал из-за стола, обошел его, подходя ко мне и, нагнувшись, прижал мою голову к своей груди: «Внучек, мой!» Я застыл, а потом мое тело затряслось от неконтролируемых мною рыданий.

– Вот и хорошо, внучек. Поплачь... – Дед гладил по голове и по спине внука, который прятал лицо в натальной рубаше старика. – Сейчас полегчает, внучек. Полегчает.

Через некоторое время Тимохина сущность успокоилась, а старый Афанасий, еще раз погладив меня по голове, вернулся на свое место за столом.

– И что там будет, в будущем?

– Страшно будет, войн много будет, реки крови людской прольются.

– Ну не живется спокойно басурманам! – Дед Афанасий осуждающе покачал головой. – А что здесь делать будешь?

– Защищать Отечество! Что еще казак может делать? Знания вот хочу свои из будущего о военных приемах казакам передать. Я там до гвардии подполковника дослужился.

– Кхе... Гвардия! Подполковник! – Старик довольно разгладил рукой бороду. – Так ты у нас – ваше высокоблагородие, Тимоха! Хе-хе, не зря хотел тебя в военное училище устроить!

– В какое училище?

– Заболтался я с тобой! – Лицо старого Аленина потемнело. – Времени-то чуть осталось. Слушай внимательно, внучек.

Дальше старый Аленин рассказал мне о своей договоренности со станичным атаманом попытаться устроить Тимофея в Иркутское юнкерское училище на казенный кошт, и о том, что Селеверстов в Благовещенске разговаривал об этом с самим наказным атаманом и тот обещал посодействовать.

При выпуске из этого училища по первому разряду можно будет получить звание хорунжего и стать офицером. Только тяжело в него поступить обычному казаку. Мало кому удастся. Также рассказал о том, что у Селеверстова находятся три хороших строевых коня и оружие, которые он сохранил для Алениных после боя Тимофея с хунхузами.

Потом дед Афанасий раскрыл шкатулку, достал пачку кредитных билетов по двадцать пять рублей и, развернув платок, высыпал на стол кучку золотых пятирублевков.

– Здесь восемьсот рублей, – вздохнул старик. – Семьсот атаман передал кредитными билетами. Это премия за убитых тобой хунзузов и их снаряжение от наказного атамана. Селеверстов с казаками, сам понимаешь, все более-менее нормальное с хунзузов поменял на бросовое из станичного добра, но все равно добре получилось. Семь сотен рублей – очень хорошая премия. А сто рублей я накопил за последние годы на черный день. Теперь это все твое. На учебу, внучек, тебе.

– Деда! Афанасий Васильевич! Да что вы, в самом деле! Прекратите! Вам еще жить да жить.

– Нет, внучек. Пришло мое время. Все, отжил свое. Пора!

Старик, тяжело встав из-за стола, прошел в угол горницы, где стоял сундук, открыл его, достал свой парадный мундир с наградами и разложил его на кровати.

– В нем меня похоронишь! Награды только перед тем, как в землю опускать будете, снимите. Оставьте себе на память.

Я глядел на деда, и мои глаза наполнились влагой.

– Все, внучек. Теперь в баню. К Богу на суд надо чистым приходиться.

Старый Аленин взял чистое исподнее, уже лежащее на кровати, и вышел из горницы.

«Чудит старик, – подумал я. – Но хорошо, что с ним объяснился. Теперь скрывать ничего не надо. И принял всю эту невероятность дед как-то спокойно, хотя ни одной книжки фантастической не читал».

Я подошел к столу. Завернул деньги в платок и положил обратно в шкатулку. Затем открыл ларец и долго перебирал лежащие там бумаги. В основном это были выписки из церковных книг о рождении и смерти членов семьи Алениных, поминальная книга с датами помина умерших родных, наградные листы и прочие документы. Убрал шкатулку и ларец в сундук, взял в чулане самовар и понес его на двор, чтобы наполнить водой и растопить. Дед после бани мог выпить чашек пять-шесть прям-таки обжигающего чая.

Выйдя на крыльцо, увидел, что дед с влажными волосами и бородой, в чистом исподнем уже сидит на любимой лавке у крыльца.

– Чайку – это хорошо. – Дед размашисто перекрестился. – Давай, внучек, раскочегарь самовар да в бане приберись, а я пойду прилягу, что-то ноги не держат.

Старый Аленин начал подниматься на крыльцо, пропустив спускающегося внука.

– Да, Тимофей, чуть не забыл! Домовина моя готовая на подволоке в сарае лежит.

– Деда, ну что ты все заладил: умру, домовина, похоронишь меня... Как маленький.

– Цыц у меня! Ишь, голос поднял! Еще не умер. А офицером стань, Тимоха, и науки свои полезные казакам передай. Это мой наказ тебе, Тимофей Васильевич! – с этими словами старик зашел в дом.

Я быстро наполнил свежей водой самовар, растопил его, потом сбегал в баню, вымел листья, опавшие с веников, которыми парился дед, промыл полы, лавки, замочил в шелоке грязное исподнее деда и пошел в дом. Зайдя в горницу, увидел деда, лежащего с закрытыми глазами, не на кровати, а на лавке и со скрещенными руками.

«Вот дед чудит! – подумал я. – Осталось только свечку зажженную воткнуть, и можно отпевать».

И в тот же момент неестественная желтизна щек на лице деда заставила меня броситься к старику и прижаться ухом к груди. Биения сердца слышно не было. Я прижал два пальца к сонной артерии на шее деда – пульса не было.

«Этого не может быть, – метались мысли в моей голове. – Не может быть такого! Сказал, что умрет сегодня, и умер. Он что, сердце себе остановил?»

В это мгновение будто что-то лопнуло в моем сознании. Упав на колени перед лавкой, я уронил голову на грудь деда и в голос зарыдал. Сколько проплакал, выкрикивая какие-то слова, не помню. Успокоившись и поднявшись на ноги, я, взяв длинный рушник, подвязал

подбородок Афанасию Васильевичу и вышел из дома. Потом оседлал коня и поскакал в станицу, чтобы сообщить о смерти деда станичному атаману.

Глава 6

Выбор пути 2

Воспоминание о том дне наполнило меня грустью. Жалко было старого Аленина. За три месяца общения, благодаря Тимохиной составляющей моего сознания, я стал относиться к нему как к своему деду, тем более что Афанасий Васильевич был очень похож на моего родного деда, которого я сильно любил. Но именно смерть деда и его последние слова позволили мне окончательно определиться с моей дальнейшей жизнью в этом мире и наметить первые шаги.

Дед наказал мне стать офицером, чтобы передать мои военные знания из XXI века казакам. «А чем не смысл жизни?» – думал я в тот день, пока скакал в станицу, чтобы сообщить о смерти старого Аленина.

Афанасий Васильевич говорил, что в юнкерское училище принимают с семнадцати лет. У меня впереди почти три года. Есть время, чтобы разобраться с тем уровнем знаний, который необходим для поступления в училище. Больших проблем тут быть не должно, надо только как-то залегендировать для окружающих, где я этому выучился. С физической и военной подготовкой надо тоже не переборщить. Ладно, с этим со временем разберемся. Идем дальше. Поступил в училище, отлично проучился, выпустился и получил первое офицерское звание – хорунжий – и под командование полусотню казаков, вероятнее всего в Амурском полку. Это будет где-то в 1893 году. До китайского похода в 1900 году будет еще семь лет. За это время можно будет обучить кое-чему казаков и обкатать новую тактику и приемы ведения боевых действий на хунхузах, а потом же и против китайцев.

Если все пройдет гладко, то, возможно, к началу Русско-японской войны в Амурском полку будет сотня казаков, умеющих вести разведочно-диверсионные операции против противника по методикам, опережающим действительность на сто лет. Что это даст? Нанесение большего урона противнику: может быть, получится кого-то «стереть» с карты истории из генералитета японской императорской армии, что окажет стратегическое влияние на ведение наземных операции в этой войне.

И благодаря этому есть вероятность распространения этого опыта в войсках через главное управление Генерального штаба или через Главный штаб, если его не переименуют в 1905 году. Хорошо бы при этом как-то поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, чтобы теоретически обосновать новые методики ведения данных боевых действий и найти человека, который смог бы их пропихнуть в управление боевой подготовки российской армии.

Да, мечты! И что ж я не попал в тело какого-нибудь великого князя или генерала, отвечающего за управление вооруженными силами Российской империи... Тогда все было бы намного проще. Мы хоть академий и не кончали, но двадцать семь лет службы в элитных войсках, участие в боевых действиях и их планирование, пускай на отрядно-бригадном уровне – это опыт, который бы позволил не наломать дров в боевой подготовке новых подразделений. Тем более если вспомнить о том, кто будет командовать армией и флотом в это время, то я вообще гений диверсионной войны и разведки. Был момент в моем пенсионном прошлом, когда лазил по инету и специально искал материалы о Николае II и его окружении... Так вот, о верховном главнокомандующем Николае II сохранилось убийственное по сарказму высказывание генерала Драгомирова: «Сидеть на престоле годен, но стоять во главе России не способен». Министр иностранных дел Дурново считал, что Николай «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». По мнению контр-адмирала Бубнова, в годы Первой мировой войны начальника морского управления в Ставке, «уровень его знаний соответствовал образованию гвардейского офицера, что, само собой разумеется, было недостаточно не только для управления государством, но и для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне».

О военном министре Куропаткине, который скоро займет этот пост, в нашей военной истории сохранилось двойственное мнение. Под его руководством были проведены в жизнь многие неотложные меры: повышены денежные оклады офицерам, произведено омоложение командного состава, преобразован ряд военных округов, расширены юнкерские училища и кадетские корпуса, укреплен полевая артиллерия, начато внедрение в войска пулеметов, да и много было сделано полезного для развития казачества в Приамурском крае.

Однако всего этого оказалось явно недостаточно для того, чтобы русская армия подошла к войне с Японией обновленной. А назначение Куропаткина командующим Маньчжурской армией у многих вызвало скептицизм и не принесло ему лавров, хотя в генерала, озаренного лучами скобелевской славы, многие поначалу верили. Его военные неудачи и стратегия оборонительной войны «на истощение» вынудили Россию признать бесперспективность дальнейшей борьбы и пойти на мирные переговоры с Японией.

Следующий военный министр, Сухомлинов, получил прозвище «царский угодник». Его деятельность на этом посту во время Первой мировой войны завершилась судом, где ему были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и приговорен к бессрочной каторге и лишению всех прав на состояние.

Морской министр, вице-адмирал Бирюлев, прочитав рапорт одного из своих подчиненных, просившего выписать из Франции для подводных лодок некоторое количество свечей зажигания, недогнувшей рукой вывел резолюцию: «Достаточно будет пары фунтов обычных стеариновых».

Драгомиров, так уничтожительно охарактеризовавший последнего русского императора, сам был не без греха. Будучи профессором по тактике, а затем и начальником Николаевской академии Генерального штаба, он прославился как ярый противник скорострельного оружия и военных игр, которые при нем практически полностью исчезли из учебного курса Академии. А на испытаниях генерал Драгомиров отозвался о пулемете «максим» следующим образом: «Излишняя быстрота стрельбы вовсе не нужна для того, чтобы расстреливать вдогонку человека, которого достаточно подстрелить один раз».

Да, при таком руководстве провалить новую тактику ведения боевых действий будет очень тяжело! Без подтверждения ее эффективности на практике можно даже и не пытаться. А на практике доказать полезность засылки малых групп в тылы противника для ведения разведки и совершения диверсий можно только на базе казачьих войск. Ходить за зипунами да захватить знатного пленника – это у казаков в крови, но боюсь, что «их благородия» сочтут такие действия варварскими и неблагородными.

О внедрении тактики снайперской войны вообще думать не хочется. Отстреливать в первую очередь генералитет и офицеров на поле боя! Это кто такое предложил? А ну подать сюда этого казака Аленина, который «их благородиям» смерти «подлой» желает! Хотя еще в марте 1643 года, во время гражданской войны в Англии, при осаде города Личфилда снайперским выстрелом был убит командир армии парламента лорд Брук... Мой первый и последний инструктор в Афганистане на курсах снайперской подготовки любил приводить примеры из истории искусства меткой стрельбы, и, как ни странно, они намертво засели в моей памяти. По словам офицера, солдат Джон Дайот, дежуривший на крыше местного кафедрального собора, выстрелил в лорда Брука, когда тот неосторожно высунулся из укрытия, и попал ему в левый глаз. По меркам того времени подобный выстрел, произведенный из длинного гладкоствольного мушкета с расстояния около ста сорока метров, считался незаурядным.

Петр I в воинском уставе требовал, чтобы каждый мушкетер особливо стрелял, а в 1711 году, после поступления на вооружение новых штуцеров, особым указом повелел отбирать лучших стрелков, вооружать их штуцерами и использовать «особо». В шестидесятых годах

XVIII века полководец Румянцев создал в каждом пехотном полку команды егерей, вооруженных штуцерами. Для этих егерей были выработаны специальные указания об их действиях в бою: «Выбирать места наудобнейшие и авантажнейшие: в лесах, деревнях, на пассах и амбускалах (засадах). Тихо лежать и молчание хранить, и, подпустив противника на выстрел, поражать его метким огнем».

Во времена наполеоновских войн британскому снайперу Томасу Планкетту удалось «снять» французского генерала Огюста Колберта и его адъютанта на расстоянии в шестьсот метров. У противников англичан тоже были меткие стрелки: во время Трафальгарской битвы французский унтер-офицер, заняв позицию на мачте корабля, смертельно ранил адмирала Нельсона.

Во время Гражданской войны в США был убит генерал северян Джон Сэдживик. Как нам рассказывал мой инструктор, генерал занимался управлением огнем артиллерии, когда снайперы конфедератов открыли стрельбу с дистанции примерно около километра, вынудив офицеров штаба прижиматься к земле. Седживик огляделся и сказал: «Что? Разве мужчины кланяются пулям? Что же вы будете делать, когда они откроют огонь по всей линии? Мне стыдно за вас. С такой дистанции они не попадут даже в слона». Через пару секунд пуля пробила ему навывлет голову, пройдя над левым глазом. Вот тебе и слон! Вот тебе и неблагородно кланяться пулям!

Очень долго в армиях всего мира не понимали эффективность снайперского искусства и считали его неблагородным. Во время военного противостояния между Британской империей и североамериканскими колонистами англичане применяли общепринятую тактику открытого боя. Однако они столкнулись с неприятным сюрпризом: стрелки колонистов, облаченные в зеленые костюмы, отстреливали британских солдат и офицеров из невидимых укрытий. Во многих случаях британские солдаты, одетые в традиционные красные куртки и являвшиеся прекрасной мишенью, просто не могли понять, откуда ведется огонь. Американские колонисты, с детства привыкшие к стрельбе из ружей по всевозможной дичи, использовали длинноствольные ружья «Кентукки» и «Пенсильвания» и могли без труда «снять» противника на расстоянии до трехсот метров, поэтому английские мушкеты, способные вести прицельный огонь на расстоянии менее чем сто метров, оказались беспомощными перед американскими ружьями.

Любопытно, что британские офицеры, даже осознавая, что находятся под огнем американцев, зачастую не пытались скрыться, так как считали подобное поведение трусостью. Однако еще большей трусостью английские джентльмены в мундирах считали сам процесс стрельбы на расстоянии и из укрытия. Среди британских офицеров существовал негласный кодекс поведения, согласно которому английским солдатам, вооруженным длинными ружьями, запрещалось подстреливать офицеров армии колонистов, так как подобные действия считались опять же «неблагородными».

Тем не менее эффективность тактики ведения дальней стрельбы была очевидна, и в конце концов бритты под давлением молодого и предприимчивого офицера и изобретателя Патрика Фергюсона организовали свой собственный отряд стрелков из ста человек, которым были выданы длинноствольные ружья и зеленая маскировочная униформа. Последующая гибель Фергюсона и стереотипное мышление британского военного руководства отодвинули использование стрелков-снайперов на задний план.

Стереотипное мышление военного руководства – это проблема! А в российской армии – проблема в квадрате. Сдвинуть что-нибудь в голове наших генералов будет очень непросто. Даже Александру Ивановичу Гучкову, основателю либерально-консервативной партии «Союз 17 октября», имеющей большинство в Государственной думе третьего созыва, не удалось в 1909 году, будучи председателем думской комиссии государственной обороны, через представителей генералитета внести изменения в подготовку русских войск с учетом опыта

Англо-бурской и Русско-японской войн. Хотя на его стороне были начальник Главного штаба и помощник военного министра Поливанов и председатель военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны Василий Иосифович Гурко – лихой командир 2-й бригады Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. А сам Гучков добровольцем, вместе с братом Федором, был в Трансваале, где участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, был ранен и попал в плен. Именно там Гучков увидел, как малочисленная группа рассеянных по местности искусных стрелков может противостоять частям регулярной армии противника, и именно тогда снайперский огонь впервые стал существенным фактором в боевых действиях регулярных войск. Кстати, эта война вообще оказалась богата на смертоносные новинки – впервые были применены окопы, бронепоезда, пулеметы... Частично этот опыт пригодился потом в Русско-японской войне. Но вот дальше стали мешать стереотипы мышления старых генералов: этого нового не надо, наши предки и без этих игрушек били врагов, пуля дура – штык молодец. А то, что на дворе XX век с его бешеным развитием орудий убийств и новых способов их применения, это нас не касается. Поэтому-то ничего у этой троицы и не получилось по реформированию русской армии и созданию первых диверсионных и снайперских подразделений. Жаль!

Насколько помню, в России только в начале 1914 года был испытан оптический прицел на трехлинейке, а признан пригодным для использования в войсках он был аж в конце 1916 года! Российская бюрократия неистребима! А у немцев первые штатные снайперы на уровне рот, причем в количестве шестерых человек на роту, появились уже в начале 1915 года. Согласно свидетельствам англичан, зимой 1915-го любое появление британского солдата за пределами окопа гарантировало смерть от снайперской пули. Моральный эффект от таких потерь был чрезвычайно велик.

Все это вспомнилось мне, конечно, не в тот день, пока я скакал в станицу, чтобы сообщить о смерти деда Афанасия, а постепенно, когда обдумывал, что и как я буду делать в этом мире, чтобы внедрить спецоперации среди казачьих войск. И чем больше думал, тем меньше становился мой оптимизм. А в последнее время, с учетом опыта, полученного уже в этом мире, все чаще приходила мысль, что наверняка все останется лишь на уровне очень продвинутого в военном плане казака Амурского полка Тимофея Аленина и вряд ли смогу я исполнить наказ деда – стать офицером и передать как можно большему количеству казаков опыт проведения спецопераций из моего времени... Однако для себя на сегодняшний день я все же наметил три возможных варианта развития дальнейших событий.

Первый вариант – самый худший и, как я его назвал, сословно-экономический: я не смогу поступить в Иркутское юнкерское училище, так как «рылом не вышел». Казак-сирота – это не сын купчика или дворянина и даже не сынок зажиточного казака. С него денег не возьмешь.

В мое время многие «дерьмократы» и «либерасты» с пеной у рта доказывали, как хорошо жилось нам при царе-батюшке. Только забыли они, что в 1914 году хрустели французскими булками, омары трескали и запивали их шампанским самое большее процентов десять из ста семидесяти миллионов жителей Российской империи, а остальные выживали в нищете и безграмотности. Обучение в гимназии стоило от сорока до ста золотых рублей в год. Как я уже узнал, в Благовещенской шестилетней гимназии за годовой курс в первом классе надо заплатить сорок, а в шестом – восемьдесят рубликов, а это стоимость строевого коня или всей другой амуниции и обмундирования. Мало кто из казаков в Приамурье может отдать такие деньги за шестилетнее обучение своего отпрыска, а гимназисту где-то и на что-то еще жить в городе надо.

Так что неуважаемым господам демократам следовало бы вспомнить, кем были их предки в царской России. Если они из крестьян и пролетариев, то с вероятностью в сто процентов можно было бы предположить, что в конце XIX века их ждал каторжный труд по 14–

16 часов в сутки, без выходных и проходных. И за радость предкам было пропустить граненый стакан водочки под горбушку черного хлеба, а не омары с шампанским вкушать.

Эти мысли, кстати, были основным камнем преткновения в рассуждениях о возможных изменениях истории этого мира из-за моих действий. В том моем мире при советской власти я получил бесплатное среднее образование и высшее военное, дослужился до подполковника, а мой отец до полковника. Таким образом, хоть мы и из простых казаков – мой прадед был простым донским казаком с небольшим земельным наделом в Старочеркасске и большой семьей, – но при советской власти выслужились, по меркам прошлого, в дворяне и в «их высокоблагородия». Отец, дослужившись до полковника, в прошлом по табелю о рангах вообще получил бы потомственное дворянство, а я был бы весь в белом – дворянин Аленин, с родовым гербом в виде АК-103 в окружении пяти гранат Ф-1 на фоне цвета «хаки»! Три раза ха-ха-ха!

А если мои подвижки в этом мире приведут к тому, что не будет революций и не будет СССР? Тогда в будущем миллионы молодых ребят из простых семей не получат образования, не станут учителями, инженерами, врачами, офицерами... Хотя не будет и братоубийственной Гражданской войны, и гибели миллионов на пути к «светлому будущему»... Тем более что потом-то опять придем к неподконтрольным правительственным чиновникам, олигархам, опять будет разделение на «господ жизни» и «быдло». Кто-то будет за свежими устрицами на завтрак в другом конце мира личный самолет гонять, а кто-то будет ломать голову, где взять денег хотя бы на буханку хлеба, чтобы детей накормить...

Ладно, это все лирика! Для себя я уже все решил. Итак, возвращаемся к первому варианту – я не поступил в Иркутское юнкерское училище и через четыре года иду на первый срок службы в Амурский полк. Основная моя задача – своей службой показать, что мои навыки и подготовка дают возможность выполнять все поручения более эффективно. Надо будет поставить себя так, чтобы мои сослуживцы захотели научиться от меня новым приемам повышения своей физической и боевой подготовки, ведения разведки, маскировки, захвата «языков» и стрельбы, а командование полка захотело бы это все распространить на весь полк, а может, на сотню или хотя бы на один десяток. Э-э-э, все вилами по воде писано!

О втором варианте я думал первое время после наказа деда: поступил в Иркутское училище, выпустился офицером, в Амурском полку получил полусотню, обучил ее, погеройствовал с казачками в китайском походе, в Русско-японской войне, и все рыдают от умиления, отправляют меня в академию Генштаба, чтобы я там все теоретически обосновал и ввел в войска повсеместно... Но на самом деле и здесь все упрется в военную бюрократию уже на полковом уровне, а может быть, уже на уровне сотника. При таком раскладе, если разрешит начальство, смогу организовать обучение полусотни по новым методикам, а потом в боевых действиях доказать эффективность такой подготовки, но дальше опять неизвестность. Захочет ли командование полка что-то изменять в боевой подготовке казаков или пошлет меня с моими нововведениями далеким пешим маршрутом? При самом хорошем и мечтательном раскладе, если не в китайском походе, то во время Русско-японской войны кто-то из высокого начальства заметит эффективность действия моих бойцов и захочет применить мои методики в более широком формате. Опять одни если!

Ну и третий вариант. Поступил в училище, закончил. Кстати, закончить тоже будет проблематично. Нет, не из-за знаний, а опять же из-за сословных противоречий. Вряд ли я стерплю унижения со стороны более высокословных сокурсников. Точно кому-нибудь ряху начищу! А дальше прощай погоны! Из училища точно выпрут. Ладно, будем бить больно, но аккуратно, без телесных повреждений.

Все, отступления в сторону. Поступил, закончил, два года в полку и потом... Не знаю пока, как, но надо прорваться в Николаевскую академию Генерального штаба. Там во время учебы как-то выйти на русскую разведку и, зарекомендовав себя, постараться попасть на начало Англо-бурской войны представителем от Генштаба или под видом волонтера. Через

доклады постараться доказать эффективность бурских засад, снайперского огня, действия малых групп в тылу врага, все это теоретически и методически обосновать и настаивать на создании экспериментальной диверсионно-разведочной группы хотя бы в полусотню казаков. А после обучения обкатать ее на боевых выходах в Китайском походе. А дальше как Бог даст!

В этом варианте без высокого покровительства нельзя. А на настоящий момент из всех покровителей у меня – атаман Селеверстов. Хотя и это уже не мало. Тем более дядя Петр, как я его сейчас называю, подтвердил, что он о моем поступлении в Иркутское юнкерское училище действительно разговаривал с наказным атаманом в Благовещенске. При этом наказным атаманом, оказывается, является военный губернатор Амурской области генерал-майор Бневский, который обещал посодействовать моему поступлению, если все будет хорошо. Вот такие вот планы!

Но в любом случае надо приучать окружающих к моей нестандартности и прущим из меня нововведениям в военной подготовке. Это я и начал делать почти три года назад. Мои мысли вернулись к событиям после смерти деда Афанасия.

Глава 7

Экзамен у атамана Селеверстова

Деда хоронила вся станица. Из других станиц также много казаков приехало. Я даже и не знал, что Афанасий Васильевич пользовался таким почетом и уважением среди амурских казаков.

После похорон казаки с кладбища потянулись в трактир Савина, где накрыли столы для помина за счет казны Черняевской сотни. Меня как единственного оставшегося родственника посадили за общий стол с казаками. Потом пошли поминальные речи. Много хорошего я услышал о деде Афанасии. Краем уха слышал, как жалеют меня казаки, рассуждая, что же делать теперь сироте. Об этом я тоже думал, так как не представлял теперь своего статуса. Что мне можно, а что нельзя по российским и казачьим законам.

В самом конце поминок из-за стола поднялся атаман Селеверстов и заявил, что он берет меня в свою семью до моего совершеннолетия, так как никого из родственников у меня здесь нет, и он обязан мне спасением от смерти своего сына Романа. Казаки за столом одобрительно загомонили.

Потом поднялся Савин и объявил, что за спасение от хунхузов его Ворона с лучшим косяком он дает мне в награду недавно родившегося жеребенка от Ворона и Ласки, которая считается лучшей кобылой в его табуне.

После такого заявления гомон казаков поднялся до небес. Некоторые стали подходить и хлопать меня по плечам, поздравляя с таким богатым подарком. Мне ничего не оставалось делать, как подняться и благодарить Ивана Митрофановича. Подарок действительно был царским. А если жеребенок пойдет в отца, то такому коню будут завидовать все казаки. Савин все потомство от Ворона продавал за очень большие деньги. Простому казаку такого коня было не купить.

Потом поминки закончились, и мы вместе с Селеверстовым вышли из трактира на улицу.

– Что, казак, дальше делать будешь? – спросил меня атаман, положив руку на плечо и разворачивая к себе лицом.

– До зимы еще месяца полтора, продолжу табун у Савина пасти. А дальше посмотрим, Петр Никодимович.

– Зови меня теперь дядя Петр или дядько Петро, я же тебя к себе в семью взял. – Селеверстов поправил фуражку на голове. – Жить у меня будешь или у себя?

– У себя, дядя Петро. Запасы продуктов есть пока. Готовить я умею. Одежды много осталось. Обслужить себя я смогу. Да и не хочется родной дом оставлять без пригляда. Нежилой дом быстро рушится.

– А не забоишься один-то в пади?

– А чего бояться? Мой дом – моя крепость!

– Ха... Крепость! Ну ты завернул, Тимоха! Хотя по сути верно: мы, казаки, в своем доме как в крепости бьемся, если враг пожалует. Ладно! Два дня тебе на обустройство хватит. Потом приедешь ко мне, будем думать, что с твоим наследством от хунхузов делать, а еще о твоей дальнейшей судьбе поговорим. Хотя уже сейчас тебе скажу: негоже приемному сыну атамана пастухом работать. Лучше бы ты у Савина дальше не пас его табун. Не к лицу мне! А то будут казаки гутарить, что куска хлеба для сироты не нашел!

– Как скажете, дядя Петро. Только что мне делать-то дальше?

– Приедешь через два дня, обо всем и поговорим.

Так закончилась моя пастушеская карьера у казака Савина, тем более что напуганный попыткой хунхузов угнать станичный войсковой табун купец нанял пастухами к своим косякам

по два бурята, вооружив их до зубов. Да и станичный войсковой табун пасли теперь не малыцы-казачата, а матерые казаки, тоже вооруженные, будто на войну собрались.

Через два дня, проведя в своем хозяйстве ревизию, я приехал к Селеверстовым. Пообедав за общим столом, мы уединились с атаманом в горнице, где я передал ему на хранение дедово наследство в восемьсот рублей. Три коня со сбруей и все оружие, которое досталось мне после хунхузов, решили продать. Селеверстов ожидал выручить за все еще рублей четыреста. Говорил, что было бы больше, если бы все продавать в Благовещенске на ярмарке, но лучше туда с этим добром не соваться, чтобы не возникли лишние вопросы.

Себе я оставил только восьмизарядную винтовку Маузера, в которую буквально влюбился, и все патроны для берданки. Из-за маузеровской винтовки мы с Селеверстовым спорили до посинения, пока дядя Петро не сдался и не пообещал достать для нее патроны, и то только после того, когда решили, что половина от вырученных денег пойдет Селеверстовым за мое содержание «на довольствии» в их семье до моего совершеннолетия.

До зимы по уговору с атаманом я буду помогать им по хозяйству, благо мы с покойным дедом Афанасием уже все запасли для своего дома до весны. Также договорились с атаманом, что он возьмет меня зимой на ярмарку в Благовещенск и выделит из моих денег сумму для покупки книг. Мое стремление поступить в Иркутское юнкерское училище дядько Петро поддержал полностью и сообщил, что обещана помощь от наказного атамана Беневского, который был поражен моими подвигами в схватке с хунхузами.

– Все, Тимофей! Все купеческие дела завершили. Поехали на сборное место, покажешь, что ты умеешь в казачьей науке.

Выйдя на двор, Селеверстов позвал своего среднего сына Никифора, который год назад вернулся с первого трехлетнего срока службы, за время которого выслужил звание младшего урядника и имел опыт схваток с китайскими бандитами.

– Седлай коней, возьми шашки учебные да карабин. Поедем Тимофею проверку устроим.

– Батька, меня возьмите! – выскочил во двор рыжеволосый Ромка. – Я тоже хочу посмотреть.

– Хорошо. И тебя берем. Иди брату помоги.

Через пять минут со двора Селеверстовых выехала небольшая кавалькада из четырех казаков и отправилась на поле за станицей Черняева, где проходили сборы казаков-малолеток. Приехав на поле и спешившись у коновязи, атаман отправил младшего Ромку принести лозы и воткнуть ее в станки на участке, отведенном для рубки, а меня вместе с Никифором повел на место, где отрабатывались строевые приемы.

– Давай, Никифор, командуй Тимофею, а то тебе на сборах через пять месяцев малолеток гонять. Тренируйся отрабатывать лычки младшего урядника.

Строевой меня не удивишь. Вспоминая свои курсантские годы, как-то забылся и все команды Никифора стал выполнять на автомате, пока не был остановлен командой: «Стой!»

– Что скажешь, Никифор? – Атаман удивленно и задумчиво поглаживал усы.

– С такой выправкой хоть сейчас в атаманцы лейб-гвардии! Тимоха, тебя кто всему этому научил? Вот это... да! – Только присутствие отца не позволило Никифору заковыристо выругаться.

«Кажется, это первый косяк, – подумал я. – Забыл, что строевой у амурских казаков начинают заниматься только с малолетками, то есть с девятнадцати лет. А я еще и ножку с носочком тянул, и чтобы расстояние до земли от подошвы сапога было не меньше двадцати пяти сантиметров».

– Деда учил. Он мне говорил, что внук георгиевского кавалера должен маршировать, как лейб-гвардеец на плацу.

– Добре! Давай-ка, Тимофей, покажи, как тебя с шашкой обращаться научили, – приказал старший Селеверстов, продолжая смотреть на меня какими-то удивленно-задумчивыми глазами.

Я принял уставную стойку с шашкой и по командам Никифора показал «развязывание рук» и различные крутки.

– Хорошо! Молодец, Тимофей! Все как надо выполняешь. – Селеверстов разгладил усы. – Теперь посмотрим, как ты пешим лозу рубишь, а потом верхами. Ромка, воткни вот здесь четыре лозы, а ты, Тимофей, пройди с рубкой направо и налево.

С этим заданием я также легко справился: все четыре лозы были срублены под углом сорок пять градусов и воткнулись рядом в землю с оставшимися стоять основаниями. Когда разрабатывал руку после ранения, то на дворе Алениных за месяц перерубал весь сухостой, имитируя конную дорожку и более сложные комбинации: рубка на две, три и четыре стороны как имитация боя с двумя, тремя и четырьмя противниками соответственно; рубка камыша и яблук на подкидывание, их рубка в подкидывании с оборотом назад, в бок на один и на два удара. При этом все упражнения выполнял из исходного положения «шашка в ножнах», благо шашка, которая носится режущей кромкой клинка вверх, позволяет наносить удар сразу после ее выхватывания из ножен. Самураи с их кендо отдыхают!

Как мне помнилось из информации своего времени, самураи во время Русско-японской войны были поражены той скоростью, с которой казаки осуществляли удар, выхватывая шашку из ножен. По мнению многих из тех, кто остался жив, «с этими русскими самураями невозможно сражаться, они разят быстрее смерти». При этом настоящий мастер фехтования на катанах должен был уметь побить противника одним только движением: за несколько секунд успеть выхватить катану из ножен, ударить противника и вернуть оружие в ножны. При этом считалось хорошим тоном за это краткое время еще и успеть отряхнуть с меча кровь противника.

Дед Афанасий, наблюдая за моими потугами быстрее освоиться с шашкой, исправлял небольшие ошибки, ставя мне удар, учил древнему казачьему «танцу» с одной и двумя шашкам, а за неделю до смерти отдал мне свою шашку, сказав, что ему она также от деда досталась. Это была шикарная черкесская шашка терс-маймун в богато отделанных ножнах. Судя по рисункам и гравировкам, и шашку, и кинжал, которым я отправлял на тот свет хунхузов, делал один мастер. Пара была просто великолепна. Я был поражен красотой этого оружия, а Тимохина сущность визжала от радости от такого подарка.

Сегодня со мной была казачья, как я ее называл, «рабочая шашка». Она мне была более по руке. Расту еще! Жаль, йогурт «Растишка» не дают в этом мире!

– Хорошо удар поставлен. – Никифор посмотрел на отца. – Батяка, может, посмотрим, как Тимофей рубиться умеет?

– А давай! Тимоха, против Никифора выйдешь на учебных? По голове и кистям не бить. До трех пропущенных ударов.

– Давайте попробуем, дядько Петро.

Я взял затупленную учебную шашку и оценивающе посмотрел на Никифора, который разминал кисть, вращая другой учебной шашкой.

«Учебная-то учебная, но даже если плашмя ею получишь, мало не покажется, – думал я, прикидывая, как построить бой против Никифора. Тот на полголовы выше, руки длиннее, привык рубить. – Что ж, будем резать, как длинным ножом на противоходе. Армейский ножевой бой спецназа я еще не забыл».

Никифор встал в правостороннюю стойку, перенес всю тяжесть тела на левую ногу, сохраняя отвесное положение корпуса. Его клинок в согнутой в локте правой руки смотрел мне затупленным острием куда-то в область глаз. Я принял такую же стойку.

– Начали, – подал команду атаман Селеверстов.

Никифор сделал быстрый выпад в мою сторону, нанося колющий удар в район груди. Я отшатнулся назад, разрывая дистанцию, а когда Никифор стал возвращаться в исходную стойку, нанес режущий удар в выставленную переднюю ногу казака. Как я и ожидал, к такой «подлости» Никифор был не готов – все же строевых казаков больше учили рубиться на коне. Я сделал еще подшаг в сторону Никифора и, отводя предплечьем левой руки его кисть с зажатой шашкой, одновременно обозначил удар снизу-вверх от паха к шее, а делая шаг назад, «рубанул» наискось, легко задев правое плечо и грудь Никифора.

– Стоп. Убит! – Старший Селеверстов поднял руку, останавливая Никифора, который попытался что-то сказать. – Еще раз! К бою! Готовься! Начали!

Никифор нанес рубящий удар справа в висок, я же, увидев начало его удара, сделал, приседая, шаг вперед и вправо и, скрутившись телом на 180 градусов, обозначил круговой удар назад по ногам Никифора, еле успев остановить шашку перед его правой ногой. После чего быстро встал из приседа.

– Стоп! Никифор, а ты без ног остался! – Атаман сплюнул. – Еще раз! К бою! Готовься! Начали!

В этот раз Никифор не стал нападать первым, а ждал, когда я попытаюсь нанести свой удар. Я не стал его разочаровывать и, в движении вперед перекинув шашку в левую руку, поменял стойку, после чего «резанул» Никифора по локтю правой руки, случайно попав в локтевой нерв. Выдав матерную тираду в три колена, Никифор выронил шашку и схватился за негнущуюся в локтевом суставе правую руку, продолжая что-то шипеть сквозь стиснутые зубы.

– Чего стоишь? Добивай! – будто кнутом стегнул меня по ушам крик атамана.

– Дядько Петро, я нечаянно! Просто случайно в нерв локтевой ему попал!

– При чем тут чайно-нечаянно! Ты что, Тимофей, не понимаешь? Сопляк, прости меня, Господи, лучшего рубаку станицы уже три раза «убивает»! Это что, нормально?

– Батька, да случайно все это. Просто Тимофей не по правилам рубится! Так не делает никто!

– В бою, орясина, ты тоже будешь просить по правилам драться? Тебя уже три раза на тот свет Тимофей отправил. Что, Никифорушка, засопел обиженно, или я не прав?

– Да прав, батька, только Тимоха неправильно бьется...

– А ты что скажешь, Тимофей? Этому тебя тоже дед научил?

–левой рукой шашкой биться дед учил. Он мне часто правую руку привязывал к телу, чтобы я в течение дня все левой рукой делал. И этому удару левой рукой в локоть после перехвата шашки дед научил. Только он говорил, что эту ухватку можно применять в бою один на один и когда больше никто схватке не помешает. А вот удар в ногу и потом крестом, после отвода вооруженной шашкой руки у Никифора, и приседая по ногам, я здесь придумал. Он же меня выше и сильнее. Тут только быстрота и хитрость спасти меня могли.

– Вот, Никифор, учись у младенца. Как он тебя срубил? Молодец, Тимоха! А ты чего рот разинул? Тоже учись!

Подзатыльник от отца заставил Ромку закрыть действительно разинутый в удивлении рот. На его глазах его приятель Тимоха только что три раза победил в рубке на шашках его старшего брата, которого в станице считали лучшим фехтовальщиком и который был для Ромки чуть ли не богом в воинском деле.

– Да! Удивил ты меня, Тимофей! – Атаман Селеверстов засунул большие пальцы рук за наборный пояс и стал покачиваться с носков на пятки и обратно. – Удивил! Это надо же! Молокосос опытного казака как тушку разделал! Ладно! Тимофей, давай на конную дорожку по рубке лозы. Посмотрим, что ты верхами умеешь. Обратно пойдешь по кругу, покажешь джигитовку.

Вот это для меня уже было испытанием! Тимоха был, конечно, отличным наездником, а вот у меня еще не все получалось. Но отступать было некуда. Вернувшись к коновязи и отвязав

своего коня Чалого, я, не касаясь стремян, впрыгнул в седло и выехал на начало дорожки по конной рубке лозы. Опустив левой рукой поводья и толкнув Чалого ногами, переводя его с места в карьер, я правой рукой выхватил шашку, привстав на стременах и наклонив корпус чуть вперед. При этом в моей голове почему-то по кругу крутились две строчки песни из советского фильма 70-х годов «Я, Шаповалов»:

А ну-ка шашки подвысь,
Мы все в боях родились!

Мах вправо-вниз, влево-вниз, вправо-влево, вкладывая в удар и вес тела, потом переброс шашки в левую руку – и оставшаяся лоза была дорублена. Я остановил коня и повернул его назад. Перекинув шашку в правую руку и вложив ее в ножны, я с гордостью посмотрел на дорожку. Вся лоза была срублена идеально. Большинство срубленных прутьев лозы воткнулись в землю рядом с основанием. Такого результата у меня еще не было ни разу. Но теперь для меня самое трудное – джигитовка!

Как сын XXI века, за эти полтора месяца, что уже сидел после ранений на коня, никак не мог привыкнуть к тому, что на коне можно вытворять акробатические номера. Хорошо хоть, мой Чалый Тимохой был выезжен отлично и при джигитовке шел спокойным и ровным галопом.

Эх, была не была! Вперед! Я с места послал Чалого в галоп и, дождавшись, когда он пойдет ровно, держась обеими руками за переднюю луку седла, соскользнул с седла с левой стороны, повиснув с боку Чалого и опираясь правым предплечьем на подушку седла. Поймав мах коня, когда его передние ноги коснулись земли, сам также оттолкнулся ногами от земли и мгновенно вспрыгнул в седло. Дальше с правой стороны, свесившись вниз к земле, достал срубленный и воткнувшийся черенок лозы. Потом махом развернулся в седле спиной по ходу движения коня и вернулся в исходное положение. В заключение джигитовки повел коня к барьеру и рву, перепрыгнув через них. После этого вернулся к Селеверстовым и, остановившись перед ними, спрыгнул, как положено, с левого бока коня и, взяв Чалого под уздцы, доложил: «Господин атаман, рубку лозы и джигитовку закончил!»

– Кхм... Закончил! А почему только с одной стороны соскок и поднимание с земли сделал? – Селеверстов с улыбкой в глазах грозно нахмурил брови.

– Дядько Петро, бицепс правой руки после ранения еще в норму не пришел. Не смог бы я правой рукой подтянуться.

– Тьфу, дурак я старый, после твоей схватки с Никифором совсем забыл, что у тебя рука-то прострелена! А ты и не напомнил! А что еще за бицепс?

Блин, опять косяк. Надо следить за своим языком. Тем не менее бодро я доложил:

– Фельдшер Сычев мне объяснил, что в плече у человека две основные мышцы: сгиба-тельная, которая по латыни называется бицепс, и разгибательная – трицепс.

– Вот, учитесь! – Атаман повернулся к сыновьям. – Тимоха у нас по латыни понимает.

– Нет, дядя Петро, не понимаю. Просто запомнил, что Сычев говорил.

– Ну, фельдшер у нас известный говорун, особенно если ханшина выпьет. Ты стрелять-то с больной рукой сможешь?

– Конечно, смогу, дядя Петро. Она у меня уже не болит, только сила в ней еще не вернулась до конца.

– Тогда давай-ка верхами на место для стрельбы, и три выстрела по мишени. Конь-то выстрелов не боится? Патроны есть?

– Не, Чалый выстрелов не боится, приучен, и патроны есть – пять штук. А куда стрелять-то?

– Ты чего, забыл, Тимоха? Вон, видишь, мишень стоит. – Атаман указал на щит, сколоченный из жердей, размером где-то два на три метра. – Это как бы конная фигура, а попасть надо в белую полосу, желательно посередине. Это как бы грудь врага.

Я пригляделся и увидел на щите слабо видимую белую полосу сантиметров в сорок, которая шла посередине щита сверху и заканчивалась, не доходя метра до земли.

– Какое до мишени расстояние от нас? – вмешался в разговор Никифор.

Я чуть было не ляпнул, что метров двести будет, но потом, вспомнив, что метрическая система в России еще не принята, ответил:

– Шагов триста, триста двадцать.

– Попадешь отсюда? – Никифор ехидно улыбнулся.

Я про себя улыбнулся: «С двухсот метров в стену сарая, пусть и стоящую ко мне под углом сорок пять градусов? Да без проблем!»

Достав из притороченного к седлу Чалого чехла карабин и быстро зарядив его, я выстрелил почти навскидку.

– Давай-ка, Тимофей, еще два выстрела, – заинтересованно произнес атаман.

Я, быстро перезаряжая, выстрелил еще два раза.

– Давайте посмотрим! – это уже влез в разговор Ромка, притоптывая от нетерпения на месте.

– Позже посмотрим. Поезжай, Тимофей, на место для стрельбы с коня. Мы тоже туда сейчас подъедем. – Атаман и его сыновья направились к коновязи.

Я доехал до огневого рубежа и, дождавшись, когда подъедут Селеверстовы, спросил:

– Дядько Петро, сколько раз стрелять? А то у меня только два патрона осталось.

– Никифор, дай ему еще один патрон. А ты, Тимофей, стреляй три с коня.

– Дядя Петро, а с места или на ходу?

– А ты что, и на скаку попасть с трехсот шагов сможешь? – недоверчиво спросил Никифор.

– Надо попробовать, – заряжая карабин, ответил я. – Вы чуть в сторону коней отведите, чтобы мишень не загоразивать.

Сказав это, я развернул Чалого от мишени и пустил его в карьер. Проскакав метров десять, я не выдержал и, развернувшись назад, вскинул к плечу карабин и выстрелил по мишени. Оставив позади себя еще метров пятьдесят, остановил коня и перезарядил карабин. Затем развернул Чалого и, управляя им только ногами, поскакал к мишени, целясь в нее через голову коня. Когда до мишени осталось метров двести, я выстрелил, остановив коня, перезарядил карабин и выстрелил по мишени еще раз. После этого подъехал к Селеверстовым.

– Поехали, посмотрим на результаты. – Атаман тронул коня в сторону мишени, а за ним потянулись все остальные.

Подъехали к щиту и встали около него полукругом.

– Вот это Тимоха дает! – воскликнул Никифор. – Батя, глянь. Четыре дырки там, где голова должна быть, да как кучно, а еще две где-то в районе груди, но все в белой полосе.

– Еще что скажешь, Никифор? – Атаман, повернув голову, требовательно посмотрел на сына.

– А чего еще скажешь? Я такой стрельбы еще не видел.

– Эх, Никифор, Никифор, учить тебя еще и учить! Если бы Тимофей после сборов участвовал в состязаниях как казак-малолетка, что бы было?

Никифор задумался, а потом удивленно произнес:

– Так призы бы получил – по первому разряду за стрельбу пешим и с коня, и за наездничество как минимум по второму разряду приз бы имел. Это, считай, винтовка, седло или мундир с шароварами и португея.

– Вот, Никифор! О том, что сегодня видели, никому не слова. Хочется мне войсковому старшине Буревому, который приедет в этом году на зимние сборы у малолеток, нос утереть. Упрошу я его, чтобы он Тимоху к призовой стрельбе да наездничеству допустил. Посмотрим, что он скажет, когда Тимоха покажет всем казакам, как стрелять надо. Да и тебе, Тимофей, это участие для поступления в училище пригодится.

– Хорошо, дядька Петро, я еще больше заниматься буду. А когда зимние сборы будут?

– В конце февраля следующего года. Так что время еще есть. Тренируйся и Ромку под свою руку забирай. Пускай у тебя учится всему.

Так в мою жизнь вошел Ромка Селеверстов, который надолго стал моим напарником в моих начинаниях в этом мире.

С учетом того, что сезонных работ по хозяйству почти не осталось, мы с Ромкой где-то за месяц оборудовали в пустом пристрое для зимовки скота теперь уже моего дома небольшой спортзал. В нем разместили самодельные брусья, турник, шведскую стенку, деревянную модель коня с седлом для обучения упражнениям джигитовки, передвижной станок для рубки лозы и чучело для этих же целей и, конечно же, макивару и другие приспособы для рукопашного боя.

Приехавший посмотреть на наши занятия атаман Селеверстов, увидев все эти снаряды, только крикнул, покрутил ус, а потом молча и задумчиво смотрел на наши упражнения. В тот раз он так ничего и не сказал о нашем спортзале, но потом еще несколько раз приезжал вместе с сыном Никифором и вахмистром Митяем Широкиным. Все вместе смотрели, как мы с Ромкой исходим потом, выполняя разработанный мною комплекс физических упражнений с использованием имеющихся снарядов, проводим учебные схватки на пиках, шашках, кинжалах, тренируемся в рубке. Но никто опять не сказал ни слова.

Потом пришла зима. Наши с Ромкой занятия прерывались только охотой на зверье и птиц да заготовку дров. По станичному «уроку» каждый казак должен был поставить двадцать бревен в государственную казну. Для большой семьи Селеверстовых, в которой по реестру числилось трое взрослых казаков, надо было заготовить шестьдесят бревен. Вот и работали мы с Ромкой сучкорубами да охотой промышляли для бивачного котла и домой что-то впрок из лесной дичи запасти.

После рождественских праздников, на Святки, из станицы в Благовещенск тронулся так называемый «ярмарочный обоз». По договоренности с атаманом вместе с семейством Селеверстовых поехал и я.

Глава 8

Благовещенск

Четыреста верст до Благовещенска мы прошли за две недели, по дороге останавливаясь то в лесу, то у родственников и хорошо знакомых казаков семьи Селеверстовых в станицах, расположенных ближе к административному центру Амурской области.

И вот ранним утром, еще в сумерках, наш обоз въехал в Благовещенск – город, в котором я родился, то есть еще должен буду родиться в будущем. Я вертел головой по сторонам, проезжая по улицам, и ничего не узнавал – большая станица! Где асфальтированные проспекты, окруженные многоэтажными домами в сиянии рекламы? Где проносящиеся машины и шум многолюдного города? Ничего этого не было! Но будет, обязательно будет!

Остановились мы в заезжем доме купца Чурина. Атаман Селеверстов с Никифором сразу же ушли с приказчиком Чурина договариваться о продаже привезенных пшеницы, рыбы, мяса, шкур, а мы с Ромкой принялись выпрягать из трех саней лошадей и вместе с тремя верховыми, на которых ехали мы с Ромкой да Никифор, повели их на конюшню.

Тетя Оля, жена атамана, со снохой Ульяной, женой Никифора, и дочерью Анфисой стали таскать из распряженных саней узлы с добром в дом, где были сняты комнаты для проживания на время ярмарки.

Вскоре вернулись довольные Никифор и дядька Петр. Как выяснилось, им удалось очень выгодно продать почти весь свой товар Чурину, немного оставив самого ценного для ярмарочной распродажи. На радостях атаман заказал баню и обильный ранний обед, после которого мы всем семейством, принарядившись, отправились смотреть город.

Этот променад очень напомнил мне походы с женами по магазинам в моем прошлом мире. Я никогда не мог понять женщин: как они могут ходить по магазинам «просто посмотреть»? Если мне надо было что-то купить, то я шел и покупал, не глядя на остальной товар. У моих же жен «просто посмотреть, померить, прикинуть» могло растянуться на долгие часы моих мытарств. Особенно меня добивало то, что все это происходило при полном отсутствии денег в нашем семейном бюджете.

Здесь происходило то же самое. Женщины во главе с тетей Олей заходили в каждую лавку, где смотрели, приценивались, примеряли, прикидывали и прочее. Но при этом все мужчины Селеверстовы практически не отставали от своих женщин, так же что-то смотрели, ахали, приценивались. И ничего не покупали. Когда я спросил атамана, почему ничего не покупают, то был сражен его ответом: «Так на ярмарке все дешевле будет. А тут просто посмотрим». После такого ответа я просто выпал в осадок и, наверное, умер бы от скуки, но перед заходом в очередную лавку вдруг увидел на соседнем доме вывеску: «Городская общественная библиотека».

- Дядька Петро, я в библиотеку. Можно? В приезжий дом я сам приду, дорогу помню.
- Иди, грамотей. Тебе, смотрю, поход по лавкам неинтересен!
- Ага. Я побежал.

Зайдя в дом и пройдя сени, я вошел в большую комнату, где стояло довольно много стеллажей с книгами, а за столом сидела пожилая, полностью седая женщина с приветливым лицом, своим видом напомнившая мне интеллигентную учительницу-старушку советских времен.

– Здравствуйте, меня зовут Мария Петровна. Я библиотекарь. Что вам угодно, молодой человек? – мягким голосом произнесла женщина.

– Здравствуйте. Хотел бы книги посмотреть, – робко ответил я.

– Книги не смотрят, а читают. Но откуда такой интерес к книгам у молодого казака?

– Меня зовут Тимофей Аленин. Мы из станицы Черняева на ярмарку приехали. Я хочу поступить в Иркутское юнкерское училище и зашел к вам узнать, какие книги по военному

делу есть, и какие учебники сейчас издаются. А главное – найти программу вступительных экзаменов в училище. Никто мне в станице не смог об этом сказать, включая батюшку станичной церкви Александра. А он к нам из Санкт-Петербурга приехал.

– Похвально, похвально. А позвольте полюбопытствовать, не тот ли вы молодой казак Аленин, который целую банду хунхузов один уничтожил?

– Да, это я, – почему-то краснея под добродушно заинтересованным взглядом Марии Петровны, ответил я. – Но откуда вы об этом знаете?

– Я вхожу в круг знакомых генерала Беневого Аркадия Семеновича – это военный губернатор и ваш казачий наказной атаман. На одном из раутов Аркадий Семенович рассказал всем, как был поражен отвагой и умелостью мальчишки-казака, который в четырнадцать лет как-то умудрился поразить насмерть двадцать одного бандита-хунхуза. При этом, по его словам, больше половины бандитов он убил одним кинжалом. Ужас!

– Мария Петровна, жить захочешь – и не то сделаешь.

– Может быть, Тимофей, может быть. Тем более ты же прирожденный воин, вот и офицером хочешь стать. Хорошо, посмотри пока книги на том и на том стеллажах. – Мария Петровна указала вглубь комнаты. – А примерно через час мы с вами, Тимофей, дойдем до Алексеевской гимназии. Там работает мой хороший друг, который поможет тебе с подготовкой к поступлению в военное училище.

– Огромное спасибо, Мария Петровна. Даже не знаю, как вас благодарить.

– Что-нибудь придумаю для такого молодца, – лукаво улыбнулась старушка. – Раздевайся у вешалки и проходи к стеллажам.

Сняв и повесив на вешалку свои «парадные» полшубок и папаху, обметя веником валенки и оправив под ремешком праздничную рубаху, я прошел к указанным стеллажам.

Боже ты мой! Чего тут только не было! Я даже и представить себе не мог, что по военному делу в конце девятнадцатого века было издано так много книг. Но особенно меня умилило, что на этом стеллаже я нашел «Войну и мир» Льва Толстого. Взяв в руки один из томов, начал пролистывать его, часто останавливаясь на некоторых абзацах.

– Тимофей, а вы очень быстро читаете! Я же вижу, что вы читаете, а не просто скользите взглядом по странице. Кто вас научил такому скорочтению?

«Опять попал! – подумал я. – Я же почти безграмотный молодой казак, а тут скорочтение... Но надо что-то отвечать».

– Дядя Иван. Младший брат отца.

– Передайте ему от меня большую благодарность.

– Некому передавать, Мария Петровна. Все мои родные погибли или умерли. Сирота я уже четвертый месяц. Спасибо нашему станичному атаману Селеверстову – дядька Петро меня в свою семью взял до совершеннолетия. Но живу я в своем аленинском доме один, а они мне помогают. С собой вот на ярмарку взяли. Я тут рухлядь кое-какую, оставшуюся от семьи, да шкуры лисьи и волчьи, мною добытые, хочу продать, а на вырученные деньги учебники и письменные принадлежности купить.

– Извини, Тимофей, что напомнила тебе о смерти близких. – Мария Петровна ласково погладила меня по руке. – А что ты читал? Надо же, казак с романом «Война и мир» в руках! Удивительно! А на чем ты конкретно остановился?

Мария Петровна взяла в руки книгу и стала читать вслух с того места, куда я непроизвольно поставил свой указательный палец, когда старушка оторвала меня от чтения книги: «И благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных ситуациях, с простотою и легкостью поднимет первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью».

– Ты это уже прочитал? – Мария Петровна строго посмотрела на меня. – Какие выводы сделал?

– Да. Прочитал, – ответил я. – А вывод – в войне не бывает правил. Кто воюет по правилам и ждет этого от противника, тот проигрывает. В войне за Отечество все средства хороши, даже неблагоприятные. Нас, казаков, часто обвиняют, что мы воюем нечестно, неблагоприятно. Наполеон вот тоже упрекал нашего государя Александра, что его подданные, особенно казаки, воюют, не соблюдая рыцарских принципов ведения войны. Но если ты здоровее меня, в руках у тебя оружие, которым ты умеешь владеть, а я нет, то глупо ждать от меня, что я, как баран, пойду на убой, выходя с навязанным тобой оружием и на твоих условиях. Я возьму то оружие, которым владею хорошо, да и шарахну тебя тогда, когда мне будет удобно, без всяких правил. Это ты пришел и напал на меня, а я тебя не звал. Поэтому буду воевать с тобой как умею. А когда одержу победу, тогда, может, и пожалею.

– Очень интересный вывод. Впервые слышу такую трактовку слов Толстого о «дубине народной войны». А с хунхузами ты воевал по правилам или нет?

– Конечно, не по правилам Мария Петровна. Если бы тогда стал биться как казаки, конным против них, то меня сразу бы зарубили. А так я пешим скрадывал их, как зверей, и нападал, когда они не ждали. Поэтому и смог их всех убить. Правда, фортуна в тот день неоднократно была на моей стороне. Везло мне в тот день сильно.

– Удивительный ты мальчик, Тимофей. – Старушка-библиотекарь с какой-то грустью смотрела на меня. – Четырнадцать лет всего, а уже столько людских смертей на тебе, и дальше хочешь учиться людей убивать. И при этом ты такой весь светлый, чистый!

«Ох уж эти интеллигентские сопли! – зло подумал я про себя. – Жизнь человека – это всеобщая ценность... Тьфу, наслушался всей этой бредятины в своем мире! Ладно, бабуля, сейчас я тебе дам!»

– Мария Петровна, хунхузы убили моего отца, мать, брата отца, мою младшую десятилетнюю сестренку увели в рабство в Маньчжурию. Когда пытались угнать наш станичный войсковой табун, они много раз пытались убить меня. Они для меня враги, смертельные враги. И я их буду убивать всегда и везде, где они мне только попадутся. И я буду учиться, чтобы убивать их как можно быстрее. И не только их, а всех врагов моего Отечества!

– Ух, раскипятился, как самовар! – Мария Петровна с усмешкой смотрела на меня. – Что я, не понимаю этого? Тридцать лет была женой офицера. Два года назад умер муж мой. Старые раны сказались. Жалко мне тебя просто! Тяжел путь воина. А ты, судя по всему, пойдешь по нему не самой легкой дорогой. Дай Бог не ожесточиться тебе на этом пути!

Мария Петровна перекрестила меня и, притянув голову к себе, поцеловала в щеку.

– Бери все тома «Войны и мира» себе в подарок. У меня дома есть, принесу в библиотеку на замену. Одевайся, и пойдем в гимназию. Сегодня пораньше библиотеку закрою. Все равно никого нет.

– Спасибо большое, Мария Петровна. И извините за мою горячность.

– Простила, простила, Тимофей. Пойдем, мой мальчик.

Через несколько минут я, спрятав книги в холщовый мешок, который мне вручила Мария Петровна, вместе с ней направился в гимназию. Пройдя совсем немного, мы подошли к большому трехэтажному дому и, пройдя во двор и обогнув дом, зашли во флигель, где, по словам старушки-библиотекаря, проживали преподаватели гимназии. Подойдя к одной из дверей в коридоре, Мария Петровна постучалась. Услышав: «Заходите, открыто», мы вошли в небольшую комнату-прихожую, где нас встретил представительный мужчина лет шестидесяти, одетый в строгий сюртук с орденом Владимира 4-й степени на груди, на поперечных концах ордена с обеих сторон серебряная надпись: «35 лет».

– Мария, какими судьбами! – Мужчина с радостной улыбкой развел руки в стороны. – Как я рад вас видеть! Проходите, проходите, гости дорогие. Раздевайтесь. Давайте я вам помогу.

Мужчина элегантно помог снять Марии Петровне шубу и повесил ее на находящуюся рядом с дверью вешалку.

– А кто это с тобой, Мария, такой молодой и красивый?

– Ох, Петр, так рада тебя видеть, что забыла вас представить. Знакомьтесь. Надворный советник Бекетов Петр Иванович – полный тезка и даже дальний родственник и потомок первопроходца Сибири и основателя Якутского острога стрелецкого сотника Бекетова, – с улыбкой начала Мария Петровна. – После окончания Санкт-Петербургского университета более тридцати пяти лет назад приехал Петр Иванович в Сибирь нести свет знаний. Начал в Иркутске, потом в Чите и вот уже почти четырнадцать лет в Благовещенске руководит работой женской гимназии, преподавая русский язык и историю.

– А это, Петр, – как-то помолодевшая старушка-библиотекарь указала рукой на меня, – удивительный молодой человек по имени Тимофей Аленин. Именно о нем рассказывал генерал Бенеvский, как победителя банды хунхузов в прошлом году.

– Очень приятно познакомиться, Тимофей! – Бекетов протянул руку и крепко ответил на мое рукопожатие. – Раздевайся, вешай все на вешалку и проходи дальше в зал. Вон, под вешалкой шлепки войлочные стоят.

Стесненно раздеваясь и надевая тапочки, я про себя мысленно порадовался, что после бани надел шерстяные носки, а не портянки. Пройдя в следующую комнату, я увидел множество шкафов с книгами, а посередине комнаты стоял стол, накрытый скатертью, на котором возвышался сияющий золотом самовар и стояли розетки с вареньем, бубликами, кусками сахара и чашки с блюдцами. Мария Петровна и Бекетов уже сидели за столом, и Петр Иванович наливал из самовара кипяток в чашку. Я стоял на пороге, держа книги в руках, и не знал, как мне вести себя дальше.

– Петя, полюбуешься! Стоит молодой казак, а в руках у него четыре тома Толстого «Война и мир». А если бы ты слышал, какой он вывод сделал из прочитанного отрывка о народной дубине войны, то был бы очень сильно удивлен... Ой, заболталась! Проходи, Тимофей. Присаживайся за стол и наливай себе чаю, угощайся. Мы сейчас с Петей новостями быстро обменяемся, давно не виделись, а потом о твоей проблеме поговорим.

Я подошел к столу, сел на стул и, положив книги на край стола, налил из заварного чайника крепкой заварки, а из самовара кипятка. Потом, положив в небольшую тарелку немного варенья, пару кусочков колотого сахара и несколько баранок, пододвинул все это к себе и стал наслаждаться питьем чая, абсолютно не слушая, о чем разговаривают Бекетов и Мария Петровна.

Боже мой, какой это был чай! Такого божественного напитка я не пил с момента смерти деда. В станице и у Селеверстовых в основном пили чай-сливан. Готовили его следующим образом: в латку (глиняный горшок) наливали горячее коровье молоко, вареное с пенками, туда же разбивали несколько куриных яиц, добавляли крепко заваренный чай (обязательно зеленый, плиточный), подсаливали, клали топленое коровье масло и доливали кипятком. Затем этот напиток разливали по байдарам (кружкам) поварешкой. Брры! Ужас!

Вот у нас, Алениных, был самовар, и пили чай мы в основном с заваркой черного крупнолистого китайского чая. Только это считалось в станице расточительством. А после смерти деда до самовара у меня руки как-то не доходили. А у Бекетова чай был заварен великолепно!

Задумавшись и наслаждаясь чаем, я даже не услышал, как ко мне обращается Бекетов:

– Тимофей! Тимофей! О чем задумался?

– Ой, извините, Петр Иванович. Такой замечательный чай, очень напоминает тот, который мой дед заваривал. Вот и задумался, вспоминая наши чаепития, когда все живы были.

– Жалко твоих близких, Тимофей. Мне Мария рассказала, что они все погибли. Но это судьба. Поговорим лучше о твоём поступлении в военное училище. Ты где-нибудь учился?

– У нас в станице, у батюшки Александра в его школе при церкви две зимы, и младший брат отца дядя Иван меня обучил многому.

– Хорошо, давай проверим немного, что ты знаешь?

Дальше посыпались вопросы по русскому языку, арифметике, алгебре, геометрии, физике, географии, истории. Я отвечал, на что уверенно, где-то путаясь при попытке перевести русские меры в метрическую систему, да и с формулами, особенно из геометрии, были проблемы. Давно все это учил. Хорошо, что совсем недавно в том мире внучатому племяннику помогал по Интернету домашние задания изучать за седьмой и восьмой класс. Что-то в голове осталось. Но все равно Бекетов был шокирован.

– Мария, это уникал! За четыре класса он экзамены играючи сдаст по первому разряду. Даже по вопросам испытания на зрелость нашей шестиклассной гимназии он почти на все правильно ответил! Жалко, что с латинским, греческим и новыми языками ты не знаком. – Он о чем-то задумался, а потом произнес: – Завтра, Тимофей, после обеда придешь ко мне и будешь писать диктант, сочинение и отвечать на вопросы по другим дисциплинам. Часа за три-четыре, я думаю, управимся. Хорошо?

– Я приду, Петр Иванович. Только можете мне пару листов бумаги и карандаш дать? Я потренируюсь в письме, а то уже года три не писал. А пером у меня и раньше плохо получалось.

«Вот попал! – думал я. – Всю ночь придется тренироваться эти яти и твердый знак в нужные места вставлять. Хорошо хоть, книги Толстого есть, будем у великого русского писателя учиться на русском писать. Где бы еще таблицу по переводу русских мер в метрическую систему взять?»

Мое возвращение в приезжий дом с книгами вызвало у семейства Селеверстовых фурор. Пришлось рассказывать о своих похождениях и новых знакомствах. Заодно сразу отпросился у атамана на завтрашний день для встречи с Бекетовым. Потом был ужин и чтение вслух романа «Война и мир». Засиделись допоздна. А я еще часа три после этого тренировался в правописании. Спать лег уже с первыми петухами.

С утра и до обеда я помогал дядьке Петро и его жене тете Ольге торговать на ярмарке. Никифор с женой, Ромкой и Анфисой как ушли по рядам, так и пропали. Узнав от атамана, что оружия и книг на ярмарке нет, я спокойно занимался торговыми делами, так как остальные товары меня не интересовали. До обеда я продал почти всю свою рухлядь и шкуры, став обладателем шестидесяти рублей с копейками.

Селеверстовы также расторговались практически полностью, чему немало способствовала моя помощь. Я даже не ожидал от себя таких умений по навязыванию товара покупателям. В том своем мире никогда не торговался, а тут меня будто прорвало. Очень часто после моей негоции какой-нибудь покупатель отходил от Селеверстовых, недоуменно крутя головой: «И зачем я это купил?» Дядя Петро с тетей Ольгой только похохатывали над моими шутками-прибаутками во время коммерции типа: «Налетай, не скупись, чтоб дохой обзавестись!»

После обеда я был у Бекетова, и начался экзаменационный ад. Кроме Бекетова в роли подручных «главного дьявола» присутствовали еще две каких-то женщины, имена которых я тут же забыл. Увидев мои мучения с пером, Бекетов разрешил мне писать карандашом, и понеслось: диктант, эссе на полстраницы о Благовещенске, задачи по арифметике, алгебре, геометрии, физике, тест по истории и вопросы по географии. Здесь я поплыл и попросил тайм-аут, сказав, что географического атласа никогда в жизни не видел. После того как минут двадцать просидел над атласом, удивляясь названиям государств, особенно в Африке, о которых никогда не слышал, ответил на вопросы и по географии.

Пока я отдыхал от этого экзаменационного марафона, Бекетов с женщинами проверяли мои записи. Потом о чем-то совещались, и в конце концов Петр Иванович вынес вердикт,

что я будущее светило российской науки на уровне Ломоносова, так как самоучкой освоил курс четырехлетней гимназии, можно сказать, на «отлично», а по алгебре и геометрии решил задачи для испытания на зрелость шестилетней и даже восьмилетней гимназии. Поэтому Бекетов поможет мне получить свидетельство об окончании экстерном шестилетнего курса Благовещенской мужской гимназии, договорившись с ее директором, и будет просить руководство администрации Благовещенска и Хабаровки направить меня на обучение в Иркутскую казенную восьмилетнюю гимназию за счет государственной казны, с дальнейшим поступлением в только что открытый Томский университет. Он надеется, что с учетом того, что я знаю английский язык, я смогу самостоятельно освоить немецкий, французский, а также древнегреческий и латинский, имея необходимые словари и учебники.

От такого вердикта о моих знаниях я на некоторое время впал в ступор, но потом стал уверять Бекетова, что не мыслю своей жизни без военной службы, рассказал о предсмертном наказе деда.

– Хорошо, Тимофей, я понял, что тебя не переубедить! – Петр Иванович огорченно покачал головой. – Жаль! Какой бы из тебя ученый мог получиться! Но свидетельство об окончании гимназии экстерном тебе нужно в любом случае. В этом году не получится, твой возраст не соответствует, но на следующий год этот вопрос мы решим. Пойдем к твоему атаману Селеверстову, будем договариваться.

Пока мы собирались, две женщины преподавательницы вышли, но скоро вернулись, неся учебники, справочники, словари, которые торжественно мне вручили с наказом продолжить самостоятельное обучение. Растроганно поблагодарив за такие ценные подарки, я получил от них напоследок благословение и поцелуи. После этого мы с Бекетовым направились в приезжий дом для разговора с Петром Никодимовичем.

Когда мы вошли в комнату, где проживали дядька Петро с женой и дочерью, там проходил конкурс красоты. Все женщины хвастались друг перед другом обновками, а мужская половина семейства Селеверстовых «дружными аплодисментами» высказывала свое одобрение этим приобретениям.

Зайдя вместе с Бекетовым в комнату, мы некоторое время полюбовались статными казачками, а потом я произнес:

– Дядька Петро, Никифор, попрошу минуточку внимания! – Все Селеверстовы повернулись в мою сторону. – Познакомьтесь, надворный советник Бекетов Петр Иванович – директор Алексеевской женской гимназии, а это атаман Черняевского округа Селеверстов Петр Никодимович и...

Дальнейшее представление прервалось писком Анфисы и снохи Ульяны, которые бочком вместе с Ромкой проскользнули в дверь, выбегая из комнаты, а атаман с сыном вытянулись в струнку и дружно рявкнули: «Здравия желаем, ваше высокоблагородие!»

«Вот блин! Я же забыл, что надворный советник по табелю о рангах соответствует подполковнику в войсках или войсковому старшине у казаков. Вот это чинопочитание!» – думал я, глядя на вытянувшихся в струнку Селеверстовых и замершую тетку Ольгу.

Между тем Бекетов, пройдя в комнату, присел на один из табуретов, при этом в распахнувшейся шубе стал виден крест ордена Владимира, что заставило вытянуться Селеверстовых еще больше.

– Петр Никодимович, и вы...

– Никифор, – подсказал я.

– И вы, Никифор, – продолжил Бекетов мягким голосом. – Давайте без чинопочитания. Присаживайтесь, зовите меня Петр Иванович. А пришел я поговорить о Тимофее.

– Он что-то натворил? – вскочил только присевший на табурет дядя Петро, а тетя Ольга судорожно вздохнула.

– Натворил, ох натворил, Петр Никодимович! – Бекетов шире распахнул полы шубы. – Он сегодня играючи сдал на отлично выпускные экзамены по четырехгодичному курсу гимназии, а по некоторым предметам решил задачи испытания на зрелость гимназии за восьмой класс. Вот такой у вас Тимофей – уникам!

Все Селеверстовы, чуть не открыв рты, уставились на меня, а у Никифора челюсть действительно поползла от удивления вниз.

– Я предлагал ему свою помощь в поступлении в губернскую мужскую гимназию сразу в седьмой класс, а потом в Томский университет за счет государственной казны, – продолжил Бекетов, – но Тимофей отказался, так как не мыслит своей дальнейшей жизни без военной службы. Поэтому придется помочь ему с поступлением в Иркутское юнкерское училище, а для этого вам надо вместе с ним приехать в Благовещенск на следующий год, чтобы Тимофей смог официально сдать экстернатом экзамены за шесть классов нашей Благовещенской мужской гимназии и получил официальный документ. Это займет дня два-три, может, чуть больше. И потребуется немного денег. Хотя об этом не будем говорить. Я решу эту проблему.

Атаман Селеверстов, вытаращив глаза, продолжал удивленно смотреть на Бекетова, а у Никифора челюсть опускалась все ниже и ниже. Только тетка Ольга, судорожно вздохнув, начала улыбаться.

– Я думаю, мы договорились, Петр Никодимович, – поднимаясь с табурета, продолжил Бекетов, запахивая полы шубы. – Жду вас вместе с Тимофеем на следующий год.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – вскочил с табурета атаман. – Непременно приедем.

Бекетов повернулся ко мне, потрепал по плечу.

– В холщовом мешке, куда тебе подаренные книги сложили, сверху и мой подарок лежит. Посмотришь после моего ухода. И все-таки жалко, Тимофей, что не хочешь ты в университет поступать. Какой бы ученый из тебя вышел...

– Петр Иванович, но будучи на военной службе я могу и наукой заниматься.

– Должен, Тимофей. Должен заниматься. Хорунжий, сотник или есаул – это не твой предел и уровень. С твоей светлой головой ты должен идти выше, чтобы сделать больше для России. Просто обязан для Отечества сделать больше! Все! Жду тебя на следующий год.

Попрощавшись со всеми за руку, Бекетов, надев шапку, вышел из комнаты.

– Вот это да! – Никифор буквально рухнул на табурет.

Петр Никодимович, поглаживая усы, продолжал стоять, взирая на меня с каким-то непонятным выражением лица и глаз. В приоткрывшуюся дверь, предварительно заглянув, просочились Анфиса, Ульяна и Ромка.

– Батька, а что Тимофей натворил? – спросила Анфиса.

– Что натворил? Этим он стал, как его... а, вспомнил – уникамом! – Атаман повернулся к своей жене. – Нет, мать, ты глянь на него, на этого уникама! Мы тут с Никифором перед высокоблагородием во фронт тянемся, а он с ним как с приятелем разговаривает. Точно – уникам!

«Все, точно это прозвище прилипнет, – думал я, снимая папаху и расстегивая полушубок. – Ермаком тут звать не будут. Слишком уважают Ермака Тимофеевича местные казаки, чтобы какому-то сопляку такое прозвище дать. Хотя, может, и не приживется незнакомое казакам слово. Но прозвище “уникам” лучше, чем “бурундук”, как у Афоньки Гусевского. Никто уже и не помнит, почему так в детстве его прозвали».

– Есаула для Тимофея мало! – продолжал выплескивать из себя напряжение атаман. – Да у нас в станице выше хорунжего никого из казаков не было за всю ее историю. А тут есаула мало! Генералом надо стать Тимохе! Голова у него светлая!

– Успокойся! Ты чего завелся? – Тетка Ольга подошла сзади к мужу и прижалась к нему. – Радоваться надо, что Тимофея так высоко оценили. А может, правда генералом станет! Его благородие вон как уверенно говорил!

– Да со страху я! – Атаман присел на табурет. – Когда услышал от его высокоблагородия, что Тимофей чего-то натворил, внутри что-то будто бы оторвалось. А он вон – уникам, оказывается. Ладно, Тимофей, неси мешок. Показывай, что за подарки там у тебя.

Я подошел к столу и положил на него мешок, раскрыл горловину и достал атлас мира в красивом и богатом переплете. Раскрыв его, увидел конверт, из которого достал четыре банковских билета по двадцать пять рублей и записку: «На самостоятельное обучение. Жду в следующем году. Бекетов».

– Нет, Тимоха точно уникам! – Атаман Селеверстов развел руками, глядя на записку и деньги. – Мне шестой десяток идет. Тридцать лет в строю. Десять лет атаманствую. Больше четверного наградных ни разу не получал. А здесь за полгода восемьсот рублей. Семьсот от генерала и сто от надворного советника. Уникам! Кстати, Тимоха, а что это слово обозначает?

– Очень редкий по своим умениям человек.

– Тогда правильно тебя его высокоблагородие назвал. Ты, Тимоха – уникам! Показывай, что у тебя в мешке еще.

Я достал из мешка все книги и положил их на стол. Атаман быстро просмотрел ценники на всех книгах и озвучил, что здесь подарков еще на сто с лишним рублей. Покачал головой и с усмешкой спросил:

– Ну что, уникам, тебе еще что-то для учебы покупать надо? А то мы все уже купили и завтра с утра назад с казаками из Кузнецовской станицы собрались.

– Дядька Петро, мне бы еще несколько учебников надо, бумаги, карандашей прикупить, патронов к карабину Маузера и новый устав казачьей службы приобрести.

– И все? – хмыкнул атаман.

– Все, больше ничего не надо.

– Вот, учитесь, охламоны! – Атаман по очереди ткнул выставленным указательным пальцем в Ромку и Никифора. – Настоящему казаку надо оружие, устав и знания. А то ноют: «Батька, купи нам эту красивую финтифлюшку или эту!» А на кой хрен она им нужна, и сами не знают, лишь бы покрасоваться!

Так закончилась моя первая поездка в Благовещенск. На следующее утро, успев купить все, что я хотел, мы выехали домой в станицу, куда и прибыли, слава богу, без всяких приключений через десять дней.

Глава 9

Первая любовь

Покачиваясь в седле на Беркуте, который шел мягкой рысью, я вспоминал, как развивались события после возвращения из Благовещенска.

Разговор с Бекетовым произвел на атамана Селеверстова неизгладимое впечатление, а мое согласие обучать Ромку всему тому, что я сам знаю, сделало его покладистым при решении вопросов, связанных с нашими занятиями. Петр Никодимыч иногда только бурчал по поводу того, что Ромка теперь не вылезает из Ермаковской пади, постоянно пропадая у меня. Однако когда через пару месяцев Ромка легко ответил практически на все вопросы отца Александра, который решил его проэкзаменовать, находясь в гостях у Селеверстовых, и эти бурчания прекратились.

Отец Александр очень высоко отозвался об уровне знаний Романа, полученных за столь короткое время. И меня и покойного дядю Ивана сильно хвалил, говоря, что даже не представлял, насколько грамотен был Иван Аленин, если умудрился так многому своего племянника обучить. Но первых уважительных слов от Петра Никодимовича я был удостоен, как это ни странно, после нашей драки с Ромкой против семерых казаков-малолеток. А случилась драка, как часто бывает в таком возрасте, из-за девичьих глаз.

После боя с хунзузами, оправляясь от ранений, в станице я практически не бывал. Как выяснил от Тимохи, друзей у меня там не было. Добывание хлеба насущного в качестве подпаса у такого же казака, оказывается, опустило меня за два года по статусному положению среди казачат станицы на очень низкий уровень. Ниже были только дети из двух мещанских семей, переселившихся в станицу откуда-то с Поволжья. Тех казаки, можно сказать, за людей не считали.

«Вспомнив» все это, я в станице практически не бывал, а когда приезжал к Селеверстовым, то старался со сверстниками не встречаться. Больше мне нравилось общаться с взрослыми казаками, слушая их степенные рассуждения о жизни. В прошлой жизни мне было пятьдесят с хвостиком, поэтому ребячьи забавы и разборки за место под солнцем в их кругу меня как-то не прельщали. Взрослые казаки после моего боя с хунзузами приняли меня, конечно, не как равного, но относились ко мне уважительно, особенно те, кто был на берегу Амура и видел мертвых бандитов с простреленными головами и перерезанными глотками. Митяй Широкий, точнее, вахмистр Дмитрий Шохирев (Широкий – станичное прозвище), мне как-то сказал: «Если кто попытается обидеть, мне скажи. Любому играло обломаю и скажу, что так и было». И ему тяжело было не поверить, что обломает. Такого здоровяка надо было бы поискать: под два метра ростом, в плечах метра полтора. Ходячая гора мышц, перевитых сухожилиями! И это были не накачанные в спортзале для рельефа мышцы. В станице до сих пор вспоминают, как года четыре назад, во время празднования Рождества Пресвятой Богородицы на площадь перед станичным правлением, где было полно народу, собравшегося для крестного хода, вылетела телега, которую понесли напугавшиеся выстрелов в воздух впряженные в нее две лошади. На их пути встал Шохирев и остановил взбесившихся лошадей, схватившись за заднее колесо телеги. По словам очевидцев, ноги Митяя Широкого пропахали две глубокие борозды в утоптанной земле перед правлением, но лошади, как ни рвались дальше, продолжить свой бег не смогли.

Поддержка такого человека много для меня значила. Кроме того, воинское звание у Шохирева было самое высокое среди казаков станицы, и была вероятность, что чуть позже станет Митяй Широкий атаманом Черняевского округа. Хозяином Шохирев был справным, а молодость – дело проходящее. И хорошо, что проходящее, потому что именно молодость моего тела привела к событиям, которые взбудоражили всю станицу.

Тимоха, как выяснилось, сохнул от неразделенной любви к Анфисе – дочери атамана Селеверстова. Будучи на год старше Тимохи, Анфиса на него никакого внимания не обращала. Мелюзга, да еще и подпасок! Фи! А Тимоха тяжело страдал. Анфиса уже в свои пятнадцать лет была настоящей сформировавшейся казачкой, очень похожей на актрису из моего времени Эллину Быстрицкую, которая сыграла Аксиныю в «Тихом Доне». Одним словом, и коня остановит ударом в лоб, и горящую избу по бревнышку разметает.

Я же в своем времени как-то привык к другим женским формам. Из всех женщин станицы мне больше всех нравилась знахарка Марфа. В этой тридцатилетней, стройной с тонкой талией женщине была такая природная грация и женственность, что я просто млел, глядя на нее. Тем более что Мария (Марфой ее почему-то называли только в нашей станице) была очень похожа на мою первую жену, которую я безумно любил и был просто морально раздавлен, когда она ушла от меня, не выдержав кочевой, неустроенной в бытовом плане жизни жены офицера спецназа. Обстановка в Баку и Нагорном Карабахе, где мы тогда служили, была очень напряженной. Отправил ее от греха подальше домой к теще, а через некоторое время пришло письмо: «Прости, я от тебя ухожу. Нашла другого». Хорошо хоть, детей не успели нажить.

В общем, я млел от знахарки, представляя мысленно наши жаркие встречи, а из-за Тимохиного тела впадал в ступор при встречах с Анфисой. После посещения семейства Селеверстовых директором Бекетовым в Благовещенске, Анфиса на обратном пути домой стала строить мне глазки. Тимохина сущность моего тела на это отзывалась выбросами гормонов, а я тихо сатанел от того, что в эти моменты просто не мог ничего с этим телом поделать. Эх, если бы молодость знала, а старость могла! Видно же было невооруженным глазом, что Анфиса просто играет со мной, желая заполучить в свои поклонники Тимофея Аленина, как оказалось – уникама. Но Тимохина сущность этого не понимала, как и не понимала моей влюбленности в такую старуху, как тетя Марфа.

Из-за этого непонимания и оказался я на вечерних посиделках в доме Подшиваловых, где часто зимой собиралась казачья молодежь. Анфиса пригласила меня и Ромку пойти с ней, а то ей, видите ли, домой по темноте да по сугробам страшно возвращаться. Будто бы проводить некому будет!

Пошли и сидели, как дураки, в уголке на лавке. Ромке хоть интересно было, он по молодости первый раз на такие посиделки был приглашен. Мне, в принципе, тут тоже находиться рано было – девятнадцати лет еще не исполнилось. Сидел и смотрел, как молодые казаки в возрасте от девятнадцати до двадцати одного года охаживают юных казачек, выеживаясь перед ними, как петухи. Особенно старался перед Анфисой старший сын Ивана Митрофановича Савина Семен, с которым у меня, точнее, у Тимохи, были непростые отношения. Когда Тимоха пас табун у Савина, Семен постоянно при встречах старался его унижить, и только дедов строгий наказ удерживал Тимоху от схватки с сыном богатейшего в станице казака.

Анфиса от внимания Семена заходила румянцем на щеках, но при этом успевала зазывно стрельнуть глазами в мою сторону. Несмотря на все усилия удержать себя под контролем, я постепенно стал заводиться. А Семен, перехватив пару раз взгляды Анфисы в мою сторону, громко произнес:

– А что здесь эти молокососы делают?

Я продолжал сидеть, делая вид, что ничего не услышал, хотя внутри все кипело. Не любил я «золотую молодежь». Оказывается, во все времена она была такой наглой и «бесстрашной», пока по рогам не получала.

– Нет, казаки, я серьезно, а что здесь эти молокососы делают? – Семен Савин подошел к нам с Ромкой поближе. – А, это же сынок атамана и наш уникам! Я правильно его назвал, Анфиса?

Анфиса как-то виновато взглянула на меня и опустила голову. Я уже хотел что-то ответить Семену, но тут влез Ромка:

– Ты кого молокососом назвал?

Ромка, будучи на шесть лет младше Семена, габаритами тому нисколько не уступал. А за последние пять месяцев непрерывных занятий в Ромке пропала юношеская угловатость и нескладность. По внешнему виду тринадцатилетний Селеверстов выглядел бы лет на восемнадцать-двадцать в моем мире будущего.

– Нет, вы гляньте, казаки, какие борзые молокососы в Ольгинской станице рождаются! – Семен Савин картинно повел рукой, показывая на Романа. – Пожалуй, следует выкинуть их отсюда.

В этой фразе прозвучала старинная вражда, точнее, какое-то противостояние между основателями станицы Черняева и позже поселившимися здесь казаками, которые из-за наводнений перебрались из Ольгинской станицы, Вагановского выселка и других мест.

Я ничего не успел ни сказать, ни сделать. Семен потянулся, чтобы взять за шиворот Романа и тут же получил от того хорошо поставленную двойку: левой рукой в печень, а правой в челюсть. Без звука молодой Савин бесформенным кулем осел на пол, свернувшись в позе эмбриона.

В комнате наступила звенящая тишина, а потом все остальные молодые казаки, как назло все из «потомков основателей станицы» и большие друзья Семена Савина, что-то крича, набросились на нас с Ромкой. Я только успел крикнуть Ромке: «На смерть не бей!» И все закружилось в хороводе рук, ног, тел. Через пару минут, когда в комнату ввалился услышавший сильный шум хозяин дома, казак Алексей Подшивалов, все было кончено.

Я стоял посреди комнаты, рассматривая через дыру в рубахе небольшой порез на предплечье. Ромка стоял рядом и, тихо шипя сквозь зубы, проверял целостность своего левого уха, которое распухало прямо на глазах, становясь похожим на пельмень. У наших ног лежали все семь казаков-малолеток. Четверо из них находились в глубоком нокауте, двое трясли головами и, разбрызгивая кровь из разбитых носов, пытались подняться на дрожащих ногах. Последний, седьмой, Афонька Гусевский по кличке «Бурундук», сидел около лавки, подвывая, и баюкал левой рукой выбитую мною в плече свою правую руку. Это он в пылу схватки попытался достать меня выхваченным кинжалом. Ему, уже двадцатилетнему казаку, который по весне должен был пойти на первый срок службы, видимо, было очень обидно получить от меня по сусалам.

– Что здесь произошло? – оторопело оглядывая комнату, спросил Алексей Подшивалов.

– Пospорили немного, дядька Алексей, – зажимая рану на плече, ответил я.

Тут разом загомонили девки, но весь этот гул перекрыл писклявый дискант младшего семилетнего сына Подшивалова, который, откинув занавеску на печке, заверещал:

– Батька! Батька! Семен Савин захотел Ромку и Тимофея выгнать. А Ромка ему как даст! А потом на них остальные накинулись. А Ромка как даст, а Тимофей как даст, даст, даст! Они брык и лежат. А потом дядя Афанасий захотел Тимофея зарезать. А тот ему как даст, а потом руку сломал. Вот!

– Ни хрена себе, погуляли-посидели детишки! Песенки, млять, попели! – Подшивалов подошел ко мне. – Что с рукой?

– Небольшой порез. Сейчас кровь запечется. Нормально все будет.

Ко мне подошла Анфиса, держа в руке кусок чистого полотна. И где только найти успела. Я перетянул рану на плече и подошел к Подшивалову, который склонился над Гусевским.

– Кажется, рука у Афони сломана. – Подшивалов выпрямился. – Надо Марфу или Сычева звать. И остальных осмотреть надо. Девки, бегом за Сычевым и Марфой!

– Да нет, дядька Иван, я ему руку из сустава выбил. Вы его за левое плечо и шею придержите, а я ему руку назад вставлю.

После этих слов, несмотря на протесты Афанасия, я, опустившись на колени, ощупал тому плечо и, заставив Подшивалова его крепче держать, резким рывком с поворотом вставил Гусевскому плечо на место.

– Лучше бы предплечье к телу на пару дней привязать. Через неделю все в порядке будет. – Я поднялся с колен. – Только запомни, Афанасий, если еще раз на меня с кинжалом кинешься, я тебе или руку сломаю, или твоим же кинжалом тебя же вскрою.

Что-то в моем голосе и взгляде заставило Бурундука судорожно сглотнуть и молча опустить голову на грудь, спрятав глаза. Подшивалов крикнул и, положив мне руку на плечо, подтолкнул в сторону:

– Пошли, дохтур, остальных смотреть. Порезвились вы с названным брательником, ой порезвились! Что старики скажут?

Осмотр остальных много времени не занял. Двух казаков, которые все еще находились в состоянии «гrogги», посадили на лавку и вставили им скрученные тряпки в ноздри, чтобы остановить кровотечение из носа. А что касается остальных четверых, нужно только ждать, когда они очнутся. Особенно хреново, на мой взгляд, дела обстояли у Семена. От Ромки он получил двойной нокаут. Хороший удар в печень валит от боли с ног и более могучих противников. А тут еще и классика бокса – апперкот снизу в челюсть. Состоянию младшего Савина я сейчас точно не завидовал. Лишь бы челюсть не была сломана. Ссориться с Иваном Митрофановичем не хотелось. Он мне такого жеребенка подарил – красавца моего Беркута, всего черного, как антрацит, – а мы его сына отоварили по полной программе. Хотя сынок еще тот. На мой взгляд, мало внимания уделял Иван Митрофанович своему старшему сыну. Проморгал его где-то. Большой скотиной, чувствую, Семен вырастет.

Минут через десять в комнате появился вызванный девками Сычев со своим неизменным саквояжем. Мы с Романом, чтобы не мешать и не раздражать проходящих в себя казаков, оделись и вышли на улицу.

– Тимофей, а батька сильно ругаться будет? – нервно поеживаясь, завел разговор Роман.

– А я знаю! Он твой отец, а не мой. Но по мне, правильно ты Савину «двоечку» провел, и дальше действовал молодец. Так что не журись, Ромка. Живы будем, не помрем.

– Тимофей, а у тебя плечо сильно порезано? Я же видел, Бурундук тебе в шею насмерть бил.

– Это кто здесь помирать собрался? И кому это в шею насмерть били? – из темноты улицы на свет из окон дома Подшиваловых вышла закутанная сверху в шаль небольшая женская фигура, одетая в светлый овчинный полушубок.

– Здравствуйте, тетя Марфа! – Ромка, втянув голову в плечи, быстро затараторил: – Мы с казаками-малолетками подрались. Афоня Гусевский во время драки хотел Тимофея кинжалом в шею ударить. Вот плечо ему порезал.

Я же, забыв поздороваться, смотрел на знахарку и любовался ее лицом, которое очень красиво выделялось на фоне заиндевевшей шали.

– Так! Пойдем быстро в дом. Посмотрю, что у тебя с плечом.

– Да с ним нормально все. Небольшой порез. Я куском холстины перетянул уже. А в доме Сычев с остальными разбирается. Им помощь действительно нужна.

– И что же вы натворили с остальными? – Марфа удивленно изогнула правую бровь. – Порезали, что ли, всех?

– Да нет, тетя Марфа. Немного побили только, – ответил Ромка.

– Там Савину Семену помочь нужно. Боюсь, у него челюсть сломана, а сотрясение мозга точно есть. Ромка немного перестарался, – вставил я.

– А много там остальных? – поинтересовалась у меня знахарка.

– Семеро. У двоих носы только разбиты. Афанасию я вывихнутую руку на место вставил уже. А четверых, включая Семена, смотреть надо. Они уже в себя прийти должны.

– Да уж, порезвились! – вздохнула Марфа. – Чему улыбаешься, Тимофей?

– Дядька Алексей точно такие же слова произнес, когда все увидел, да еще добавил: «Что старики скажут?»

– Это уж точно. Не упомню я такого случая в станице. – Женщина потерла варежкой нос. – Тимофей, ты иди ко мне домой, я, когда вернусь, осмотрю твое плечо, и надо поговорить с тобой. А ты, Роман, иди домой и расскажи все отцу. Если у Семена действительно сломана челюсть, то могут быть неприятности. Савин за своего сынка-оболтуса кому хочешь со своими деньгами сложности устроит.

Сказав все это, Марфа ушла в дом, а мы с Романом пошли выполнять ее указания. Придя к Марфе-Марии домой и сняв верхнюю одежду, я зажег в комнате от лампадки стоящую на столе свечу и стал рассматривать комнату, пытаюсь по предметам определить характер хозяйки. За этим занятием меня и застала быстро пришедшая домой знахарка.

– Жилье мое рассматриваешь? – разматывая шаль и кидая ее вместе с полушубком на кровать, спросила Мария. – Ну и ухари вы с Ромкой! Это надо же так отделать казачков! Над ними же вся станица теперь потешаться будет. Хотели молокососов на улицу выставить, а их как малых детишек отшлепали. Подшивалов до сих пор в себя прийти не может. Ходит по комнате и бормочет: «Порезвились, мля, вот это порезвились, мля, Тимоха с Ромкой!» А дальше загибы в три колена. Я и то много слов новых узнала. А уж чего только во время врачевания казаков не слышала.

Марфа встала передо мной и, сложив руки на груди, с каким-то вызовом произнесла:

– Ну что смотришь на меня голодными глазами? Рассказывай, кто ты такой!

– Вы о чем, тетя Марфа?

– Какая я тебе тетя! Ты меня за дуру не считай. Судя по твоим глазам, я тебе в дочери гожусь. Ты думаешь, я не отличу взгляд мужика, имевшего много женщин, от взгляда влюбленного, сопливого мальчишки? Да ты взглядом своим уже разложил меня во всех мыслимых и немыслимых позах!

– Не понимаю тебя, Марфа.

– Тимофей, или как тебя там зовут, не знаю... Сама я не сталкивалась с таким, но от прабабушки своей знаю, что так бывает, когда в теле человека живет как бы две души. И если после ранения хунхузами Тимофей еще бывал в этом теле, то потом и я, и дядя Афанасий все больше замечали, что в теле Тимофея живет другой человек. А сегодня еще раз убедилась. Никто из наших казаков не смог бы так правильно вставить назад вывихнутую в плече руку. А ты сначала вывихнул, а потом назад вставил. И Селеверстов еще после того боя заподозрил неладное. Не мог он поверить, что четырнадцатилетний казачок мог убить двадцать с лишним бандитов, да еще перерезая им глотки. На то, чтобы убить человека, перерезав ему глотку, очень немногие казаки в станице способны. Ну что опять смотришь на меня своими глазами? – Знахарка почти перешла на крик. – Напоминаю, что ли, кого?

– Жену мою первую. Та такая же красивая была.

– Ох! – Мария, прижав руки к груди, попятилась назад и плюхнулась на кровать. – Это что же – правда? Ты не Тимоха?

– Почему же! Зовут меня Тимофей Васильевич Аленин. Только родился я в 1962 году от Рождества Христова в городе Благовещенске. Местные Аленины – наши дальние по Дону родственники. В том моем мире местный Тимоха Аленин погиб во время этого набега хунхузов за станичным табуном. Вместе с ним погибли Ромка Селеверстов и Петруха Данилов, и еще пять казаков, когда станичники ходили за Амур отбивать табун. Табун, кстати, так и не отбили. А я, умерев в 2018 году, в Ермаковской пади – там, в моем мире, – очутился здесь в теле Тимохи. Мы оба живы на настоящий момент, а наше сознание слилось в одно целое. Вот такая, Мария, история. Как это произошло, я не знаю, объяснить не могу. Остается как-то жить дальше.

Дальше я еще часа два рассказывал Марии о своей жизни, о своем мире, о том, что, возможно, произойдет в этом мире. Рассказывал, почти ничего не скрывая. Сказалось то, что долго было невозможно поделиться с кем-либо моим истинным положением. Нужен был благодетельный слушатель. А слушать Мария умела, как и все настоящие врачеватели. Наконец, опомнившись, она заставила меня снять рубаху и занялась моей раной. Смазала ее какой-то пахучей мазью и перебинтовала.

– А с чего Семен к вам с Ромкой пристал у Подшиваловых?

– Да к Анфисе приревновал, придурок. Та после Благовещенска мне глазки строит и у Подшиваловых этой же ерундой заниматься начала. Он и взелся, а Ромка на молокососа обиделся и сам задираться начал.

– А тебе что, Анфиса не нравится?

– Да она мне, Мария, действительно в дочери, а точнее, во внучки годится. Да и всю ее игру, в отличие от Тимохи, насквозь вижу. Женщин у меня, ты права – много было. Жены только две было.

– Ты что, мусульманин?

– Да нет. Первая, на которую ты сильно похожа, бросила меня, когда я на Кавказе воевал. Вышла замуж за богатого купчика, если сравнивать с нынешним временем. Надоела ей нищенская жизнь офицерской жены да ожидание, убьют мужа или нет в очередной заварухе. Вторая по ее же стопам пошла. Захотели спокойной и обеспеченной жизни.

– Слушай, Тимофей, а ты сколько лет служил?

– Двадцать семь лет с одной войны на другую, с небольшими перерывами.

– Господи! Спаси тебя Христос! А здесь-то что планируешь делать? Ты же многое наперед знаешь.

– Я же тебе говорил о наказе деда Афанасия. Вот и буду его выполнять по мере сил и возможностей. Если хоть несколько казаков, которых я лучше научу воевать, живыми останутся, значит, я не зря в этом мире прожил.

– Это правильно, Тимофей Васильевич. Извини, но меня очень этот вопрос волновал! Я же за жизнь станичников как бы отвечаю! – Знахарка как-то лукаво посмотрела на меня. – Давай-ка, господин подполковник гвардии, теперь спать ложиться. До первых петухов уже совсем ничего осталось, а завтра день трудный. И не смотри на меня такими глазами, герой-любовник. Я такие заболевания, как у тебя, не лечу. Еще мне не хватало, чтобы говорили о том, что я младенцев совращаю!

Мария, хихикая, бросила мне свой и мой полушубки и указала на лавку: «Это твое место сегодня». Сама же задула свечу и, быстро раздевшись, юркнула под одеяло на кровати.

– Все, спать. Завтра трудный день.

– Это точно, – укладываясь на лавке, ответил я. – Завтра старики-старейшины поимеют нас с Ромкой в разных позах и не только взглядом.

Со стороны кровати раздался еще один смешок, а потом послышалось ровное дыхание.

«Не придет и не позовет. А жаль!» – подумал я, проваливаясь в сон.

Глава 10

Казачий суд

Утром, встав и не обнаружив в комнате Марии, позавтракал оставленными ею на столе молоком с куском хлеба и отправился к Селеверстовым.

Войдя к ним на двор, увидел атамана, стоящего одетым на крыльце.

– Явился! Где был всю ночь?

– У тетки Марфы ночевал. Она мне плечо перевязала, а потом дала чего-то выпить, я и уснул.

– Плечо не болит?

Я пошевелил под полушубком правым плечом – ничего не болело. Так и ответил атаману.

– Переодеваться некогда. Да так и лучше будет! Если что, сможем показать твою рану, нанесенную Афанасием. А то, боюсь, все черняевские скопом на нас навалятся.

Сам-то Селеверстов был из Ольгинской станицы. Десять лет назад его избрали на сходе атаманом Черняевского казачьего округа, в который входило одиннадцать населенных пунктов: поселок Толбузинский, почтовая станция Ваганова, станица Ольгинская, заимка Дроздова, станица Черняева, заимка Веселая, почтовая станция Торой, станица Кузнецовская и другие. Одновременно Селеверстов являлся и атаманом станицы Черняева, где располагалось станичное окружное правление. Все эти годы почти все «отцы-основатели» Черняевской станицы пытались на ежегодных выборах проташить на его место кого-то из своих. Но пока это сделать им не удавалось. Большинство казаков, в число которых входило и семейство Алениных, во всем поддерживали Селеверстова. Эти политические страсти и тайны «Черняевского двора» я постепенно узнал из разговоров казаков.

– Ромка, сукин сын! Где ты там? Давай на выход быстро!

На крыльцо, как-то кособочась, вышел Ромка и подошел ко мне.

– Чего смурной? От отца вчера попало? – шепотом спросил я Ромку.

– Ага. Нагайкой вчера пару раз по спине перетянул. Болит теперь, – морщась, прошептал тот в ответ.

– Чего шепчетесь, охламоны? Повезло тебе вчера, Тимофей. Пришел бы вместе с Ромкой, и тебе бы от меня досталось. Ладно, пошли на совет. Будем разбираться.

Буквально через пару минут, так как станичная изба находилась по соседству с домом Селеверстовых, мы с Ромкой топтались в сенях, где, столпившись, стояли наши вчерашние противники. Атаман и другие казаки, вместе со стариками-старейшинами, находились в сборной горнице и о чем-то совещались. Через некоторое время в сени вышел вахмистр Шохирев и сказал, чтобы все заходили. Придержав меня за руку и дождавшись, когда все остальные казаки, снимая папахи, зайдут из сеней в комнату, он прошептал мне на ухо: «Не ссы, Тимоха! Все хорошо будет!» И подтолкнул меня к двери.

В просторной сборной горнице, на лавке вдоль стены, возле печки-голландки разместились станичные старики-старейшины: Подшивалов Феофан, отец Алексея Подшивалова, в доме которого все вчера и произошло, Раздобреев Афанасий, Митрофан Савин – дед Семена, Ион Гусевский – дед Афанасия, Давыд Шохирев, Иван Лунин. Именно они почти тридцать лет назад основали станицу Черняева. Рядом со старейшинами на лавке сидел батюшка станичной церкви Александр Александрович Ташлыков – весьма образованный человек, прибывший на служение в Черняевскую церковь из Санкт-Петербурга. Высокий, широкоплечий, красивый, он габаритами не уступал вахмистру Шохиреву и обладал огромной силой: на спор с казаками однажды вспахал десятину земли, впрягшись в плуг, который направлял его сын.

На лавке около окна разместились атаман Селеверстов и еще с десятков казаков. Нас же с Ромкой вместе с семьей казаками-малолетками поставили в центр комнаты, и начался казачий суд.

Сначала опросили самого младшего из нас, Ромку. Из его рассказа можно было понять, что он сидел, никого не трогал, его обозвали молокососом и попытались выкинуть из комнаты, поэтому он и ударил Семена Савина, а потом Ваську Чуева, который на него бросился. Я, включив дурака, почти слово в слово повторил все за Ромкой: никого не трогали, тут обзываются, а потом драться лезут. Отбивались мы, станичники дорогие. Все в белом мы с Ромкой. Это все они – злыдни! Еще и ножиком тычут, окаянные!

Из семи казаков-малолеток шестеро также чуть ли не слово в слово обвинили нас в том, что не проявили уважение к старшим по возрасту казакам да еще драться первыми полезли. И только Афанасий Гусевский, придерживая свою правую на перевязи руку, сказал, что правильно отреагировали Ромка и Тимофей на оскорбления Семена Савина и нападение остальных казаков, а ему, то есть Афанасию, вообще голову оторвать надо было за то, что он на брата-казака кинжал обнажил. И спасибо Тимофею за то, что его в живых оставил!

На такое заявление остальные казаки-малолетки и я с Ромкой очумело уставились на Афанасия, а его дед Ион Гусевский, что-то одобрительно проворчав, начал разглаживать свою шикарную седую бороду на груди. Среди казаков и старейшин на лавках после заявления Афанасия начались негромкие переговоры, шум от которых начал возрастать с каждым мгновением. Основным камнем преткновения стал вопрос – каким образом должен был отреагировать Ромка на слова Семена Савина? Имел ли он право ударить в ответ на слова и действия казака приговорительного разряда, уже принявшего присягу, или должен был стерпеть и дать себя выкинуть на улицу, так как Ромка еще не казак, а сын казачий, и любое слово казака для него закон. Гомон в комнате разрастался и разрастался, пока Давыд Шохирев, самый старый казак в станице, не поднял вверх правую руку с зажатым в нее костылем-клюкой. Чуть ли не мгновенно в комнате наступила тишина, и все присутствующие повернули головы в сторону старшего Шохирева.

Дед Давыд степенно разгладил бороду, а потом, повернувшись к Митрофану Савину, спросил:

– Митрофан, я тебя на сколько годков старше?

Савин оторопело уставился на Шохирева, потом, что-то вспоминая, беззвучно зашевелил губами и наконец произнес:

– Лет на шесть вроде, или чуть больше.

– А теперь вспомни, как в Кучугае ты отреагировал, когда я на посиделках с девками тебя щенком обозвал!

– Дык, это... – Митрофан Савин зажал бороду в кулак. – Драться на тебя полез и в лоб получил.

– А ты тогда казаком был?

– Нет, присягу еще не принимал.

– А я был?

– Да, был.

– Так что же ты на меня полез? Раз я, казак, сказал тебе, что ты щенок, сын казачий, значит, ты и есть – щенок!

– Э-э, Давыд, ты говори да не заговаривайся! Сейчас как тресну костылем по башке! – Дед Митрофан начал вставать с лавки.

Старый Шохирев примиряюще поднял ладонь вверх.

– Не кипятись, Митрофан. Ты же тогда драться полез, честь свою защищая. Почему же другого от Ромки Селеверстова хочешь? Или если его и Тимофея Аленина твой внук молокососами обозвал, то это не оскорбление?

– Да вроде все так, и все-таки не так! Неправильно получилось как-то.

– Правильно, Митрофан, что неправильно все в этом случае. Ты в Кучугае от меня в лоб получил и успокоился. И за честь свою вступился, показав всем, что справным казаком растешь, и урок от старшего получил. А здесь сыны казачьи казаков поучили, да еще как! Вот это и неправильно!

– Давыд, любитель ты тень на плетень навести! – Савин раздраженно стукнул костью об пол. – Делать-то что будем?

– Казаков учить лучше будем, чтобы их молокососы всякие не били. А вот чему и как учить – давайте у атамана нашего спросим, как он Ромку своего да Тимофея обучает. Может, кормит чем-то особенным? – ухмыляясь в бороду, прогудел дед Шохирев.

– Мясом сырым он нас кормит, чтобы злее были, – пробурчал тихо я, склонив голову, но был услышан.

От раздавшегося в комнате гогота казаков, казалось, рухнет крыша. Сидевший рядом с атаманом Митяй Шохирев стал толкать Селеверстова в бок, вопрошая: «Атаман, неужто правда сырым мясом кормишь? Правда? Скажи?»

– Да ну его, уникума хренова! – Селеверстов, весь красный, поднялся с лавки. – Его и спрашивайте, чего они с Ромкой жрут да чему обучаются. Ромка у Тимофея уже пять месяцев в обучении, а у кого Тимофей учился, я и сам не знаю.

В комнате после слов атамана наступила тишина. Старейшина Афанасий Раздобреев удивленно спросил атамана: «Это что, правда, Петро? Не ты Ромку, а Тимофей его учит?»

– Эх, станичники! – Вахмистр Шохирев поднялся с лавки во весь свой богатырский рост. – Если бы видели, какой гимназией Ромка с Тимофеем в пристрое Аленинского дома организовали! Чего там только нет! А занимаются так, что только пар от них идет. И так почти каждый день по несколько часов. Я поэтому и не удивился, когда они семерых казаков уделали вдвоем. На их учебные схватки на кулаках да с кинжалами страшно смотреть. Сами иногда в кровь бьются.

– Тимофей, а это правду Алешка Подшивалов сказал, что ты моему Афоньке пообещал в следующий раз, если он на тебя с кинжалом нападет, либо руку ему сломать, или убить его же кинжалом? – раздался скрипучий голос Иона Гусевского.

– Правду, деда Иона. – Я, изображая смущение, опустил голову. – Погорячился я.

– Ты, казачина, не дуркуй. Погорячился он. Пятерых казаков положил. Такое только с холодной головой сделать можно. Бери этих обалдуев, – Ион Гусевский показал на казаков-малолеток, – расставляй их и показывай, как с ними дрался. Вместо Афоньки возьми Петьку Башурова. Они статью одинаковы. Казаки, кто-нибудь кинжал Петьке дайте.

– Что застыл, Тимофей? – Селеверстов ткнул меня в плечо, проходя мимо, подавая кинжал Башурову. – Или опять не помнишь, как вчера казаков уделал?

– Да помню все, дядька Петро. Вы Петрухе Башурову кинжал в ножнах дайте. Он сначала на меня без него нападал. Позже уже достал.

Я расставил казаков-малолеток в те позиции, с которых они нападали на меня, и стал показывать, что и как делал, отбиваясь от них, и какие удары наносил, чтобы их вырубить. Когда дошло дело до схватки с Афанасием, я на Петрухе показал, как сначала боковым ударом левой ноги в грудь отбросил от себя Бурундука, одновременно с этим правой рукой сбивая в сторону удар Гришки Батурина мне в голову. Далее в замедленном действии, добиваясь синхронности движений от Петрухи и Григория, показал, как нанес удар коленом в печень и локтем в челюсть Батурина, а потом развернулся, чтобы встретить Афанасия, бьющего меня кинжалом в область шеи.

– Это чего же, Афонька насмерть бил? – громко озвучил этот момент Митрофан Савин. – Вот стервец!

Я под эти комментарии показал, как чуть не успел повернуть корпус, уворачиваясь от удара, из-за чего получил порез плеча, а потом обозначил перехват руки Елизара с кинжалом и как рычагом через свое плечо вывихнул ему руку. На этом показ закончился.

– А руку сломать, как грозился, мог вчера Афоньке? – опять проскрипел его дед.

Я попросил Петьку Башурова опять медленно нанести мне удар кинжалом в шею, а сам проделал те же движения, только рычаг его руки провел не через предплечье, а через локоть. Когда нажал чуть посильнее, Башуров приподнялся на цыпочки и зашипел от боли. Я быстро отпустил его руку.

– Если бы сделал так, то сломал бы Афанасию руку в локте. Мог бы и по-другому. Так еще проще бы было.

Я попросил Башурова опять ударить меня кинжалом, а сам, сместившись влево, перехватил его руку своей правой за запястье, а левой обозначил резкий рубящий удар по его локтю.

– Неужто руку бы так сломал? Не верю! – Дед Гусевский покачал головой. – Не верю.

Я прошел к печке, где в уголке стояла метелка на длинном черенке, и взял ее в руки. «Все получится, – думал я, возвращаясь обратно. – Я смогу, главное настрой. Для моей руки нет преград. Сколько всего раньше переломал и переколотил, отрабатывая резкость и точность ударов. Я смогу!»

Всучив Петрухе вместо кинжала метелку, черенком в мою сторону, я сказал:

– Бей в шею, и бей сильно!

Петруха, казалось, только этих слов и ждал, ударил как пикой, вкладывая в удар всю свою злость на меня. Я же повторил все то, что только что показывал казакам, но удар левой рукой нанес резко и в полную силу. Удар. Хруст. В моей руке осталась половинка черенка, а Петруха, обалдевая, рассматривал в своей руке остатки метелки.

– Ни хрена себе! – К нам подскочил сидевший ближе всех Алексей Подшивалов и, взяв у нас обломки метлы, показал их казакам. – Млять, как шашкой рубанул!

После возникшей тишины, вызванной удивлением от моего удара, все казаки в комнате разом загомонили. Но тут снова раздался скрипучий голос старейшины Гусевского:

– Тихо! Тимофей и убить вчера моего внука его же кинжалом смог бы?

«Ну достал старикан! И чего не уймется?» – подумал я, но вслух вежливо произнес:

– Мог бы, деда Иона.

Повернулся к Петрухе и, подав ему кинжал, который до этого засунул за голенище сапога, вручая Башурову метелку, попросил еще раз ударить меня.

Петруха, с какой-то опаской взяв у меня кинжал, неуверенно ткнул им в область моей шеи. Я, сделав под шаг в левую сторону, перехватил его правую руку с кинжалом у запястья, а левой с внутренней стороны предплечья, выгибая руку, рванул Петруху на себя, заставляя его упасть телом на кинжал. Затем резко остановил это движение, с трудом возвращая Петруху в исходное положение, а сам развернулся к Гусевскому.

– Деда Иона, в зависимости от того, какой бы шаг назад я сделал, Афанасий или вот Петруха напоролась бы на кинжал либо животом, либо грудью, либо шеей.

– Эк как! Мастак! А просто выбить бы кинжал у Афоньки мог?

– Мог бы, деда Иона.

Я повернулся к окончательно обалдевшему Петрухе и попросил:

– Давай еще раз, Петр. Только медленно бей.

Петруха каким-то заторможенным движением обозначил удар кинжалом в мою сторону. В этот раз я, чуть развернувшись в плечах, уходя с линии атаки кинжалом, обозначил одно-временные удары навстречу друг другу левой рукой по запястью, а правой по предплечью правой руки Башурова. Несмотря на слабые удары, кинжал выскользнул из Петрухиной ладони и упал на пол.

– Что же так не сделал вчера у Подшивалова?

– Деда Иона, Петр и я сейчас удары только обозначили. Если бы я вчера так же сделал, когда Афанасий бил, кинжал бы до стены улетел бы, а там девки сидели. Мог бы поранить из них кого-нибудь, или того хуже.

Ион Гусевский поднялся с лавки и, потрясая костылем в сторону своего внука, буквально взревел:

– Что, щенок, понимаешь теперь, почему я тебе вчера говорил о том, что Тимофей Аленин тебя пожалел?! Видел сейчас? Ему тебя проще убить было, чем обезоруживать, подставляясь чуть ли не спиной под твой удар. Он и тебя, сучонка, и девок пожалел! А себя нет. И вас всех пожалел! – Иона направил свой костыль на казаков-малолеток, которые от его рева сжались в тесную группу. – Ударил бы чуть сильнее – и покойники! У-у-у, выб...дки несрушные! А вы что скажете, станичники? – Ион Гусевский обвел всех находящихся в комнате казаков внимательным взглядом из-под густых седых бровей.

– Я больше половины ухваток и ударов Тимохи никогда в жизни не видел! – прогудел Давыд Шохирев.

– И я! И я! И я! – прозвучало чуть ли не со всех сторон.

– А ногами как машет! Внучку Ваньки Лунина как в челюсть засветил! – привстав с лавки и потрясая клюкой, почти кричал Митрофан Савин. – Экий стервец!

– И кто тебя, Тимоха, всему этому обучил? – перекрывая стоящий в комнате гомон, опять прогудел дед Давыд.

«Прости, дед Афанасий! – подумал я. – Иначе не поймут казаки!»

– Дед Афанасий учил. Сначала как всех казачат, а после того как родителей убили и мы к дядьке Ивану Савину в пастухи подрядились, дед меня на пастбище каждый день обучал. Сначала нашим родовым ухваткам, а потом и другим ухваткам и приемам учить начал.

– Ногами у нас так не бьются, – раздался бас Шохирева старшего.

– Так дед говорил, что эти ухватки он перенял во время Крымской войны. С ними тогда вместе кубанцы воевали. И был у них казак один, которого турки «дьяволом смерти», кажется, прозвали. Чтобы показать свою лихость, тот казак против вооруженных турок иногда с голыми руками выходил и побеждал их. Дед с ним подружился, и тот много чего из своих ухваток показал, а дед запомнил.

– Кубанцы – те да, любители ногами и руками помахать, – вздохнул Феофан Подшивалов. – Я как-то видел, как один подпрыгивал выше головы и одновременно двумя ногами удары наносил.

«Кажется, прокатило, – подумал я. – Что же, будем рассказывать сказки дальше».

– А еще я записи покойного дяди Ивана нашел, – продолжил я, когда казаки закончили воспоминания о кубанских казаках и их боевой выучке. – У него там приемы из панкратиона описаны.

– А это что такое? – спросил кто-то из казаков.

– Панкратион – это вид борьбы без оружия древних греков, – напомнил о своем присутствии батюшка Александр. – Очень сильные воины были. Их царь Александр Македонский полмира с такими воинами завоевал за триста с лишним лет до рождения Иисуса Христа. Во время этой борьбы никаких ограничений не было, что часто приводило к смерти кого-то из бойцов во время схватки.

– Эка как! – загомонили казаки. – Это что же, как в настоящем бою бились, батюшка?

– Еще и «банкратион» какой-то! – протяжно и громко вздохнул атаман Селеверстов и, повышая голос, сказал: – Ох, Господи, дела наши тяжкие! Все, давайте, малолетки, идите отсюда. А мы решать будем, что с вами делать. А то со всеми этими «банкратионами» до ночи не разберемся.

«Подсудимые» потянулись на выход из комнаты и вышли на площадь перед правлением, где разделились на две группы: я с Ромкой и казаки-малолетки, которые начали что-то горячо

между собой обсуждать. Мы с Ромкой стояли и молчали. Через некоторое время в нашу сторону направился Афанасий Гусевский. Я невольно напрягся, но после первых слов Афанасия расслабился.

– Тимофей, прости меня за то, что я вчера на тебя с кинжалом кинулся. Когда ты меня ногой в грудь лягнул, у меня все в глазах от гнева потемнело. Кинжал выхватил, не думая.

– Бывает, Афанасий. Я бы тоже, наверное, голову потерял, если бы меня кто-то из младших казачат ударил.

– Э, нет! Я сегодня убедился, что головы ты не теряешь. Мне вчера дед весь вечер твердил, что ты меня пожалел, когда я ему описал нашу драку. А я только сегодня увидел, что тебе действительно проще меня убить было. И это, Тимофей, можно я к вам с Ромкой на занятия приеду? Мне по весне в полк на службу идти. Хотелось бы твоим ухваткам научиться, а то, по рассказам, на службе всякое может быть.

– Конечно, Афанасий. Приезжай. Мы с Ромкой каждый день с утра и до обеда тренируемся.

– И это, Тимофей, ты Семена Савина остерегайся. Он вам с Ромкой своего позора не простит. Он и сейчас остальных подбивает Ромку поймать и отметелить. Остальные, правда, не особо рвутся, но поберегитесь.

– Спасибо, Афанасий.

Я протянул ему левую руку, которую он крепко пожал своею здоровой левой рукой. В этот момент на крыльцо вышел вахмистр Шохирев и сказал, чтобы мы расходились по домам, там нам отцы и деды доведут решение казачьего круга.

Мы с Ромкой поплелись домой. Ромка то и дело поводил плечами. Видимо, представлял нагайку отца, гуляющую по его спине. Я, как ни хорохорился, но определенное неудобство также ощущал. Придет атаман да всыплет горячих! Так и тянулись к дому, еле ноги переставляя. Зашли в дом и только начали раздеваться, как следом зашел атаман.

– Что, соколики, головы повесили? А ну марш в светлую комнату да за стол садитесь, – снимая папаху и полушубок сказал атаман. – Мать! Мать! Зови Никифора со Степаном и сама с девками в горницу приходи.

Ромка, сгорбив плечи, поплелся в горницу, а я за ним. «Кажется, впервые придется попробовать нагайки, – подумал я. – Не драться же с атаманом. Вот попали».

Зайдя в комнату, мы сели за стол. В течение минуты в комнату подтянулись остальные Селеверстовы. Старший сын атамана Степан и Никифор также сели за стол, а женщины семьи Селеверстовых встали по стеночке. Вошел атаман и, грозно оглядев всех, повернулся в мою сторону.

– Встань, Тимофей.

Я поднялся и, склонив голову, уставился в стол.

– Спасибо тебе, Тимофей Васильевич Аленин, за те науки, которым обучаешь моего сына. Огромное отцовское спасибо и моя благодарность.

От изумления у меня чуть челюсть не отвалилась до столешницы. Я посмотрел на атамана, думая, что он надо мной издевается, но Селеверстов был серьезен и торжественен.

– Никогда не думал, что мой Ромка в тринадцать лет станет таким справным казаком. – Атаман покрутил головой. – Это надо же, двух казаков-малолеток, которые уже год обучения прошли, смог на кулаках победить! Ладно Семка Савин – этот больше купец, но Васька Чуев – один из лучших в обучении среди казаков пригготовительного разряда не только в станице, но и во всем Черняевском казачьем округе. А Ромка его своим ударом в беспамятство отправил! Молодцы!

Находясь в ступоре, я прервал атамана:

– Дядька Петро, а что по драке суд решил?

– По драке? – Селеверстов усмехнулся. – По драке решение такое. Тебе, Тимоха, и тебе, Ромка, сначала хотели всыпать по пять-десять горячих по мягкому месту, чтобы сидеть долго не могли, но потом решили, что участвовать тебе, Тимофей Аленин, в состязаниях по окончании зимних сборов казаков-малолеток, а тебе, Роман Селеверстов, в шермициях со своими сверстниками. Если возьмете призовые места, то тебе, Тимоха, придется под свое начало взять и обучать еще десяток станичных казачат от тринадцати до пятнадцати годков.

– Вот это да! – просипел пораженный новостью Ромка.

– А как учеба будет организована? – спросил я.

– Вы сначала выиграйте, а потом думать будем, как все организовать. – Атаман хлопнул рукой по столу. – Готовьтесь, у вас всего три недели осталось.

Глава 11

Состязания

Беркут шел тихой рысью, я покачивался в седле, не вслушиваясь в смысл слов восторженно вещавшего Ромки, который на своем молодом жеребчике-монголе по кличке Гнедко рысил рядом. А Ромка пытался донести до меня свои мысли о том, как ему хочется увидеть цесаревича Николая, который завтра проплывет на пароходе мимо станицы и, возможно, остановится. Я же продолжал вспоминать события, которые произошли два с небольшим года назад.

Утро 25 февраля 1889 года выдалось морозным, но солнечным. В станице Черняева в этот понедельник встречи Масленицы заканчивались двухнедельные сборы казаков-малолеток, которых набралось с округа чуть более тридцати. И сегодня между ними должны пройти состязания по стрельбе и наездничеству.

На поле, где должны были пройти состязания, а потом шермиции, собралась изрядная толпа, чуть ли не под пятьсот человек. Кроме казаков-малолеток, которые стояли в строю, пришли почти все жители станицы Черняева, да и с других станиц округа приехало народу немало. Отдельной группой стояла свита войскового старшины Буревоего Николая Петровича – заместителя командира первого Амурского конного полка, в который входила вторая Черняевская сотня. Буревой, говоря языком двадцать первого века, являлся куратором 1-й Албазинской сотни и 2-й Черняевской. В этом году приехал проконтролировать, как идут сборы в Черняевской сотне.

Раздался звук трубы, гомон на поле быстро затих. Отделившись от свиты, войсковой старшина в сопровождении атамана Селеверстова вышел к строю казаков-малолеток, которые по звуку трубы застыли по стойке смирно.

– Орлы! – разнесся бас Буревоего над полем. – Сегодня заканчиваются сборы казаков приготовительного разряда к службе в строю Чернявинской сотни. За две недели урядники и вахмистры вашей сотни, имеющие богатый опыт, учили вас стрельбе из винтовки, правилам сбереженья оружия, владению холодным оружием пешком и верхом. Занимались с вами гимнастикой и одиночной выправкой, чтобы вы верхом и на земле выглядели бравыми казаками, а не мокрыми курицами!

В толпе раздалась смешки, которые быстро смолкли.

– Сейчас пройдет заключительный этап сборов. Состязания по стрельбе и наездничеству, – продолжил войсковой старшина. – Очень жаль, что трое казаков не допущены к состязаниям по наездничеству, так как их кони не признаны строевыми. Это большое упущение с вашей стороны, Петр Никодимыч! – Буревой резко повернулся к атаману Селеверстову. – Надеюсь, что такого безобразия в Черняевской сотне я больше не увижу! – Развернувшись к строю, войсковой старшина продолжил: – А теперь о приятном. Объявляю о призах, утвержденных в этом году Войсковым наказным атаманом Амурского казачьего войска генералом Беневским Аркадием Семеновичем. За стрельбу 1-го разряда – винтовка, 2-го разряда – шинель с фуражкой или шашка, 3-го разряда – патронташ. За наездничество 1-го разряда – седло или мундир с шароварами, 2-го разряда – чепрак с подушкой или папаха. За стрельбу с лошади на скаку: фуражка, портупея, ружейный чехол или погонный ремень, по выбору получающих призов.

Над полем повис одобрителный гул толпы. Войсковой старшина поглубже вдохнул и продолжил:

– Призы за стрельбу назначаются в следующем порядке: 1-го разряда – тому, кто положил в белую полосу все пять пуль; 2-го разряда – тому, кто положил в белую полосу четыре пули; и 3-го разряда – тому, кто в белую полосу положил три пули. Если из числа состязав-

шихся выполняют условия для получения призов более определенного их числа, то преимущество отдается тем, которые в белой полосе мишени выбьют большее число номеров. Всего на призы Чернявенской сотни выделено казной триста рублей.

На этот раз веселый шум из толпы зрителей длился намного дольше. Во время возникшей паузы Селеверстов что-то быстро прошептал на ухо Буревому, после чего тот продолжил:

– Чтобы повесить накал состязаний, по просьбе атамана Селеверстова и старейшин станицы Черняева в них будет участвовать казачий сын Тимофей Аленин. Говорят, он в пятнадцать лет от роду хорошо дерется с казаками приговорительного разряда. Посмотрим, так ли он хорош в стрельбе и наездничестве. – Буревой развернулся к атаману Селеверстову и, усмехнувшись в усы, сказал: – Зови своего героя.

Селеверстов, повернув голову назад и найдя меня в толпе, призывно махнул рукой. Увидев этот жест, как мы условились ранее, я выбежал перед строем казаков и, перейдя на строевой шаг, подошел к Буревому, вскинул руку к папахе и доложил:

– Ваше высочайшее, Тимофей Аленин по вашему приказанию прибыл.

– Становись на левый фланг, Тимофей Аленин, – улыбаясь, отдал команду Буревой.

– Есть, – развернувшись, я добежал до левого фланга строя казаков и, соблюдая все требования, встал в строй.

– Ну что же, – снова захохотал над полем бас Буревоего, – начнем, помолясь. Вольно! Через пять минут первые шесть казаков выходят на линию огня. Разойдись!

Строй казаков рассыпался. Буревой, взяв под руку Селеверстова, направился к своей свите.

– Все готово, Петр Никодимыч, – мишени, махальные, трубач?

– Так точно, господин войсковой старшина. Все согласно требованиям Наставления 1884 года. Мишени все новые. Махальные назначены, и укрытие для них подготовлено. За каждой мишенью на линии огня закреплены казаки в звании не ниже младшего урядника. Поле на шесть мишеней оградили еще два года назад валами. Оцепление по валам выставлено. Все готово к началу состязания.

– Тогда пойдем к линии огня, понаблюдаем, как твои казаки отстреляются и чем меня удивит твой Тимофей Аленин.

Буревой, махнув свите рукой, направился к линии огня, где уже собирались казаки, которым выпала очередь стрелять первыми. Поближе к линии огня стала подтягиваться толпа зрителей, для которых натянутыми веревками была обозначена безопасная зона.

* * *

Я стоял рядом с казаками-малолетками, которые ждали своей очереди для выхода на линию огня. Многие из них, особенно «отметеленная» нами с Ромкой семерка казаков, за исключением Афанасия Гусевского, смотрели на меня с неприязнью, которая усилилась, когда они рассмотрели, что в руках у меня восьмизарядный карабин Маузера, который я забрал у Ромки, стоявшего с моим снаряжением в толпе зрителей. Не обращая на молодых казаков внимания, я проверил, как ходит затвор у карабина, патроны в патронной сумке и, поставив карабин к ноге, замер. Судя по прошлогодним стрельбам, ждать своей очереди мне предстояло больше получаса.

Первые шесть казаков вышли на линию огня и встали напротив своих мишеней, находящихся в двухстах шагах. К ним подошли урядники, контролирующие стрельбы, проверили оружие «малолеток» и выдали по первому патрону. Дождавшись, когда все махальные спрятались в укрытие, а старший махальный урядник Лунин поднял шест с красным флажком, старший на линии огня вахмистра Митяй Широкий скомандовал: «Стрелять». Выставив прицелы

и зарядив карабины, смена сделала первый выстрел из положения стоя, после чего, взяв «ружье вольно», стали ждать показа пуль.

После подачи сигнала «перестать стрелять» старший махальный опустил флаг, и шесть махальных побежали к своим мишеням, указками показали стрелявшим казакам отметки пуль, отметили их на мишени и внесли результаты в листы отметок, после чего спрятались в укрытие.

Старший махальный поднял флаг, на линии огня выдали очередные патроны, новая команда «стрелять», и все пошло по накатанному кругу. Пять выстрелов каждого казака, и новая смена из шести казаков выходит на линию огня.

«Как долго!» – думал я, глядя на эти перестроения. Хотя, как говорили в советской армии, все уставы написаны кровью. Если не соблюдать требования имеющегося наставления по стрельбе, недолго и до несчастного случая. Уже две смены отстрелялись. Через три моя очередь.

Минут через двадцать шестая смена, состоящая из меня и еще трех казаков, наконец-то вышла на линию огня. Я передал восемь патронов к маузеру уряднику Науму Башурову, который отвечал за мой огневой рубеж, и стал ждать, когда кто-то из махальных по нашей с атаманом Селеверстовым задумке прикрепит лист бумаги, закрыв центр моей мишени. Вахмистр Шохирев махнул рукой, из укрытия махальных выбежал приказный Данилов и, прикрепив к моей мишени лист бумаги, опять спрятался за стеной укрытия.

* * *

– Что происходит? – войсковой старшина Буревой недоуменно посмотрел на Селеверстова.

– Ваше высокоблагородие, вы же хотели, чтобы Тимофей Аленин удивил вас. Надеюсь, ему это удастся. – Атаман вытянулся по стойке смирно. – Разрешите ему сделать еще три дополнительных выстрела.

– Разрешаю. Ну, смотри у меня, Петр Никодимыч. Я должен быть действительно удивлен. – Буревой наставил на Селеверстова указательный палец.

– Будете, Николай Петрович. Непременно будете. – Селеверстов развернулся в сторону линии огня и махнул рукой.

По его взмаху взвился флаг старшего махального, урядники быстро проверили оружие у смены на линии огня, выдали по патрону, и прозвучала команда «стрелять».

Я смотрел через прорезь прицела на мишень метрах в ста тридцати от себя: «Да, не та стена сарая, в которую я стрелял на “экзамене” у Селеверстовых, но размеры тоже нормальные. Где-то два на полтора метра, посередине белая полоса сантиметров в сорок, а на ней по центру полоса черного цвета шириной сантиметров восемь-десять. Круг в центре закрыт листом бумаге. На контрасте цветов все хорошо видно. Начнем».

Отстреляв со сменой пять патронов, я по разрешению вахмистра Шохирева выстрелил еще три раза и стал ждать результатов.

Махальные с листами отметок подошли к столу, где сидел секретарь станицы, который вносил результаты состязаний в журнал стрельб. К столу подтянулась свита Буревского с ним во главе.

– Удивляй, Петр Никодимыч, – войсковой старшина разгладил усы, стряхивая с них иней. – Удивляй меня.

– Вот, смотрите. – Селеверстов передал Буревому лист бумаги с мишени Аленина, который ему только что доставил приказный Данилов.

Войсковой старшина взял в руки лист бумаги, осмотрел его, крякнул и вернул назад атаману.

– Удивил, атаман. Удивил. – Буревой задумчиво поглаживал правый ус. – Покажи господам офицерам, как стрелять надо.

Селеверстов развернул лист, показывая его свите и казакам, которые стояли за ней. Раздались ошеломленные возгласы. По центру листа было восемь пробоин от пуль, которые образовали ровную букву «А».

– Зови сюда Аленина, – войсковой старшина взял из рук атаман лист с пулевыми отверстиями и, сложив его пополам, спрятал в нагрудный карман шинели.

Селеверстов мотнул головой в сторону Данилова: «Позови». Приказный, развернувшись, побежал к строю казаков, которые в двухшереножном строю стояли рядом с огненным рубежом, ожидая результатов состязания.

– А ты пока, Петр Никодимыч, расскажи мне, откуда у безусого казака Аленина новейший восьмизарядный карабин Маузера. – Буревой, взяв атамана под локоть, повел его в сторону, чтобы поговорить наедине.

– Николай Петрович, может, вы слышали – около десяти месяцев назад хунхузы пытались угнать наш станичный табун и пару косяков старшего урядника Савина с его знаменитым жеребцом Вороном.

– Слышал, но без подробностей.

– А какие подробности-то! Тимофей Аленин всех хунхузов и побил тогда. Двадцать одного варнака на тот свет отправил. Сам был ранен. Но выжил.

– Нет, я слышал про тот набег. Но подвиги одного казачка против тучи хунхузов посчитал домyslom. А получается, действительно молодой Аленин всех один порешил?

– Так точно, господин войсковой старшина. Один и всех. Нам строевых коней спас и Савину его Ворона с кобылицами. И не молодой, а единственный Аленин. Дядька Афанасий полгода как представился. А остальные до этого сгнули.

– Да, заслуженный казак был. – Буревой, сняв левой рукой папаху, перекрестился. – Царства им всем небесного. Только ты мне, атаман, зубы-то не заговаривай. – Войсковой старшина, надев папаху, поправил ее двумя руками. – Откуда маузер?

– Да припрятал его во время боя с хунхузами Тимофей как трофей. А когда в себя пришел от ранения и сказал, поздно уже было. В Благовещенск доложились, все с китайцев сдали. Премию получили. А Тимоха с этим карабином чуть ли не спать ложился. Вот и оставили ему.

– Ох, темнишь, Петр Никодимыч. Не один карабин припрятал, чую.

– Ну так что с боя взято, то свято, – пошутил Селеверстов.

– Свято, свято. Ладно. Пошли назад, встречать твоего героя. Но в будущем смотри. С трофеями чтобы все строго было! Понял?

– Так точно, все строго будет.

* * *

Я стоял в строю на левом фланге и, как все, наблюдал за выдвижением махальных с листами отметок к столу секретаря. Дальше увидели, как к столу подошла свита во главе с Буревым. Затем примчался приказный Данилов и сказал, что меня войсковой старшина вызывает. А сам щерится во все тридцать три зуба, потом ткнул меня кулаком в плечо и показал большой палец. Под недоумевающие взгляды казаков-малолеток из строя, я побежал, придерживая карабин на плече к свите Буревого, который вместе с Селеверстовым стоял чуть в стороне.

Подбежав к войсковому старшине, который вместе с атаманом вернулся к свите, хотел доложить о своем прибытии, но тот остановил меня движением руки:

– А скажи мне, Тимофей Аленин, ты только букву «А» можешь, стреляя, нарисовать, или другие тоже, и почему именно буква «А»?

– «А» – потому что Аленин, а для вас могу букву «Н» нарисовать, Николай Петрович.
– Вот стервец! – захохотал Буревой, которого тут же поддержала его свита. – А давай букву «Н», а то что-то мне до сих пор не верится, что так стрелять можно. – Старшина строго взглянул на меня. – Не шельмовали?

– Никак нет! – чуть ли не в один голос ответили я и атаман Селеверстов.
– Тогда вперед на линию огня, Аленин! – повелительно махнул Буревой.
– Ваше высокоблагородие, разрешите... – начал я.
– Что еще! – недовольно прервал меня Буревой.
– Разрешите все восемь выстрелов сделать на один флаг. Заодно и скорострельность карабина Маузера все увидят, – продолжил я.
– А давай, Аленин. Посмотрим на эту хваленую немецкую механику, – улыбаясь, махнул рукой войсковой старшина.

Я развернулся кругом и побежал на линию огня.

– Что-то не очень радостен твой Тимофей? – спросил Буревой атамана Селеверстова.
– Так по вашему приказу он еще на четыре рубля влетел. А он у нас не жадный, но домовитый! – рассмеялся Селеверстов.

– На какие четыре рубля? – удивился войсковой старшина.

– Так он стреляет своими патронами. А их на ярмарке в Благовещенске купил по рублю за две штуки. И то еще ему повезло найти какого-то корейца. А так дешевле, чем по рублю за штуку, не купить было. Редкость. Так что восемь рубликов долой, а еще, может, при стрельбе с лошади на скаку на полтора рубля выстрелит.

– А почему не за казенный счет стреляет?

– Петр Николаевич, Тимофей в реестре еще не числится, да и кто мне списать шестнадцать патронов по пятьдесят копеек за штуку даст, когда к карабину Бердана они по шесть копеек идут.

– Да... Ладно, придумаем, как твоему домовитому помочь деньгами или патронами. Все. Вперед, на линию огня. – Буревой энергичным шагом направился к стрельбищу. Свита потянулась за ним, а за ней валила увеличивающаяся толпа из зрителей.

Я прибежал на линию огня и направился к вахмистру Шохереву, который стоял с урядниками отдельной группой.

– Господин вахмистр, разрешите обратиться? – сказал я в спину Шохереву.

– Ну чего там, Тимоха? – Митяй Широкий, улыбаясь, повернулся ко мне. – Данилов уже рассказал, какую ты букву «А» нарисовал на листке. Молодец, казак!

– Господин войсковой старшина приказал мне на один флаг восьмью выстрелами букву «Н» нарисовать. Не поверил. Говорит, шельмовали.

– И ты расстроился? Нарисуй ему букву «Н»! – Митяй ткнул меня в грудь своим кулачком.

– Ага, еще четыре рубля долой, – чуть не плача сказал я. – Они-то за казенный счет стреляют, – кивнул я на строй казаков-малолеток, – а я за свои.

Шохирев и урядники рассмеялись.

– Не журишь, казак. За то о тебе сам заместитель командира нашего полка теперь знает. Это тебе не булка с маком! – хлопнул меня по спине младший урядник Башуров. – Со мной он ни разу за два срока службы не говорил. А Тимоху Аленина в лицо и по имени знает. А ты еще даже не казак!

– А чего ты не из берданки стреляешь? – спросил Алексей Подшивалов. – К ней патроны не дороже десяти копеек стоят.

– Да что в дедовой, что в отцовской стволы расстреляны. С них я бы так точно не попал.

– Все, тихо! Войсковой старшина подходит.

Шохирев развернулся в сторону подходившей свиты и Буревоего. Дождавшись, когда Буревой выйдет на площадку линии огня, Шохирев скомандовал «смирно» и побежал докладывать:

– Господин войсковой старшина, по вашему приказанию на линии огня готовятся к проведению стрельб восемью патронами на один флаг по одной мишени. Старший на линии огня вахмистр Шохирев.

Митяй Широкий сделал шаг в сторону, освобождая дорогу Буревому.

– Вольно! – кратко отдав честь, пробасил войсковой старшина и двинулся вдоль по линии огня. – Показывай, вахмистр, как готовитесь.

– Во-о-ольно!!! В настоящий момент урядник Башуров получил и осматривает восемь патронов для карабина казака Аленина, – начал Шохирев, сопровождая своего заместителя командира полка.

– Казака? – остановился Буревой, вглядываясь в лицо вахмистра.

– Так точно, господин войсковой старшина! – вытянулся во фронт Шохирев. – Те из казаков, кто видел, что Тимофей Аленин совершил на берегу Амура, когда отбивался от хунхузов, давно его считают казаком, несмотря на возраст.

– Хм-м... Интересно. Продолжайте, вахмистр.

– Сейчас кто-то из махальных вместе со старшим махальным отнесут лист к мишени, и по команде Аленин на один флаг отстреляется восемью патронами.

– Это хорошо. Только лист на мишень прикрепит... – Буревой повернулся к свите. – Корнет Блинов, не в службу, а в дружбу – прикрепите лист к мишени и потом назад его принесите.

– Слушаюсь, господин войсковой старшина!

Корнет отделился от свиты и вместе с приказным Даниловым, который по знаку Шохирева прибежал от группы урядников, пошли к столу секретаря стрельб, где находились махальные. Через пару минут группа из старшего махального урядника Лунина, приказного Данилова и корнета Блинова направилась к мишеням, где корнет прикрепил лист бумаги на крайнюю мишень и вместе с Даниловым скрылся в укрытии. Старший урядник Лунин, взяв горизонтально к земле шест с флагом, стал ждать сигналы трубы.

Все это время Буревой, остановившийся посередине линии огня на шесть мишеней, стоял, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок и обратно. За ним столбами застыли атаман Селеверстов и вахмистр Шохирев. Свита тоже напряженно молчала. Строй казаков пригласительного разряда Черняевской сотни, который атаман Селеверстов успел развернуть лицом к мишеням, хотя и прозвучала команда «вольно», застыл неподвижным монолитом. Группа урядников, стоявшая на линии огня, также застыла, боясь лишней раз напомнить о себе Буревому, так как не понаслышке знала о его крутом нраве.

Наконец, увидев, что мишень готова, Буревой, развернувшись к Шохиреву и Селеверстову, резко произнес:

– Командуйте!

Шохирев, козырнув, повернулся к группе урядников, с которыми стоял и Тимоха Аленин, скомандовал:

– Младший урядник Башуров, Тимофей Аленин на линию огня первой мишени, бегом марш!

Дождавшись, когда Башуров и Аленин займут место напротив своей мишени, вахмистр дал команду трубачу. Прозвучал звук трубы, старший махальный поднял флаг, и тут же прозвучала команда Шохирева:

– Стрелять!

Услышав команду Шохирева, я один за другим вогнал восемь патронов в подствольный магазина карабина, выставил прицел и посмотрел на мишень, выравнивая дыхание. Особо не торопясь, произвел восемь выстрелов из карабина, затратив чуть больше минуты на все.

Дождавшись сигнала «перестать стрелять», собрал свои гильзы, сложил их в подсумок, и, взяв карабин на ремень, застыл, ожидая дальнейших команд.

Через несколько минут корнет принес Буревому лист с мишени. Войсковой старшина, рассмотрев его, направился к строю казаков-малолеток, продолжая держать лист в правой руке.

– Казаки! Я еще не знаю, как вы отстрелялись и какие результаты состязаний по стрельбе! Но уже могу сказать, кто выиграл эти состязания! – при этих словах Буревой залез за пазуху и достал второй лист с результатами первой стрельбы Аленина. – Сейчас я пройду перед строем и покажу вам всем, к чему вы должны стремиться, учась стрелять!

После этих слов Буревой, взяв в каждую руку по листу, прошелся вдоль строя, показывая аккуратные буквы «А» и «Н», выбитые пулями. Закончив обход строя, войсковой старшина дал команду:

– Тимофей Аленин, ко мне!

Услышав ее, я развернулся кругом и побежал к Буревому, добежав до которого, доложил о своем прибытии.

– Тимофей Аленин, ты удивил меня своей стрельбой. Теперь покажи себя в состязании по наездничеству и по стрельбе с коня. Встать в строй!

– Есть!

Через несколько мгновений я застыл в строю казаков приговорительного разряда, думая о том, что если удивить стрельбой с коня, может, и получится, то джигитовкой вряд ли.

Со слов Афанасия Гусевского, который уже несколько раз приезжал к нам с Ромкой на занятия, я знал, что среди казаков-малолеток есть несколько отличных наездников, которых я точно не смогу переплюнуть. Но минимум по второму разряду должен выступить.

Для получения призов за наездничество со слов атамана Селеверстова требовалось следующее. Для первого разряда было необходимо сидеть твердо на коне, бойко управлять им, вспрыгивать без стремян на коня на месте, доставать с земли на скаку. Кроме того, исполнять правильно и ловко фланкировку пикой и рубку шашкою, скоро и ловко снимать с плеча винтовку и стрелять (имитировать стрельбу) из нее по всем направлениям, прыгать через ров и барьер, при этом делать и другие эволюции, показывающие ловкость и смелость. Для второго разряда было необходимо сидеть твердо на коне, бойко им управлять, исполнять правильно и ловко фланкировку пикой и рубку шашкою, ловко снимать с плеча винтовку и стрелять из нее по всем направлениям и прыгать через ров и барьер.

Хотя со слов Никифора, сына Селеверстова, по второму разряду я показал джигитовку, когда сдавал «экзамен» на казачьи умения ему и атаману Селеверстову более шести месяцев назад. За это время я значительно улучшил свои умения наездника. Неплохо научился фланкировать пикой, а в джигитовке добавил несколько приемов. Научился ездить стоя в седле. Перескакивать с лошади на лошадь на ходу только начал осваивать, а вот ножницы и соскоки на обе стороны уже получались очень хорошо. Поэтому была вероятность пройти состязание в наездничестве и по первому разряду. А в первом разряде по стрельбе на скаку я даже не сомневался. Попадал куда в меньшие размером мишени и на куда большем расстоянии.

«Попробуем еще раз удивить войскового старшину», – думал я, выходя на старт боевой дорожки, где проходили состязания по наездничеству. Суть состязаний заключался в следующем. Надо было пройти верхом в галопе метров сто пятьдесят «боевой дорожки», где стояли мишени для фланкировки пикой и рубки шашкой. Развернувшись, надо было по соседней дорожке преодолеть барьер высотой где-то восемьдесят сантиметров, ров шириной около метра и на оставшихся ста метрах снять с плеч карабин и имитировать выстрелы вперед, вбок и назад с перезарядкой. На этом состязания по второму разряду заканчивались. Для первого разряда было необходимо дополнительно на дорожке для джигитовки поднять по два кольца справа и слева от себя и показать еще минимум два упражнения джигитовки на свое усмотрение.

Тридцать казаков-малолеток уже показали свои умения. Особо отличились в этих состязаниях молодой казак Анисим Улыбин из Ольгинской станицы да Васька Чуев из нашей с Ромкой шестерки «доброжелателей». Анисим показал чудеса джигитовки, раздевшись на морозе до мундира, он и под шеей, и под животом своего коня пролез, а уж все соскоки, перевороты в седле вообще выполнил играючи и красиво. Чуев же показал отточенную фланкировку пикой и рубку лозы, да и через барьеры и препятствия прошел быстро и красиво. Особенно всех поразил его соскок на землю и возвращение в седло, когда его конь уже начал брать барьер. Одним словом, два лидера в наездничестве появилось, и мне хотелось пусть и не переиграть их, то хотя бы выступить достойно на их фоне.

Выйдя на старт боевой дорожки с верным Чалым в поводу и дождавшись команды на старт, я, не касаясь стремян, впрыгнул в седло. Вынул из петли пику и дал шенкелей Чалому. Первая мишень – круг диаметром около сорока сантиметров для укола вниз, или, как его называли, «удар остройгой». Перехватив пику, я ударил вниз, попав в центр мишени.

Уколы пикой направо и налево, и удар «подтоком», с перехватом, надо было наносить по мишени в виде деревянных шаров диаметром около тридцати сантиметров, подвешенных на высоте около двух метров. При этом уколы и удары должны были быть явно выраженными, наноситься острием копья пики или «подтоком», не по касательной.

Я успешно прошел и эти мишени. Потом попал прямым ударом в кольцо диаметром около пятнадцати сантиметров и завершил фланкировку с пикой ее броском с расстояния метров в шесть в центр круга диаметром около семидесяти сантиметров.

«Фу-у-у! Все! Самое сложное для меня позади!» – мысленно выдохнул я, вынимая из ножен шашку и направляясь к первой лозе, на которую сверху была одета папаха.

По договоренности с атаманом Селеверстовым вахмистр Шохирев разрешил мне перед моим выступлением надеть старые папахи на четыре лозы для рубки и обложить барьер и ров пучками соломы. Солону Ромка должен был поджечь, когда я стартану по «боевой дорожке». Прыжком через горящий барьер и ров я надеялся добавить «баллы» к своему выступлению. Чалого, правда, две недели пришлось «убеждать» прыгать сквозь и через огонь.

Чисто срубив все четыре лозы, так что папахи остались на стойках на нижней части срубленной лозы, я удачно попал шашкой в кольцо диаметром около десяти сантиметров и закончил «боевую дорожку», остановив Чалого, заставив его встать на дыбы и развернуться на задних ногах. Ромка в это время запалил солому на барьере и бежал поджигать солому, сваленную в ров. Опустив Чалого на землю всеми четырьмя копытами, я вложил шашку в ножны и, дождавшись, когда Ромка подожжет солому во рве, наметом направил Чалого на горящий барьер. Преодолев его, а затем перепрыгнув огонь, который вырывался изо рва, я на скаку достал из-за спины берданку.

«Экономить на патронах надо, – пронеслось у меня в голове. – Да и значительно короче кавалерийский карабин Бердана восьмизарядки Маузера».

Имитация на широком намете выстрела назад, влево, вправо и перед собой. И эта дорожка закончилась. Теперь джигитовка. Развернув Чалого, я передал стоящим на старте казакам карабин и шашку. Можно было бы и с оружием джигитовку показывать, но те упражнения, которые я выбрал, с карабином за спиной, пусть и в бекеше, а не в полушубке, сделать было очень тяжело. Поэтому я решил не рисковать. Передав оружие, я наметом вылетел на дорожку для джигитовки и поочередно собрал стоящие в станках на земле кольца из ивняка диаметром около двадцати сантиметров. Потом изобразил «казачий обрыв в стремени». Закрепив ноги в стремени, откинулся вниз, вытянув руки к земле. Таким же образом в фильме «Неуловимые мстители» атаман Сидор Лютый обманул Даньку, притворившись убитым.

Вернувшись в седло, я, ногами оттолкнувшись от стремян и упираясь руками в переднюю луку, подтянул ноги под себя, встал на подушку седла и выпрямился, левой рукой держась за повод, а правую вытянул вверх, постаравшись максимально выпрямить ноги в коленях.

Проскакав около десяти метров стоя, я опустил в седло и выполнил соскоки на обе стороны: налево-направо-налево. Выполнил без посадки в седло и, как мне показалось, удачно. Ноги при переносах были выпрямлены, носки оттянуты. Переброс тела произвел без «зависания», хотя бекеша значительно мешала. Спасибо нашей деревянной лошадке в нашем с Ромкой спортзале, на которой занимались вольтижировкой.

Дорожка закончилась и, развернув Чалого, я поскакал назад, решив показать еще два упражнения. Махом наклонился к передней луке, подбросив тело над седлом, перекрестил ноги и сел спиной вперед. Таким же образом вернулся в исходное положение.

После этого лег поперек седла на живот, держась за обе луки, и спиной вперед вышел в положение обратного волочения, держась за обе луки. После выполнения упражнения поднялся в седло и, сделав соскок с седла на землю, повис, держась за переднюю луку, вдоль корпуса Чалого на руках, ногами касаясь земли. В положении прямого волочения проехал метров двадцать, сделал заскок и сел в седло. Все, джигитовка для меня закончилась, я вернулся на старт, забрал свое оружие и встал на левом фланге в конный строй казаков-малолеток. Будем ждать результатов.

Минут через двадцать объявили результаты состязаний по наездничеству, по которым для стрельбы на скаку с коня было допущено одиннадцать казаков, включая меня. Дождавшись своей очереди «последнего», отстрелялся, но не с двухсот шагов, как все, а где-то шагов с трехсот, или около двухсот метров. При этом все три пули положил в голову мишени.

* * *

– Что скажете о выступлении Аленина? – обратился к Буревому Селеверстов.

– Ну-у-у, стрельба что стоя, что на скаку просто феноменальная, джигитовкой особо не удивил. Хотя для пятнадцати лет очень хорошо, я бы даже сказал, отлично. А прыжки через горящий барьер и ров просто великолепны. Это говорит о том, что конь у него замечательно выезжен. Надо будет в полку такое упражнение ввести! – Войсковой старшина очистил от инея усы. – Хорошо придумано.

– А с награждением как быть? Аленина в реестре нет. – Атаман выжидательно смотрел на высокое начальство.

– Н-да, финансовая коллизия... С одной стороны, наградить молодого казака первым разрядом во всех состязаниях надо, но с другой стороны, в реестр отчетности как казак przygotowительного разряда Черняевской сотни Аленин не входит, и наградить его за счет казны мы не имеем права. – Войсковой старшина развернулся к своей свите. – Что будем делать, господа? Какие предложения?

– А что этот молодой казак выиграл? – поинтересовался штаб-ротмистр Некрасов, который числился заместителем командира Албазинской сотни в Амурском казачьем полку.

– Винтовку, седло, портупею. По казенной цене все на 24 рубля, – зная чаяния Тимофея о призах, ответил атаман Селеверстов.

– Нас здесь двенадцать свитских, – продолжил штаб-ротмистр. – Думаю, по два рубля на призы для уникального стрелка скинемся.

– Поддерживаю, – высказался корнет Блинов.

Остальные офицеры и штатские свитские Буревое молча склонили головы в знак согласия.

– Ну, а я в целях компенсации растрат из-за моего приказа десять рубликов добавлю. – Войсковой старшина достал красненькую ассигнацию и, увидев недоумевающие взгляды своей свиты, пояснил: – Аленин стрелял своими патронами, а стоят они для восьмизарядного Маузера рубль за две штуки. Вот за мой приказ да за мой вензель буквы «Н» на листе из восьми

пуль красненькую ему и жалую. Принимай, атаман, для своего героя. Надеюсь, карабин, седло да портупею найдешь для награждения.

– Так точно! – Селеверстов принял от Буревоего и других офицеров ассигнации. – Сейчас же все приготовим. К моменту награждения все будет готово.

– Атаман, иди, готовь все к награждению. А мы пока пойдем сбитнем погреемся. А то за три часа на морозе заиндевели уже! – Буревой указал на поле рядом со стрельбищем, куда подъехало более десятка саней.

С саней выгружались столы, короба с едой, угощениями. На одном из уже поставленных столов дымился самовар. Это жители Черняевского округа готовились к встрече по окончании состязаний первого дня Масленицы и шермиций – древнего казачьего обряда, которое пришло на Амур с донскими казаками.

Через полчаса, когда Буревой и свитские отогрелись сбитнем и более «горячими» напитками, да под икорку амурского осетра с блинчиками и прочие закуски, что предоставила Черняевская сотня, началось награждение.

Казаки приговорительного разряда Черняевской сотни отстрелялась на отлично, набрав шестьдесят три процента попадания пуль в мишень вместо требуемых пятидесяти пяти. Пять казаков отстрелились по первому разряду, четыре по второму и пятнадцать по третьему. Восемь казаков-малолеток попали в мишень два раза и меньше. В состязаниях по наездничеству пятнадцать казаков выступили по первому разряду и десять по второму. Из одиннадцати казаков, допущенных для стрельбы на скаку, два раза и больше поразили мишень только четверо. Результаты были очень хорошие, можно сказать отличные, поэтому и атаман Селеверстов, и войсковой старшина Буревой «цвели и пахли». Атаман Селеверстов надеялся на поощрения от Буревоего, а войсковой старшина надеялся на поощрения от командира Амурского полка полковника Винникова Григория Васильевича.

Глава 12

Шермиции

Был доволен и я. Новый кавалерийский карабин Бердана-Сафонова, седло и португею вручили мне перед строем казаков-малолеток, объявив основным победителем в стрельбе стоя и стрельбе на скаку. При этом недовольство девятнадцатилетних и старше казаков-малолеток было яркими мазками нарисовано на их лицах. А как перекошилось личико Семена Савина! Смотреть на это было приятно, особенно зная, что Семочка в мишень попал один раз.

Потом строй казаков приговорительного разряда распустили, а народ начал собираться к походному алтарю на поле, где батюшка Черняевской церкви во имя Сретения Господня протоирей Ташлыков должен был провести службу во славу русского воинства.

Свалив все призывы в сани Селеверстовых, которые стояли на краю поля, и привязав Чалого к коновязи, я вместе с Ромкой пошел послушать службу батюшки Александра. Будучи в прошлой жизни крещеным, служб я не посещал, потому что считал, что между мною и богом не нужны посредники, да и не веровал в бога особенно. В храмах чувствовал себя как-то неуютно, на ряхи новорусских попов смотреть без брезгливости не мог. В глазах этих бизнесменов от религии видны были только доллары и евро.

Вспоминаю, как к моему другу егерю Генке Борисову, прошедшему две чеченские кампании контрактником-снайпером, в середине декабря 2015 года приезжал из Благовещенска на охоту на лося благочинный Алексей. Рождественский пост, а этот церковный служитель, здоровый двухметровый мужик лет сорока пяти, выжрал литра полтора дорожного вискаря, который привез с собой, заел все это тушеной и жареной кабанятиной и лосятиной, а потом, макая свою бороду в салат, пьяно заявил: «Всем у тебя хорошо, Генок, только бл...й нет!» И с такими служителями Иисуса Христа я встречался в той жизни неоднократно. Были и другие, но встречались редко.

На всю жизнь запомнился один священник, с которым познакомился в общей бане. Иногда увольнение в училище посвящал походу в парилку. Разве можно успеть нормально помыться и попариться, когда моется рота! Во время одного такого похода в парилку вышел у меня спор с мужчиной лет сорока, в котором поразили глаза, точнее, чистый и какой-то всепонимающий взгляд старца, который не соответствовал его возрасту. Спор зашел о религии, о вере. Я, как атеист, пытался доказать вбитые в меня истины, что Бога нет, религия – это опиум для народа и тому подобное. Мужчина с окладистой бородой слушал мои рассуждения и изредка произносил пару фраз, которые ставили меня в тупик, и я не мог найти достойного ответа. Закончилось все тем, что уже в раздевалке этот мужчина, одетый в рясу и с крестом на груди, подошел и произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «У каждого человека своя дорога к Богу. Надеюсь, придет время, и ты найдешь, сын мой, ее начало».

В том мире этой дороги к Богу я не нашел! Когда я попал в это время, мне поначалу как-то тяжело было соблюдать все внешние проявления православной веры. Потом незаметно втянулся, тем более что казак без веры в Бога – не казак. «За веру, царя и Отечество» – три основных столпа казачьей жизни и службы. Постепенно и службы в церкви мне стали нравиться, особенно когда их проводил батюшка Александр.

Вот и сейчас, сняв папаху и крестясь в нужных местах, чувствовал, как в моей памяти будто выжигаются отдельные фразы службы протоиерея Ташлыкова: «Доколь не водворятся на земле правда и истина, дотоль необходимы вооруженные защитники Церкви и Отечества»; «Звание воина по самому существу своему весьма близко к самой высокой степени совершенства христианского». Далее, характеризуя качества христоробивых воинов, батюшка Александр басом вещал, что их отличает «правота побуждений, чистота намерений и прямота действий». Они, «смело поражая врагов веры, царя и Отечества, обязываются не проливать крови

понапрасну, не производить разрушения без цели и пользы, не нарушать уважение к тому, пред чем должны равно преклоняться и друзья и враги; быть кроткими к мирным жителям и великодушными к побежденным».

Минут через десять, с учетом крепкого мороза, служба закончилась, и казаки-малолетки потянулись гуськом к батюшке Александру на благословление. Я, как еще не принявший присяги, этого сделать не имел права. Не казак еще, не воин. Обидно, но переживем.

А потом начались шермиции. От деда я узнал, что хоть осуществляли сплав и устройство станиц и выселок, которые вошли в Черняевский округ, в основном забайкальские казаки, но корни почти девяноста процентов этих забайкальцев были с Великого Дона. Поэтому традиция проведения шермиций на Масленицу прижилась в Черняевском округе с начала его основания.

В центре поля образовался большой казачий круг, в середине которого на конях в шеренгу выстроились семь казачат в возрасте шести лет. Их коней под уздцы держали старейшие казаки их родов. Мы с Ромкой, с трудом пробившись почти в первые ряды, наблюдали за инициацией «посвящение в казаки». Казачата Черняевского округа, которым к Масленице исполнилось шесть лет, должны были проехать шагом и рысью на лошади по кругу. Кто не удержится в седле, того будут посвящать в казаки через год.

– Из наших только Степка Верхотуров, – прошептал мне на ухо Ромка. – Остальные с других станиц. А Степка в седле как клещ сидит. Не упадет.

В это время казаки, державшие коней под уздцы, вывели и выстроили их вдоль круга, а сами встали в середину. Прозвучал звук трубы, и кони тронулись по кругу, подгоняемые казачатами, постепенно переходя на рысь. Сделав пару кругов, казачата, из которых никто не упал, направили коней к центру, где их опять подхватили старшие родов и выстроили в шеренгу.

По звуку трубы в центр вышли войсковой старшина Буревой и атаман Селеверстов, которые надели на шестилеток, сидящих в седлах, ленты из красной материи с надписью: «казачок рода такого-то». После надевания лент атаман и старшина важно всех обошли, поздравляя «посвященных в казака» и приветствуя старых казаков-воинов.

На этом закончилась торжественная часть, и начались соревнования, плавно переходящие в масленичные гулянья Черняевского округа. Как правило, в первый день шермиций проходили соревнования среди молодых казачат. Начались они с «посвященных в казака». Шестилеток, которые слезли с седел, поставили перед комиссией, в которую вошли Буревой, Селеверстов и старейшие казаки. Начался, как я про себя подумал, допуск-квалификация участников – «словесность». Старики и судьи надувшись от важности казачатам стали задавать вопросы, касающиеся знания холодного оружия, родовых корней, истории родовых станиц, обычаев и обрядов казаков.

Шестилетки бодро отвечали, каких-либо заминок ни у кого не было. Старейшие казаки, пряча усмешки в усах, оглаживая бороды, продолжали задавать вопросы. Закончились первые соревнования совместной казачьей пляской шестилеток, смотреть на которую без улыбок было нельзя. До невозможности серьезные, с красиво вырезанными деревянными шашками по руке, под две гармошки казачата в тулупчиках и папах выделывали танцевальные па посреди круга под свист и хлопанье в ладоши казаков и казачек. По решению комиссии победу отдали шестилетке из заимки Дроздова, которому в награду вручили красиво отделанную казачью нагайку.

После этого стали готовить шесть дорожек для рубки мишеней в пешем строю. На первых трех дорожках должны были выступать казачата в возрасте тринадцати – пятнадцати лет, на других трех – в возрасте шестнадцати – восемнадцати лет. Дорожка представляла собой поочередную рубку на две стороны шашкой и кинжалом шести лоз, по три с каждой стороны, потом следовала одновременная рубка шашкой и кинжалом лоз, после этого надо было поочередно срубить шашкой связанные две лозы, три лозы и четыре лозы. А заканчивалось все лозой

с надетой папахой. Надо было срубить лозу несколько раз, чтобы папаха оставалась надетой на лозу. Если она слетала, то рубка на этом заканчивалась.

Пока дорожки готовились, мы с Ромкой сбегали к саням и вооружились шашками и кинжалами. На этот раз я вооружился своей черкесской парадной парой, которая передавалась в нашем роду по наследству. И кинжал кама, и шашку терс-маймун изготовил один мастер. Оба лезвия имели клеймо «бегущий волк» и две латинские буквы «Н М», выполненные глубокой инкрустацией – таушировкой медной проволокой.

В той своей жизни я был большим любителем европейского и в частности казачьего холодного оружия, много о нем читал. Насколько я помнил, выбивать клеймо «бегущий волк» на холодном оружии получили право в XII веке лучшие оружейники Европы из города Пассау, стоявшего на слиянии трех рек Дунае, Инне и Ильце. На гербе этого города был изображен волк. Так как клинки с этим клеймом пользовались большим спросом, то в XIV–XVI веках появились многочисленные подражания «волчкам», в первую очередь на произведениях золингенских мастеров. Но изображение волчка золингенцы наносили обычной гравировкой.

Буквы «Н М» по легенде считались инициалами одного из участников крестовых походов, представителя знатного французского рода Генри Монморанси (Henry Monmorancy), в фамильном гербе которого также имелось изображение волка. Предполагалось, что партия клинков с инициалами «Н М» была заказана в Пассау для его свиты и оруженосцев, которые по обычаю времени носили на оружии герб своего владельца – сюзерена. По другой легенде, один из отрядов крестоносцев во время крестовых походов прибыл на Кавказ и обосновался там. Воины этого отряда имели мечи с гербом волка; со временем мечи попали к черкесам и были ими переделаны в шашки терс-маймун, которые, таким образом, ведут свое начало от крестовых походов.

Не знаю, так это или не так, но лезвия кинжала и шашки отливались узорами булата, имели, как я уже упомянул, клеймо «бегущий волк» и буквы «Н М» по бокам клейма, рукоятки и ножны их были богато украшены серебром, а заточка на лезвиях держалась просто отменно. Что шашкой, что кинжалом я легко на тренировках перерубал даже шесть лоз, связанных в пучок. Можно было сказать, что это было дорогое, суперэлитное оружие, за которое в мое время можно было бы получить несколько сотен тысяч евро. А может быть, и больше. Да и в этом времени на мою пару засматривались все видевшие ее казаки. По словам деда, данные кинжал и шашка передавалась в нашем роду от деда к старшему внуку. Но как они попали к Лениным, дед не знал.

Стоя в строю из двадцати казачат возраста тринадцати-пятнадцати лет, я и остальные ждали команды начать состязания. В шеренге хлопцев в возрасте шестнадцати-восемнадцати лет стояло всего шесть человек. Какой-то демографический перекокс, видимо, связанный со сроками службы казаков, или просто не смогли с других станиц казачата этого возраста прибыть на праздник, подумал я. Хотя и в нашей станице молодых казаков в этом возрасте было мало, всего трое, которые сейчас и стояли по ранжиру напротив нас.

Через некоторое время перед нашими строями вышли Буревои и Селеверстов и дали команду начать состязания. Описывать их смысла нет. Лозу рубили все хорошо, некоторые не смогли одновременно шашкой и кинжалом срубить две лозы. Четыре лозы в пучке в нашей группе перерубили я, Ромка, Вовка Лесков да Савва Раздобреев. Все с нашей станицы. В старшей группе четыре лозы перерубили четверо из шести. А вот на рубке лозы с папахой отличились я и Ромка, срубив лозу по три раза, не уронив папаху. Такого результата больше никто не добился в обеих группах. Третий раз рубили стоя на колене, у самой земли, кончиком шашки. Между мной и Ромкой устроили дополнительные соревнования, на которых я специально смазал третий удар, уронив папаху. Победу одержал Ромка, который чуть не лопнул от радости, получив в награду украшенную уздечку.

Потом в кругу начались состязания по бою на «учебных» пиках, где вместо наконечника был примотан шар из мочала. Но даже такой пикой прямой удар через тулуп был чувствителен. Состязания проходили по олимпийской, как сказали бы в моем времени, системе. Потерпевший поражение вылетал, выигрывал состязания ни разу не проигравший.

В этих состязаниях участие приняли все казачата. Хорошо хоть, первые схватки юные казаки проводили между собой, но победитель третьей пары из их шестерки, которым стал восемнадцатилетний Иван Скоробогатов из Кузнецовской станицы, во втором своем бою вышел на Ромку Селеверстова. По мнению судей, Скоробогатов, пусть и не вчистую, но «вынес» Ромку, победив тремя уколами против двух. Самое интересное, что до финала из «старшаков» никто не дошел.

В финальном бою я встретился, как потом узнал от Ромки, с пятнадцатилетним казачком Ворониным Петькой из Ольгинской станицы. Он был очень быстрым, но слишком прямолинейным. Поэтому мне с моим опытом рукопашного боя с автоматом и навыками боя на шестах и кендо, которым в прошлой жизни обучался у очень хорошего мастера, удалось его переиграть. После этого уже я, довольный, получал украшенную уздечку из рук войскового старшины Буревоего. При этом Буревой пошутил, чтобы я не забирал все остальные призы. Уже после окончания первого дня шермиций, когда домой поздно вернулся атаман Селеверстов, от него я услышал, что Буревой заметил мой намеренный промах в пользу Ромки на рубке лозы с папайхой.

В борьбе «на ломка» мы с Ромкой проиграли. Он во второй схватке, а я в третьей. Не моя стихия борьба, особенно когда для совершения броска одна из рук обязательно должна находиться на поясе соперника. Не мой стиль, да и опыта борьбы на поясах не было. Зато на кулачках мы с Ромкой отличились. Зная мои подвиги в драке с казаками-малолетками, меня сразу перевели к «старшкам», где я провел три боя и все легко выиграл. Что бы там ни говорили в моем времени любители, возрождавшие казачий спас, но методика преподавания рукопашного боя для спецназа взяла в себя лучшее из всех мировых школ рукопашного боя, включая и казачьи ухватки. А опыт рукопашных схваток в реальном бою, когда на кону стояла моя жизнь, позволил мне легко переиграть своих оппонентов.

Ромке пришлось труднее, и боев он провел больше, да и моего опыта не было. Но полгода почти ежедневных с ним занятий позволило Ромке выиграть кулачные бои среди «младших» казачат. Некоторые бои в той группе затягивались, и в кругу азартно разносилось: «под вздох его», «по сопатке, по сопатке бей», «в ухо ему, в ухо бей», «сопли подотри», «в лоб ему», «в скворечник», «по микиткам», «лязгни по зубам», «на локоток его, на локоток возьми» и такое прочее.

За эти победы нас с Ромкой наградили кожаными передними и задними переметными сумками. Хорошо иметь в комиссии своего человека – атамана Селеверстова, который точно знал мои и Ромкины чаяния о призах и наши потребности.

Заканчивались шермиции первого дня Масленицы среди молодых казачат игрой в «царя». Нас разделили на четыре команды по шесть человек в старших, в двух младших группах по семь человек. Пять или шесть казачат, вооруженные деревянными пашками, должны были нанести удар по чужому «царю» и не допустить противников к своему. Во время боев запрещалось бить пашкой в голову и пах. «Царя» для победы надо было ударить три раза, при этом «царь» мог уворачиваться, а «смерть» бойцов во время игровых схваток на пашках определяли судьи из взрослых казаков. Четыре судьи на круг диаметром около десяти метров, внутри которого и проходили бои. Выход за пределы круга также означал «смерть».

В этот раз команды создавались по станичному типу, и образовались согласно возрасту «старшая» и «младшая» команды станицы Черняева, «старшая» команда казачат из Ольгинской станицы и «сборная солянка» казачат из различных станиц и выселок Черняевского округа.

Первым начался бой между «старшей» командой нашей станицы и Ольгинской. У нас верховодил восемнадцатилетний Лунин Фрол, который встал во главе клина, за ним по бокам выстроились Чупров Гришка и Данилов Матвей, которым было по семнадцать лет. Младший, тринадцатилетний Савин Евгений, был у них в команде «царем», и по бокам его защищали младший брат Чупрова Гришки Феофан и Филинов Устин. Против них выстроились шесть казачат из Ольгинской станицы, которых возглавлял двоюродный брат Ромки, восемнадцатилетний Мишка Селеверстов.

Прозвучала труба, и бой начался. Фрол все поставил на атаку. Они вместе с Гришкой и Матвеем рванули вперед, размахивая шашками, стремясь прорваться через жидкую цепь защитников ольгинского «царя». Если они прорвутся все трое и все смогут по разу ударить «царя» противника, то их команда выиграет. Прорваться не получилось. Мишка Селеверстов «срубил» Фрола, Матвей «заколол» Мишку. А потом началась круговерть из оставшихся бойцов. Минуты через полторы в кругу остались с нашей стороны «царь» Женька Савин, которого уже дважды ударили, со стороны ольгинцев – их «царь» и один боец. Полная победа ольгинцев стала лишь вопросом времени – как быстро нанесут Женьке последний удар. И тут Савин всех удивил. Он уворачивался от последнего бойца противника, бегая по кругу, уходя от ударов шашки, минут пять, пока тот не свалил Савина вместе со своим «царем» и лишь потом смог нанести удар. Теперь наступала наша очередь. Я с шестью казачатами выходил в круг, против семи казачат из «солянки».

– Ну что, все запомнили? – Я смотрел на своих бойцов, так как меня они все единодушно выбрали командиром нашей команды.

– Запомнили, – ответил за всех Шохирев Григорий, которому досталась роль «царя». – Я стою за вами и не даю себя ударить, если кто-то прорвется.

– Мы с Антипом охраняем «царя» с боков, – отбарабанил свою роль Вовка Лесков, а Антип Верхотуров согласно кивнул.

Раздобреев Савва, Подшивалов Николай и Ромка Селеверстов молча выстроились передо мной в одну шеренгу.

– Ребята, на вас будет первый удар. – Я крутанул в руке деревянной шашкой. – Задача связать боем, кто на вас пойдет.

– А ты что будешь делать, Тимофей? – задал вопрос Савва.

– А я буду из-за ваших спин наносить неожиданные удары тем, кто на вас нападет.

– Как-то это нечестно. – Подшивалов пожал плечами.

– Зато будет действительно, Коля, – встал на мою защиту Ромка. – Так римское войско действовало в плотном строю. Отбивался легионер от противника, который стоял перед ним, а сам бил гладиусом того, кто стоял правее от него, в подмышку или в бок, когда тот не ожидал удара.

– Все, заканчиваем разговоры, строимся, как договорились. – Я зашел за спину передовому отряду, за мной потянулись Шохирев, Вовка и Антип. – Ждем атаки.

По звуку трубы атака началась. Сразу четверо казачат навалились на нашу передовую тройку, и одному из них удалось пробить защиту Кольки Подшивалова. Зато я за время их атаки успел уколоть троих, а Савва «срубил» своего противника.

Судьи остановили бой и вывели «убитых» из круга. У нас осталось пятеро «живых» против двоих бойцов противника. Удержав рвавшихся в атаку Ромку и Савву, я отправил на казачат противника Лескова и Верхотурова. Когда они завязали бой, следом подтянулись и мы. Десять секунд, и бой закончен. Мы потеряли Антипа, у противников остался один «царь», которого мы также быстро зажали в «угол», точнее, в сегмент круга, и нанесли три удара, точнее, все восемь. Победа!!! Далее следовал небольшой перерыв перед боем за первое место.

– Тимофей, а с ольгинцами так же биться будем? – спросил меня Савватей.

– Вряд ли с ними это пройдет. – Ромка, стянув папаху, чесал свою макушку, от которой шел пар. – Там Мишка, мой брат, и его друг Федька Носов снесут нас и не заметят. Они, считай, на голову нас выше и тяжелее чуть ли не на пуд. Руки и шашки у них длиннее. Против них если только Тимофей выстоит.

– Мишка в прошлом бою Фрола, считай, с одного удара «срубил», – грустно протянул Вовка Лесков.

– Не вешать нос, господа казаки. – Я покрутил плечами, разминая их. – Мишку, пока он Фрола «рубил», Матвейка Данилов на шашку взял. Поэтому действуем в бою следующим образом. – Казачата встали возле меня полукругом. – Разбиваемся на пары. Я с Ромкой, Савва с Гришкой, Вовка с Антипом. Колька – «царь». Мы с Ромкой атакуем Мишку Селеверстова, Вовка с Антипом Федьку Носова. Кто у них еще сильный рубака?

– Петька Воронин, с которым ты на пиках бился, – подсказал Антип.

– Тогда Савва с Гришкой атакуют Петьку. – Я поправил папаху на голове. – Один связывает боем, второй колет, или колете одновременно по разным уровням, грудь – ноги. После атаки быстро откатываемся назад. Коля, ты идешь за нами. Назад отбегаешь впереди нас. Если первая атака удастся, то у них останется два бойца и «царь». С ними как-нибудь справимся.

– Если мы победим, это будет позор для ольгинцев! – Щеки говорившего Вовки Лескова горели румянцем. – У нас только Тимофею пятнадцать, а остальным по тринадцать лет. У них же младше пятнадцати никого нет, а Мишке с Федькой по восемнадцать!

– Это точно! – поддержал Вовку Шохирев Гришка. – Позор им будет. Они у нас попляшут.

Я смотрел на разухарившихся казачат и думал о том, что если мы победим, то это будет просто великолепно. На глазах Буревого и станичников разделать в «царя» «старшаков», которые уже выиграли у других «старшаков»! Респект нам и уважуха, как говорила молодежь в моем времени.

Звук трубы, и новый бой. Придуманная мной тактика оказалась очень успешной. Выстроившись клином для атаки на нас, Мишка, Федька и Петька просто не ожидали, что на них навалится сразу по два соперника. Мы с Ромкой напали на его брата. Пока я уклонялся от рубящего удара Мишки сверху в плечо, мне за спину подтянулся Ромка, и мы с ним одновременно нанесли уколы: он в грудь, а я в ногу. Оба удара прошли, и командир противника был «убит». Вовка и Антип также без особого труда «убили» Федьку Носова. Пока Федька с улыбкой защищался от ударов шашкой маленького по сравнению с ним Вовки Лескова, ему в ноги подкатился Антип и снизу нанес пару ударов по ногам, а затем Вовка добил противника уколом в грудь.

Савва с Гришкой вдвоем напали на Петьку, но через несколько мгновений на Савку насел еще один боец из команды противника, и у них завязалась схватка один на один. Видя это, я решил не отступать, а продолжить атаку. Крикнув Вовке с Антипом, что бы они помогли Савве, мы с Ромкой напали на Петьку Воронова, который уже дважды задел и «ранил» Гришку Шохирева. Петька был быстр, техника владения шашкой у него была лучше, чем пикой, но биться сразу против трех противников он не смог.

В это время судьи остановили бой. На стороне противника остались один боец и «царь», мы, потеряв Савву и Гришку, которого все-таки «добил» Воронов, остались вчетвером и с «царем». Конечно, можно было бы проявить благородство и нападать по одному на оставшегося бойца команды противника, но я дал команду Лескову и Верхотурову напасть на оставшегося бойца, а сам вместе с Ромкой напал на царя и нанес ему три удара быстрее, чем Вовка и Антип «убили» своего противника. Победа!!! Полная победа! Такого разгрома «старшаков» из станицы Ольгино от «младшей» чернявской команды не ожидал никто.

* * *

– Признаться, Петр Никодимыч, твой Тимофей Аленин опять меня удивил. – Буревой стоял у стола, на котором лежали патронташи – награды для команды победителей в игре в «царя». – Говоришь, он в Иркутское юнкерское училище хочет поступать?

– Так точно, ваше высокоблагородие. – Атаман Селеверстов в который раз за день вытянулся во фронт. – Дед ему завещал. Да и сам Тимоха хочет поступить. Самообразованием занимается. Успешно. Надворный советник Бекетов в Благовещенске Тимофея сильно хвалил. Сказал, чтобы на следующий год приезжали для сдачи экзаменов за училище эк... экс-с...

– Экстерном? – подсказал войсковой старшина.

– Так точно.

– Молодец. С такой целеустремленностью хороший офицер из него должен получиться. Говоришь, в этом составе Тимофей и остальные казачата не играли?

– Не играли, Николай Петрович.

– Быстро тогда Аленин их в команду сбил. Быстро. Что скажете, господа? – Войсковой старшина повернулся к свите.

– Насколько я понял, первый бой Аленин и его команда провели от обороны, – первым ответил штабс-ротмистр Некрасов. – При этом удары Аленина из-за спины фехтующих казаков выглядят несколько неприглядно, но эффективно. Что-то это мне напоминает.

– Македонская фаланга, римская центурия, баталия швейцарской пехоты. Первая линия сдерживает, вторая бьет. Такая тактика применялась испокон веков. – Губернский секретарь Нилов поправил пенсне. – Но применение такой тактики в рубке на шашках... Оригинально-с, я вам скажу. Оригинально-с.

– А как они второй бой провели! – Корнет Блинов нервно тербил темляк своей шашки. – Кто-нибудь верил, господа, что казачата, которые ниже чуть ли не на голову своих противников, смогут победить?

– Признаться, если бы мы заключали пари на последний бой, то на Аленина и его команду я бы не поставил и копейки! – ответил штабс-ротмистр Некрасов.

– Я бы тоже не поставил, – кивая головой в знак согласия, произнес Буревой. – Но они победили, и победили очень убедительно.

– Нападение двойками, одновременные уколы шашками на разных уровнях – и два Давида завалили Голиафа, – проговорил Нилов, протирая пенсне. – Опять оригинальное решение. Заметьте, господа офицеры, два боя, две разные тактики.

– Спасибо за анализ, Анатолий Сергеевич, – поблагодарил Нилова войсковой старшина. – Вы хоть и не имеете военного образования, но очень тонко подметили: два боя – две разные тактики, и две победы. При этом в последнюю викторию никто не верил. Удивил Аленин, в который раз за день удивил.

– Я же говорил вам, Николай Петрович, что Тимофей Аленин удивит! – влез в разговор атаман Селеверстов. – Вот он и удивил.

– Удивил, Петр Никодимович, даже не так – поразил. Только я до сих пор не понял, какой твой-то интерес и старейшин станицы был в том, чтобы Аленин выступил в состязания казаков-малолеток и победил.

– Во-первых, показать казакам-малолеткам, к чему им стремиться надо в стрельбе, и чтоб обида их взяла за проигрыш да желание научиться не хуже. – Атаман загнул на руке один палец. – Во-вторых, убедить казаков станицы отдать Тимофею в обучение казачат тринадцати-пятнадцати лет. В-третьих, удивить вас, чтобы потом просить замолвить за Тимофея словечко для его поступления в училище.

– Третье было первым, – усмехнулся Буревой. – Я постараюсь убедить полковника Винникова написать письмо-ходатайство для поступления Аленина в училище. Такие офицеры, да еще из амурских казаков, нашему полку необходимы. Приедете в следующем году сдавать экзамены за училище, найдите меня, Петр Никодимыч.

– Огромное спасибо, Николай Петрович.

– Пока не за что. А что за обучение вы планируете организовать?

– Да Тимофей так моего Ромку за полгода выучил, что он экзамен по знаниям батюшке Александру легко сдал, а вдвоем они семерых казаков приговорительного разряда в драке уложили. На казачьем суде по этой драке было принято решение, что если Тимофей выиграет в состязаниях казаков-малолеток, а Ромка на шермициях, то им в обучение отдадут казачат в возрасте тринадцати-пятнадцати лет.

– И как будет организовано обучение?

– Пока не знаем. Тимофей решит и организует. Ему учить.

– Опять вы меня удивили, Петр Никодимович, – задумчиво протянул Буревой. – Значит, организацией и программой обучения казачат займется Аленин.

– А кто же еще! – ответил Селеверстов. – У него разных книг у одного больше, чем во всей станице. От дядьки его Ивана остались, да и сам он уже много прикупил. Большой дом Алениных пустует, в пристрое он с Ромкой уже гимназиум организовали, чего там только нет. Вот у себя пусть и организывает занятия.

– А знаете, Петр Никодимыч, я вернее всего в следующем году не к албазинцам, а опять к вам на состязания и шермиции приеду. Хочется мне посмотреть, чего Аленин в обучении казачат добьется.

– Всегда рады видеть вас, ваше высокоблагородие!

– Ладно, не тянись во фронт, атаман. – Войсковой старшина похлопал Селеверстова по плечу. – Пойдем казачат награждать. Заслужили они награды. Заслужили.

* * *

Получив в награду за бои в «царя» патронташ, мы вместе с Ромкой сложили все призы за шермиции в сани Селеверстовых, после чего, прихватив еще по одной шашке, направились в центр поля, где готовились зажечь четыре больших костра для прыжков через огонь. Также костры должны были освещать место для гуляний, так как начинало смеркаться.

– Тимоха, а нам скоро танцевать? – спросил меня Ромка.

– Не знаю, как скажут старейшины, – ответил я.

Победители на шермициях должны были станцевать танец с шашкой или шашками, который также оценивался. Мы с Ромкой уже полгода тренировали «танцы», разработанные мной на базе показанного еще дедом Афанасием казачьего боевого танца с шашкой – как я их называл, ката с шашкой, шашкой и кинжалом, а также двумя шашками. В разработанную или доработанную последовательность движений я добавил концентрацию ударов холодным оружием, а также некоторые «танцы» надо было выполнять вдвоем, как в кендо.

Ромке эти «танцы» сильно нравились, да и я стал замечать в последнее время, что после третьего-четвертого повтора ката впадал в какое-то состояние боевого транса. Казалось, что время замирало, а скорость моих движений, со слов Ромки, увеличивалась. По его утверждению, движения шашек при исполнении ката у меня чуть ли не сливались, а потом, как вспышка, следовал удар. А при работе в паре с Ромкой мы достигли такой слаженности и скорости, что со стороны наш танец смотрелся как очень быстрый бой.

Узнав о решении старейшин после драки о нашем участии в шермициях, я с Ромкой все три недели тренировал парный «танец» с двумя шашками. Когда мы его показали Селеверстову, тот только крякнул, помотал головой и произнес: «Только не убейте друг друга». Этот

танец я с Ромкой и хотел исполнить под песню «Казачья молитва», или, как ее еще называли, «Терская лезгинка».

Загорелись костры, и на утоптанную площадку между ними позвали казачат-победителей в шермициях. Начинаясь праздник «боевых танцев». Нам с Ромкой выпала честь открыть данное мероприятие. В круг вышли женщины семейства Селеверстовых: жена атамана тетя Оля и снохи Ульяна и Елена. Под звуки станичного самодеятельного оркестра, состоящего из двух гармоник-хромок, ложкарей, бубна и пары дудок, женщины начали песню:

На горе стоял казак – он Богу молился.
За свободу, за народ низко поклонился.
Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.
Я тебя не трону – ты не беспокойся.
Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.
Я тебя не трону – ты не беспокойся.
Я тебя не трону – ты не беспокойся.

Задорная музыка лезгинки повела меня и Ромку в нашем «боевом танце». Создав защитную завесу вращением восьмерок двумя шашками, мы вышли в круг и встали друг против друга. А потом между нами начался «бой». В рисунок этого боя-танца вошли движения для танца с шашкой, которые показывал мой дед, что-то из кендо ката, что-то из танцев ансамбля песен и плясок кубанских казаков, которых любил смотреть в том своем времени по телевидению и в Интернете. В свое время в своей бригаде спецназа ставил сценарии показушных боев спецназеров для различных комиссий и проверяющих. Поэтому надеялся, что наш танец понравится.

С каждым куплетом мы с Ромкой наращивали скорость атак и защит, используя и высокие прыжки, и перекаты. Шашки чертили свои узоры в миллиметрах от наших тел. Когда песня закончилась, я и Ромка, с трудом переводя дыхание, стояли друг напротив друга, опустив шашки к земле.

Меня поразила тишина, стоявшая на майдане между кострами. Когда танцевали, я слышал только ритм лезгинки, все остальное слилось в какой-то гул. А теперь тишина. Но длилась она недолго. Ко мне буквально подлетел Митяй Широкий и, хлопнув по плечу своей ладонью-лопатой, проорал: «Любо!!! Любо, братцы!!!» И плотину тишины прорвало свистом, криками, аплодисментами. А Митяй, дождавшись, когда мы вложим шашки в ножны, приобняв меня и Ромку за плечи, повел нас к месту, где стояли Буревой со свитой и старейшины округа.

– Тимофей Аленин, ты поражаешь меня с каждым разом все больше и больше, – сказал войсковой старшина. – Кто же вас с напарником такому танцу с шашками научил?

– Ваше высокоблагородие, в основном это боевой танец с шашками, которому меня дед Афанасий учил, только для эффектности я туда прыжки, кувырки, удары ногами добавил и придумал, как его вдвоем танцевать, будто бы бой ведем, – ответил я.

– А ты знаешь, Аленин, я уже не удивлен, что этот танец ты создал. Очень зрелищно. Кстати, господа, – Буревой повернулся к свите, – по поводу вашего спора, учебные или настоящие шашки были у казачат: посмотрите на бекеша казаков. Думаю, вынимать им шашки из ножен нет смысла.

Я посмотрел на свою бекешу, которая имела три разреза на груди. У Ромки было немного взрезано правое плечо. Ладно что бекеша у меня старая, на выброс, от дядьки Ивана досталась, да и вырос я из нее почти, а вот Ромке штопать придется.

– А если бы серьезнее пострадали? – спросил Буревой.

– Тренировались мало, всего две недели. И в сумерках расстояние обманчивое. И со скоростью переборщили сегодня. Вот немного и задели друг друга, – ответил я.

Буревой провел голый ладонью по моей бекеше, прошупывая порезы:

– Еще немного, и до тела достало бы.

Ромка Селеверстов стоял, виновато опустив голову, и молчал. В этот момент из группы старейшин раздался голос деда Давыда Шохирева:

– Ваше высокоблагородие, не ругайте их. Они ж старались. А за неосторожность с оружием мы их сами накажем.

«Ну вот, станцевали – подумал я. – Вместо похвалы теперь накажут. Хотя старшина сказал, что танец зрелищным получился».

– Станичники, я не ругаюсь. – Буревой, отступив от меня, направился к старейшинам. – Танец мне очень понравился. Да и не только мне. Сколько народу «любо» кричали! Но про безопасность казачат да и окружающих подумать надо. Мои свитские половину танца спорили: с учебными или боевыми шашками Аленин и его партнер танцует. Оказалось, с боевыми, а темляки на руку не надеты у обоих были. Задели шашками в танце друг друга хорошо. Еще чуть-чуть, и до крови...

«Да-а-а... Точно горячих получим. Нашим дедам только дай молодежь поучить. А тут войсковой старшина такой прекрасный повод дает для педагогического процесса», – думал я, прикидывая, по заднице получу нагайкой вместе с Ромкой или по спине.

– Ваше благородие, – красивый грудной голос перебил мои мысли и речь старшины. – Да что же это за казак-то будет, ежели у него все привязано будет да тупое? Я когда на Тимоху с Ромкой смотрела, когда они танцевали, у меня аж кровь по жилам быстрее побежала, особенно когда видишь, как булат сверкает.

Говорившая эту защитную речь молодая и разбитная вдова погибшего год назад казака Терентия Потехина из станицы Толбузина Алена подошла ко мне и, спросив разрешения глазами, вытащила из ножен мою парадную шашку. А потом, затянув высоким голосом:

Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.

Я тебя не трону – ты не беспокойся.

Алена пошла по кругу, при этом моя шашка порхала вокруг нее. Толк в танце с шашкой казачка знала на отлично. Через пяток секунд ее голос поддержала музыка «черняевского оркестра», затем в круг с шашками в руках выскочила пара казаков из станицы Толбузина, и танец продолжился в составе трех исполнителей.

Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.

Я тебя не трону – ты не беспокойся.

Вскоре в толпе зрителей стали раздаваться выкрики: «Любо!» Действительно, танец был завораживающе красив. Статная казачка в светлой бекеше, подбитой каракулем, цветастый ярко-синий платок, утепленные синие сапожки и сверкающий булат идут по кругу. А перед ней два высоких, стройных казака, одетых в нарядные бекешки и папахи, каждый сверкая двумя шашками, пытаются завладеть вниманием красавицы, показывая чудеса фланкировки, а точнее, мулинетов. Если мы с Ромкой станцевали хотя бы наполовину так же красиво, значит, мы действительно хорошо станцевали.

Закончив танец, Алена в сопровождении танцевавших с ней казаков подошла ко мне и вернула шашку, которую я тут же вложил в ножны.

– Как-то вот так, ваше благородие, должен танцевать казак, – обратилась раздумавшаяся Алена к Буревому. – Чтобы сердце радовалось и отточенная сталь вокруг сверкала. А если все по предписанному, то это скучно. Мой казак вон после первого срока пришел, так все у него было по уставу. Даже любил по уставу, один раз и в определенное время.

Грянувший хохот стоявших в круге казаков и казачек не дал услышать, что продолжала говорить войсковому старшине молодая вдова. Когда хохот утих, все вновь услышали Алену:

– Молодцы Ромка и Тимофей, что с боевым оружием танцуют. А их танец-бой зачаровывал. Мне казалось иногда, что они правда бьются не на жизнь, а на смерть. А чуть одежду порезали – это мелочи! У Ромки опыта еще маловато. А был бы Тимофей постарше, я бы за него замуж пошла. Ой, гарный казачина из него вырастет, сколько казачек по нему будут сохнуть!

По толпе опять прокатилась волна хохота и рекомендаций Алене брать меня в мужья молодым, пока на службу не сходил, тогда любить ее буду не по уставу, а когда она захочет. Когда хохот и гомон стих, слово взял Буревой.

– Господа казаки, извините, что забыл, как должен расти казак. Спасибо тебе, красавица, – войсковой старшина склонил голову перед Аленой, – что напомнила и показала мне, как должен воспитываться казачий боевой дух, смелость, отвага и боевые умения. А тебе, Тимофей, и тебе, Роман, могу только пожелать продолжать так же успешно осваивать казачью науку. И еще, Тимофей, атаман потом тебе расскажет о нашем с ним разговоре.

После этих слов мне и Ромке позволили выйти из круга, где мы на некоторое время стали объектом внимания со стороны казачат-ровесников и ровесниц. Дальше были танцы других молодых победителей шермиций. Но криков «любо» больше никто не добился. А потом начались гуляния по встрече масленицы. На столах, которые выставили по краям поля, можно было угоститься блинами, пирогами, взварами, киселями, сбитнями различных вкусов; много было икры и рыбной закуски. Когда совсем стемнело, со стороны станицы в свете факелов показался обоз саней, в котором с песнями привезли чучело Масленицы и установили его на горе для катания на санках.

Я с Ромкой оторвался на этих гуляньях по полной. Мы были героями шермиций. У каждого стола, к которому мы подходили, нас ждал самый радушный прием и лучшее угощение. Столько блинов с черной стерляжьей, осетровой икрой и красной из семги, горбуши, кижуча, нерки, кеты я не ел никогда ни в этой, ни тем более уж в той жизни. Рыбы в Амуре, особенно во время нереста, в этом времени было не просто много, а очень много. Главная проблема была в том, как ее сохранить. Пятипудовые бочки с соленой красной рыбой и белорыбицей были в каждом доме. Икру тоже солили бочками, только поменьше.

Во время поедания блинов у одного из столов я узнал от его хозяйки, что буду справным хозяином. Оказывается, по гаданию «заглянуть в рот» на второй день Масленицы можно выяснить, каков характер у твоего будущего мужа или жены. Ведь не зря говорят, что «выбирают мужа по блинам, а жену – по пирогам». Блины с икрой предпочитают настоящие казаки. У такого и дом будет цел, и хозяйство крепкое, и жена и дети обуты-одеты. А вот нежных слов и поцелуев от него не жди – все силы у такого уходят на хозяйство. Да и вообще – любовь доказывают делами, а не словами. А если казак налегает на блины с красной рыбой, то он, как бы сказали в моем времени, адриналиновый наркоман, которому вечно не хватает острых ощущений. В целом люди неплохие, но жить с такими – как на поле боя. Также еще запомнил, что блины со сметаной едят «антиллегенты», которые обижаются по любому поводу или истерят. Одним словом, не казаки.

В общем, наелись, напились на встрече Масленицы и уже поздно вечером на санях вернулись вместе с женщинами семьи Селеверстовых домой. Атаман был приглашен на банкет-попойку, который организовали для Буревского и его свиты в трактире Савина, старшие сыновья атамана остались на поле, где с отъездом начальства и старейшин казаки собрались немного выпить, отметив приход Масленицы.

Так закончились для меня состязания и шермиции. Выиграл кучу призов: винтовку, седло, портупею, уздечку, патронташ, переметные сумки. Оставил о себе хорошее мнение у заместителя командира и других офицеров Амурского казачьего полка. Мой авторитет среди сверстников и не только сверстников взлетел до немыслимых ранее высот. Завистников,

конечно, тоже нажил. В целом, поставленной цели пока добился. А когда пришедший с гуляния атаман Селеверстов сообщил мне, что Буревой постарается убедить командира казачьего полка Винникова написать письмо-ходатайство о зачислении меня в Иркутское юнкерское училище, я про себя решил, что выжал из своих побед максимум, забыв о том, какой хомут в виде обучения казачат на меня было решено повесить при моем и Ромкином выигрыше.

Глава 13

Тропа разведчика

– Тимофей, а как ты все-таки думаешь, цесаревич остановится в нашей станице или нет? – спросил меня Ромка, расстегивая подпругу у своего Гнедко.

– Не знаю, Ромка, не знаю! – ответил я, сняв седло с Беркута и повесив его на бревно коновязи конюшни во дворе Селеверстовых.

Несколько минут назад я, Ромка и остальные казачата двух «учебных отделений» вернулись с полигона в станицу, где для разминки прошли «тропу разведчика», а потом почти четыре часа занимались починкой и наведением марафета на различных объектах «полигона»: полосы препятствий – «тропы разведчика», спортивного городка и стрельбища. Как сказали бы в непобедимой и легендарной, «красили траву и белили снег» перед приездом высокой комиссии. Тем более возможная инспекция ожидалась в виде второго человека Российской империи – цесаревича Николая и его свиты. Поэтому, чтобы не ударить лицом в грязь при возможном посещении царственным лицом нашего полигона, наше учебное подразделение из «мальков» и «старшаков» уже дней десять приводило полигон в порядок на основании требований советской и российской армии при встрече высокого гостя: все должно быть ровным, подстриженным, покрашенным и единообразным.

Учебное подразделение, учебное отделение, полигон, тропа разведчика – эти и многие другие словосочетания вошли в обиход станицы Черняева после того, как мне в обучение вместе с Ромкой отдали еще девять казачат станицы. Сначала их было больше, аж пятнадцать, но как-то так получилось, что шесть казачат в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет не захотели «чему-то у такого же, как они, Тимохи учиться» и перестали приходить на занятия. Поэтому остался у меня в подчинении десяток казачат в возрасте тринадцати лет, только Филиппову Устину, одному из них, было четырнадцать.

Вспоминая начало наших занятий, я непроизвольно разулыбался. Шермиции в станице Черняева понедельником и выступлением молодых казачат не закончились. Вторник и среда были посвящены походам в гости, сватовству и прочим гуляниям, а вот в четверг-четверток в станице был проведен общий казачий сбор, на котором атаман Селеверстов зачитал приказ, чтобы на гульбе-шермиции не происходило бесчинства. После оглашения приказа произошло разделение казаков на несколько компаний. Первую, самую большую, составили казаки – основатели станицы Черняева и их потомки, потом казаки-гости Ольгинской станицы и те, кто в свое время перебрался из Ольгинской в Черняева. Толбузинцы, дроздовцы и их родственники составили третью большую компанию. Были организованы и другие компании. Каждая компания казаков выбрала из своих ватажного атамана, двух судей и квартирмистра и получила из станичного правления знамена и хоругви. Гульба в станице продолжалась до вечера сыропустного воскресенья.

Пешие, на лошадях в полном вооружении команды компаний ездили по станице, при встрече салютуя знаменами. Потом разделялись на партии и проводили учебные бои, по окончании которых большой толпой направлялись к кому-нибудь в гости. Во время пребывания команды у кого-либо в гостях, знамена находились во дворе или перед двором, ставкою при часовом, по очереди наряжаемом от квартирмистра, у которого основная должностная обязанность – извещать тот дом, куда ехать дальше намерена компания. Была за эти дни и большая драка «стенка на стенку», и взятие снежного городка, и катание на санях, и сжигание чучела Масленицы, и запуск с горы горящих тележных колес. Закончилось все грандиозной пьянкой на центральной площади станицы в воскресенье вечером.

Среди площади составили из скамеек круг, в середине по кругу накрытые столы с напитками и закуской. Со всех сторон компании съехались, народ бежит толпами, атаман Селевер-

стов со старейшинами и не уехавший Буревой со свитой заняли почетные места под знаменами. Ватажные атаманы сели возле станичного атамана, затем чиновники и старики. А потом казаки пили за высочайшее здоровье, затем за войскового атамана, за командование Амурского казачьего полка и за все казачье войско Амурское, за Чернявский округ и честную станицу Черняева, за генерал-майора Черняева, за... Пили много, пили с выстрелами. Пили и ели. Наотмечались так, что атаман Селеверстов, придя домой, еле смог раздеться, потом перепутал стороны кровати, а под голову положил сырые валенки, в которых пришел с улицы.

Зато в понедельник хмурые и непохмеленные атаман Селеверстов и старейшины станицы в наказной избе собрали еще в воскресенье оповещенных меня и еще пятнадцать казачат. На данном собрании до нас было доведено, что теперь казачата поступают в мое распоряжение для обучения воинским и другим наукам, как это будет происходить, никого из старейшин и атамана не интересует, но чтобы результаты были. От такой проникновенной речи атамана Селеверстова я, помню, тогда просто охренел. Все мои вопросы по системе, программе обучения и материальной поддержке были отправлены Селеверстовым в дальний пеший маршрут. Потом, правда, старейшины пообещали помочь, чем смогут, но не особо много, лишь в материальном обеспечении обучения, а вот как и чему, а также где проводить обучение – это уже проблемы Тимофея Аленина. Но занятия должны начаться уже завтра, а результаты чтобы были не хуже, чем у меня и Ромки на состязаниях и шермициях. Одним словом, «вы в армии, и я не знаю как, но чтобы завтра было пусть безобразно, но единообразно».

Завтра так завтра. Следующим утром шестнадцать казачат в колонну по двое отправились бегом с центральной площади станицы до Ермаковского хутора. Чуть больше двух километров бега до хутора. Во дворе хутора, огражденного тыном, – комплекс гимнастических упражнений. В спортзале – силовые на брусках и турнике, качание пресса на шведской стенке, и бегом назад. Первое занятие сразу показало, что спортзал, который я и Ромка организовали в пристрое моего дома, для шестнадцати человек мал. Во дворе хутора для нормальных занятий тоже места мало. Именно тогда в мою голову пришли мысли о необходимости создания полигона для обучения казачат, в который бы вошли полоса препятствий, спортивный городок и небольшое стрельбище. Место для такого полигона было совсем недалеко от Ермаковского хутора, на землях, которые теперь принадлежали мне. Точнее, будут принадлежать мне после принятия присяги в девятнадцать лет. Самое главное, там был хороший лесок из пихт и лиственниц, которые пошли бы на обустройство полигона, а также длинный прямой овраг для организации стрельбища.

Получив разрешение атамана на использование деревьев на земле Ермаковского хутора, по весне силами приданных для обучения казачат начали стройку придуманного мною полигона. К этому времени на занятиях бегали в колонну по два оставшиеся младшие десять казачат и я в голове колонны. Бегали под речевки, как морпехи США, разучивая таблицу умножения, правила правописания, исторические даты, географические названия, стихи, песни, афоризмы. Возможно, это и отпугнуло казачат постарше – не хотелось им выглядеть смешными в глазах станичников.

Не обошлось и без курьеза. Бабка Фекла Чуева, мимо которой мы как-то раз поутру пробежали, разучивая таблицу умножения, приковыляла к отцу Александру с выпученными глазами, голося, что мы на заре призываем Антихриста, читая все вместе неизвестные заклинания. Протоирей Ташлыков встретил возвращение нашего отряда с занятий на окраине станицы и долго хохотал, узнав какие «заклинания» мы читаем. Потом похвалил меня за придуманную методику изучения предметов во время бега.

Строительство полигона мы начали со спортивного городка, где на ровной площадке, с которой только что сошел снег, поставили несколько изготовленных из дерева турников, брусков, длинную лавку для качания пресса.

Оборудовав спортгородок, я ввел для отделения казачат порядок зарядки и обучения почти как в «непобедимой и легендарной»: ранний подъем и сбор в шесть утра на площади перед приказной избой, двухкилометровая пробежка в среднем темпе, турники, брусья и «лавочка дружбы» – очень эффективное упражнение. По сути, то же самое качание пресса на скамье, но не в гордом одиночестве, а всем учебным отделением со мной во главе. Сели плотно рядком на длинной скамье, обнялись за плечи и погнались под счет. Поначалу все как обычно, а вот когда самые слабые начинают сдавать... Даже если ты «сдох» и сил продолжать у тебя нет, соседи слева и справа все равно не дадут тебе остановиться, ведь ты словно звено в цепочке, а значит, будешь продолжать сгибаться и разгибаться. А мышцам все равно, что ты можешь или не можешь, они продолжают работать. А самые сильные в итоге чуть ли не вдвоем-троем тянут вверх всю цепочку из десяти казачат. Нагрузка у них при этом – тоже дай боже. Первые две недели после введения в утреннюю зарядку «лавочки дружбы» казачата, да и я тоже ходили слегка скособочившись и лишний раз всем вздохнуть, а не дай бог кашлянуть было больно, зато какой прогресс по физподготовке с третьей недели занятий пошел!

После зарядки – два часа на занятия по общим предметам, и с речевками бег назад в станицу. К десяти часам казачата-курсанты возвращались в семьи и приступали к своим хозяйственно-домашним обязанностям.

В конце апреля удалось «раскрутить» правление станицы на одиннадцать кусков брезента, из которых по моим выкройкам женщины семьи Селеверстовых сшили одиннадцать родных советских плащ-палаток, которые первоначально применялись нами на спортплощадке как подстилка на землю для проведения теста Купера из четырех упражнений на физическую выносливость. Его я также ввел в учебный процесс по физподготовке. Данный силовой комплекс, как его называли в спецназе, состоит из четырех упражнений: отжимания от земли, поднос прыжком колен к груди в упоре лежа, подъем ног за голову в положении лежа на спине и выпрыгивание из приседа до выпрямления ног и туловища. Эти упражнения надо выполнять без остановки сериями – «кругами» по десять повторов каждое упражнение. Чем больше «кругов» – тем лучше результат. В нашей бригаде на ежемесячных зачетах по физподготовке норма была семь «кругов». Через год все курсанты моей школы спецназовский норматив выполняли легко, а вначале мало кто и два «круга» мог пройти и «не сдохнуть».

А с плащ-палаткой вообще песня получилась. Со временем все казачата выучились использовать плащ-палатки не только как подстилку, покрывало, плащ и накидку, но и научились переносить с ее помощью «раненых» и грузы, строить походные палатки на одного, двух, четырех и пять человек, осуществлять светомаскировку и простую маскировку на местности. А после того, как проверяющие процесс обучения в лице атамана Селеверстова и Митяя Широкова увидели наше занятие, на котором в течение пяти минут из десяти плащ-палаток были собраны две походные палатки на пять человек и учебное отделение из десяти казачат с комфортом в них разместилось, пошив плащ-палаток у тети Оли Селеверстовой стали заказывать многие казаки Черняевского округа.

Еще одной вундервафлей в экипировке казачат стал рюкзак десантника по схеме РД-54. Его я ввел в учебный процесс в конце июня, когда в очередной раз удалось раскрутить станичную управу на брезент. За пошив РД расплатились из своей казны, которую стали формировать за счет продажи местному «олигарху» Савинову охотничьих трофеев, которые добывали во время учебных выходов. С учетом того, что младший Савинов учился с нами, деньги за пушнину, мясо, ягоды, грибы мы получали по высшему разряду. Хватало и на учебную казну, и кое-что в семью отдавать, чтобы отцы семейств не ругались, что с каждым месяцем дети заняты учебной все больше и больше, и времени на домашние дела по хозяйству у них нет совсем.

А родной для меня РД-54, с которым я провоевал в Афгане, потом в Баку, Осетии, Нагорном Карабахе, Чечне, Грузии, также быстро прижился среди казаков станицы, особенно у тех, кто промышлял охотой. Удобно. Ременную систему с дополнительными отделениями внутри

рюкзак и РД, одна из переметных сумок на спине лошади. Спустился на землю, РД за ляжки и на плечи, на груди застегнул карабин, изготовленный в станичной кузнице, и вперед.

В комплекте РД, который назвал «ранец диверсанта», я предусмотрел дополнительные отделения, которые крепятся отдельно на ремень. Одно отделение предназначено для саперной лопаты. Эх, МПЛ-50 или малая пехотная лопата длиной пятьдесят сантиметров, или «саперка», сколько солдатских жизней ты спасла! Это и шанцевый инструмент – окоп лежа за восемь-двенадцать минут отрыть, и топор, и отличное холодное оружие для рукопашного боя, и сковорода. В кузне станицы хоть и посмеялись, но одиннадцать лопат из хорошей стали сковали. А чего не сделать, если деньги за такую дурь платят! А черенки мы сами сделали.

На плечевой системе РД слева на уровне груди расположены отделения для метательных ножей, ниже подсумок для аптечки (бинты, марлевые тампоны, жгут, косынка). С правой стороны находятся два подсумка для патронов. Небольшой бурдюк с крепким, под семьдесят градусов самогоном двойного перегона, вместо антисептика кладется сверху в основное отделение рюкзака, которое закрывается на две пуговицы. Внутри рюкзака помещается сухпаек (сахари, сушеная рыба, соленое сало, крупы для кулеша) и необходимые для похода вещи. По бокам расположены отделения, закрывающиеся на пуговицы, там размещены бутылки из бересты или бурдюки с водой. А для еженедельных десятикилометровых марш-бросков в полной боевой, которые начали бегать с августа, в РД упаковывали мешок с песком как балласт-имитатор необходимого для похода в военных условиях груза. Сначала десять фунтов, потом двадцать, через год казачата лосями носились по лесу с общей нагрузкой в два пуда и больше.

Параллельно с физподготовкой и обучением общим предметам, занялся я еще и боевым слаживанием вверенных мне подчиненных. Вспоминая псковскую учебку, а особенно боевые действия в составе 459-й роты СпН в Афганистане, я разбил казачат на три тройки, а Ромку сделал своим заместителем. И теперь на всех занятиях и учебных выходах казачата этих «троек» и спали рядом, и ели, и на всех тренировках по боевой подготовке работали только совместно. Такие занятия через год позволили казачатам в тройках понимать друг друга с полувзгляда, жеста, знака. Именно так нас в свое время учил наш «батя», майор Керимбаев, и, думаю, те из нас, кто выжил в Афгане и дальнейшем лихолетии, очень ему за эту науку благодарны остались. Один в поле не воин. Даже если очень крутой, умелый и везучий. Этому тоже на войне быстро учишься. Раз повезет, другой, а потом зажмут тебя грамотно, и все – сливай воду, чеши грудь. А все только потому, что спину тебе прикрыть некому было.

К концу июля 1889 года закончили «тропу разведчика». На территории размером с футбольное поле разместили чуть больше двадцати различных препятствий. Начиналась тропа с траншеи, из которой надо было выпрыгнуть, дальше бежать через воронки разной глубины метров десять, затем шел участок глубокого песка и болота с пнями длиной двадцать метров, который заканчивался глубоким, метра два с половиной рвом с земляным валом за ним высотой около полутора метров. Преодолевать данный ров можно было либо спрыгиванием в ров и вылезанием из него с помощью товарища, или самостоятельно по канату, конец которого находится на высоте двух метров от дна рва.

Завал из деревьев, оплетенных веревкой, в десять метров был следующей преградой, за ней канава с водой шириной четыре метра и глубиной до метра. Преодолеть канаву надо было прыжком при помощи шеста, подвешенного над канавой. Потом сразу падать и преодолеть ползком участок в двадцать метров под веревками на кольях, натянутых на высоте около сорока сантиметров. И опять ров глубиной два метра с водой и шириной метров шесть, который надо было преодолеть, пробежав по перекинутому через него бревну. Потом участок в десять метров с малозаметными препятствиями (силки и спотыкачи), и дальше деревянные стенки-дзоты с амбразурами различных размеров. Их надо было преодолеть обеганием с предварительным забрасыванием амбразур гранатами-голышами. Далее траншея с ходами сообщения и чучелами для снятия часового. Следующее препятствие – надолбы и колья, расставлен-

ные на участке длиной метров десять, после которого подбегаешь к деревянной стене высотой пять метров с пазами, железными скобами или крючками и приставленной к ней наклонной доской, которую надо перелезть с использованием имеющихся приспособлений, а спуститься с помощью канатов, прикрепленных на другой стороне стены.

Затем наклонные деревянные лестницы высотой до двух с половиной метров со ступеньками разной ширины, которые надо преодолеть взбеганием на лестницу и сбеганием с нее. Потом перепрыгнуть забор высотой больше двух метров и оказаться перед бревном высотой три метра с площадками для прыгивания. Преодолеваешь их влезанием по ступенькам на него с последующим пробеганием и прыгиванием с бревна на площадки, а с них на землю. Далее горизонтальный канат длиной шесть метров, натянутый на деревьях на высоте четырех метров. Влезаешь на дерево, перелезаешь по канату с помощью рук и ног, слезаешь по дереву.

Спрыгнул с дерева, а перед тобой деревянная стена высотой пять метров с отверстиями для пролезания на разной высоте. Где смог, там и перелез. А потом опять меж деревьев на высоте трех метров деревянная лестница. Влез на дерево, перелез лестницу на одних руках, слез по дереву.

Горизонтальные и наклонные качающиеся бревна и доски высотой от одного до двух метров, которые преодолеваются передвижением по ним с перепрыгиванием с одного на другое. Наклонная платформа высотой до четырех метров с отверстиями для прыгивания. Влезаешь по приставленной штурмовой лестнице и прыгаешь в канаву с песком. Все, последний рубеж – огневой рубеж в начале оврага, где мы подготовили стрельбище. Мишени из деревянных чурбаков. Расстояния от пятидесяти до двухсот метров. Овраг «маленький», но стенку-пулеулавливатель пришлось все равно насыпать. После стрельбы, а чаще ее имитации – зигзагообразное возвращение бегом на исходную.

Наворотили, одним словом, столько, что атаман Селеверстов и старейшины станицы, которые прибыли на показ полосы препятствия по окончании ее строительства, в один голос заявили, что казакам такого не надо. Фланкировка пикой, рубка шашкой, наездничество, стрельба – это надо, а то, что построили – это глупость.

На мой вопрос, как будем воевать в горном Китае, ежели война с ним случится, так же в один голос заявили, что начальство умное и казаков в горы не погонит, на то пластуны и пехота есть. В общем, дали команду организовать занятия по наездничеству и стрельбе, но с патронами за свой счет. Выслушав тогда славное станичное руководство, я ответил: «Есть!» и продолжил делать все по-своему. Джигитовку, фланкировку пикой, рубку шашкой решил отложить на зимний период: и падать мягче, и теплая одежда – какая-никакая, а защита от ударов учебной шашкой и пикой. К тому же на материал и шитье хотя бы двух комплектов защиты на лошадь и человека надо было еще заработать. Руководство только ценное указание дало, а про финансирование, как всегда, забыло. Выкручивайся, Аленин Тимофей, как хочешь.

Между тем «тропа разведчиков» мягко вошла в учебный процесс. Сначала изучали преодоление отдельных объектов полосы препятствия, потом стали проходить по несколько объектов за раз, и где-то через пару месяцев начали проходить всю полосу. Были падения, ушибы, растяжения, но, слава богу, переломов, сильных рассечений удалось избежать.

Со стрельбой дела обстояли значительно хуже. Патроны практически отсутствовали, да и оружие у казачат было аховое. Почти все, кроме меня и Ромки, были вооружены винтовками Бердана номер один, или как их называли в России, «стрелковыми винтовками образца 1868 года». Наследие дедов. При этом стволы у этих карамультуков были из-за возраста и длительной эксплуатации не одним поколением казаков сильно расстреляны, да и откидной затвор остро реагировал на сырость, не всегда срабатывал ударник. Поэтому в большей степени на огневой подготовке изучали теорию стрельбы и с помощью сделанных мною прицельных станков типа ПС-51 изучали на практике взятие ровной мушки и правильность прицеливания, однообразие прицеливания, вынос точки прицеливания и решение огневых задач.

В конце сентября ситуация с оружием, к счастью для нас, разрешилась, и разрешилась, как обычно в этом времени, через кровь, слава богу не нашу.

Глава 14

Охота на хунхузов

После 14 сентября, на Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, в станице и округе начался этап окончания уборки гречихи и овощей, а с ним, можно сказать, закончились основные сельскохозяйственные работы. С учетом этого мне хоть и с боем, но удалось заполучить у атамана Селеверстова и старейшин разрешение на большой выход своего учебного отделения до Зейского склада, расположенного на правом берегу реки Зеи. Этот склад был основан в 1879 году как перевалочный пункт и резиденция Верхнеамурской золотодобывающей компании. От этой резиденции, которая за десять лет разрослась до приличного поселения, было сообщение по реке Зея и потом Амуру пароходами, принадлежащими компании, шли колесные дороги к многочисленным приисковым площадям. Также Зейский склад был соединен телеграфом с общей телеграфной сетью империи. От станицы Черняева до Зейского склада было около 150 верст или 200 километров. И была даже не колесная дорога, а вьючная тропа, по которой местами в лесу на коне даже в колонну по одному проехать было трудно.

Запланированный большой выход, с трудом продавленный у руководства станицы (внуки старейшин «ныли» дома с неделю), должен был уложиться в двенадцать дней конно-пешего перехода до Зейского склада и обратно. Кроме самого перехода были запланированы игры в войнушку на свежем воздухе. А если серьезно, то на этот поход мною возлагались следующие основные задачи: научить казачат начальным действиям разведгруппы в тылу врага, рассказать и показать, как маскировать действия разведгруппы, устраивать засады, при этом должны были испытать маскировочные халаты типа «Гилли», которые сделали из рыбачьей сети и крашенных джута, лыка. Также планировалось показать и научить, как ориентироваться на воде и суше, распознавать следы противника и животных, маскировать свои следы и места пребывания всей разведгруппы, преодолевать естественные препятствия. На маршруте было необходимо преодолеть вброд шесть рек туда и обратно. За весь маршрут надо было организовать одиннадцать баз для ночевки и отдыха, а питаться в основном подножным кормом. Вот такие были планы.

Но, как говорится, хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Все случилось на третий день пути, когда ближе к обеду по времени подошли к реке Ольгакан и стали проверять брод. Занимался этим головной дозор, состоящий из тройки Верхотурова Антипа, Вовки Лескова и Данилова Петьки. Во время марша наше отделение придерживалось следующей схемы: впереди головной дозор – первая тройка, вторая тройка и я с Ромкой – основа походной колонны и основные силы, затем тыловой дозор – третья тройка казачат. Головные и тыловые дозоры шли в зоне прямой видимости на расстоянии пятидесяти-ста метров. На боковые дозоры, к сожалению, не хватало численности нашего войска.

Выехав на опушку леса, от которой начинался пологий спуск к реке, я увидел, что Антип, положив свою берданку поперек седла, дал шенкелей своему жеребчику и шагом направился через реку к противоположному берегу. Вовка и Петька по сторонам въезда в реку верхами внимательно смотрели по сторонам, также положив винтовки перед собой на луку седла. Было видно, как Лесков напрягся, приподнялся на стременах, что-то рассматривая, а потом, развернув своего коня, направился к зарослям двухметровой таволги, которые росли метрах в пятидесяти по берегу реки слева от въезда на брод.

Подъехав к зарослям, Вовка спрыгнул с седла и, раздвигая стебли таволги стволом винтовки, медленно вошел в кусты. Через несколько секунд выйдя из них, развернулся в нашу сторону, краснея багровым лицом, и стал семафорить языком сигналов-жестов, применяемых в спецназе, которому я казачат успел хорошо научить за четыре месяца. Вверх раскрытая ладонь – «Внимание», два пальца к своим глазам – «Вижу», показал рукой в сторону зарослей – «Там», жест ладонью перед грудью – «Женщина» и показанный один палец – «Одна».

«Чувствую пятой точкой огромные неприятности, – подумал я. – Кажется, мы конкретно влипли».

Дальнейшие сигналы Вовки Лескова с позывным или прозвищем «Леший», так как был он в учебном отделении лучшим следопытом и охотником, подтвердили мои опасения: «Ребенок», «Один», «Мужчина», «Пять», «Убиты». Характерный жест по горлу Вовка изобразил как-то чересчур резко. В этот момент к нему подъехал Петька и, спрыгнув с коня, зашел в кустарник, через мгновение вывалился оттуда, согнувшись пополам, меча перед собой съеденный завтрак. В отличие от покрасневшего Лескова, Петька Данилов лицом был бел, как его белокурые волосы. Похожий на скандинава, он в отделении получил позывной «Дан», от данов – названия древнего германского племени, населявшего нынешнюю Швецию и Данию. И фамилия Данилов начиналась так же.

По моему требованию все в отделении получили свои позывные. Объяснил я это тем, что в бою по фамилии, да и по имени долго обращаться, поэтому необходим позывной максимум из пяти букв, а лучше из двух-трех. Хотя общения по рациям в ближайшие лет сорок не предвиделось, но практика показывала, что прозвища во время наших совместных занятий у казачат все равно возникнут, поэтому лучше возглавить этот процесс, обозвав прозвища-клички позывными. Так я стал «Тоха» – от Тимохи. Кто-то из казачат предложил мне позывной «Ермак», но я отказался, сказав, что рановато мне такой почетный позывной носить. Остальные казачата также подобрали себе позывные. Ромка стал «Лисом» из-за своих рыжих волос, да и хитростью его бог не обидел, Верхотуров Антип получил позывной «Тур», старший второй тройки Колька Пошивалов – «Шило», Раздобреев Савватей по своему имени – «Сава», Савин Евгений из-за своего умения отлично видеть в темноте получил позывной «Сыч». Жора Шохирев стал «Шахом» и командиром третьей тройки, в которую вошли Филинов Устин с позывным «Ус» и Чупров Феофан, или «Чуб» (оселедец у запорожских казаков назывался «чуприна», «чупра», «чуб»).

Два раза квакнув – все-таки рядом с рекой находимся, – я привлек внимание Антипа, который уже добрался до середины брода. Показав Туру знаком, чтобы он возвращался, а Ромке и второй тройке подав рукой назад знак «Стой», направил своего Чалого к Лескову и Данилову, которые остались стоять с лошадьми в поводу у зарослей.

– Что здесь, Леший? – спросил я Вовку, спрыгивая с коня.

– Женщина с ребенком и пятеро мужчин. Все убиты и обобраны. Судя по следам, убиты сегодня утром.

Вовка отвечал рублеными фразами, сжимая руками цевье и шейку приклада винтовки так, что побелели костяшки. Дан к этому моменту опустил на колени и продолжал блевать уже только тягучей слюной.

– Пойду посмотрю, – я раздвинул заросли кустарника и прошел по протоптанной Вовкой и Петькой тропке.

Да! Картина Репина «Приплыли». Точнее, Льва Соловьева «Монахи. Не туда заехали». На примятых стеблях таволги в ряд лежали обнаженные женщина с ребенком и пятеро мужчин. Женщина лет тридцати, точнее возраст было определить трудно из-за искусанных губ и застывшего на лице выражения муки и боли. Голубые глаза незряче смотрели в чистое небо, роскошные вьющиеся каштановые волосы сбились в колтун с ветками, листвой и сухой травой. Тело женщины было полностью обнажено. Низ живота и внутренняя сторона бедер были все в крови. Огромное количество синяков по всему телу. Каких-либо других повреждений, которые могли привести к смерти, даже перевернув женщину на бок и осмотрев ее со спины, я не обнаружил. Насиловали, долго, со вкусом, до ее кончины, вернее всего сердце не выдержало, подумал я.

Рядом с женщиной застыло тело девочки лет десяти, судя по цвету волос и глаз, ее дочери. Девочка была полностью обнажена, детское тельце все в синяках, а низ живота и бедра также в крови.

«Суки! Твари! Уроды!» И другая трехэтажная латынь металась у меня в голове. Найду, зубами рвать буду! Господи, не допусти, чтобы с моей сестренкой Аленкой такое же было два года назад. «Господи, не допусти!» – думал я, закрывая глаза девочки, на лице которой застыло выражение удивления. Потом закрыл глаза ее матери.

Осмотр также обнаженных тел мужчин показал, что двое, мужчина лет тридцати пяти – сорока и лет двадцати пяти, вернее всего, из господ офицеров. Ладони у них имели характерные мозоли от верховой езды и оружия, а вот от таких орудий труда, как топор, вилы, коса, лопата мозоли явно отсутствовали. Прическа, усы, кожа тела и лица выглядели более холемными, чем у остальных троих, в которых без труда можно было признать молодых казаков строевого разряда чуть старше двадцати лет. Ладони в мозолях, как копыто, загорелая до черноты кожа как на лицах, так и по всему телу, и длинные чубы надо лбами.

Двое казаков были заколоты в спину, еще казак и младший офицер застрелены. На теле старшего мужчины я насчитал три пулевые и две колотые раны. Закончив осмотр тел, я вышел из зарослей и удовлетворенно улыбнулся про себя: занятия по тактике ведения боя дали о себе знать, первая тройка казачат, прикрывшись телами лошадей, оцетинилась стволами винтовок на три стороны света, оставив не перекрытой реку, но при этом Тур периодически косился и в ту сторону.

– Леший, пробегись по следам. Убитых, как мне показалось, с той стороны в заросли заносили, – я указал в сторону начинающейся метрах в ста от реки небольшой березовой рощи.

– Есть! – Вовка перебросил повод с темляком через шею в ноги своего коня. – Стой спокойно, Гнедко.

Погладив ноздри Гнедка и проверив патрон в патроннике, Вовка, чуть пригнувшись, пошел по краю кустарника, направляясь к березовой рощице.

– Дан, Тур, разбираем сектора обстрела и прикрываем Лешего. – Я указал ребятам ориентиры их секторов и сам стал отслеживать ситуацию в своем секторе, напряженно следя и за Вовкой.

Лесков вернулся минут через десять, дойдя до опушки рощицы, покрутившись там и сбегав к берегу реки метров за двести от нас.

– Тоха, на опушке рощи был бивак, где на ночь останавливались убитые. Подошли к ним с той стороны вдоль реки, – Вовка показал вдоль реки в северном направлении, – сделали свое дело, занесли аккуратно тела в заросли, пытаясь особо не наследить, и ушли назад. Завтра мы уже вряд ли нашли бы в этих зарослях тела. Таволга выпрямилась бы, и следов не осталось бы. А тела потом зверье мелкое растащило бы.

– Сколько их было? – спросил я.

– Точно не скажу, – задумался Вовка, – с десятков, может, чуть больше. Все на конях. Добычу погрузили на украденных коней и увезли с собой. На месте бивака ничего не осталось.

– А вещей должно было быть достаточно для путешествия трех их благородий, ребенка и сопровождения из трех казаков, – вслух подумал я. – И куда они перлись?

– Да к нам в станицу и шли, – ответил оклемавшийся Петька Данилов. – Отсюда до Черняева верст шестьдесят будет. Один большой переход. Это мы два дня шли с лишним. Так мы по дороге упражнения различные да вводные твои, Тоха, выполняли.

– Ты прав, Дан, – ответил я. – Больше им действительно идти некуда, только к нам в станицу. А зачем шли? На этот вопрос вряд ли теперь получим ответ.

Задумавшись на несколько секунд, я повернулся в сторону опушки, где застыли наши основные силы, и, вытянув руку вверх, несколько раз изобразил круг над головой. «Собраться вокруг меня» – этот знак говорил о том, что казачата должны были окружить меня в круговой

обороне. Данное упражнение за эти два с половиной дня похода мы отрабатывали каждый раз, как только по дороге попадалась полянка или прогалина в лесу. Да три раза организовывали на переправах через реки.

Раздался топот копыт, и через несколько секунд учебное отделение застыло на урезе воды в круговой обороне, создав какое-то подобие «вагенбурга» или «гуляй-поле», но только из коней. Темляк повода уздечки привязывали к хвостам впереди стоящего коня. Спины и бока коней хоть как-то, но защищали от пуль седла, переметные сумки и РД. Получилась небольшая крепостица, из которой можно было отстреливаться, защищаясь телами лошадей. Такой способ обороны еще в шестнадцатом веке, а может, и раньше использовали донские и запорожские казаки против степняков.

– Тур, Леший, Дан, на три стороны света контролируете подходы. Остальные подошли ко мне. Доведу до вас информацию.

Казачата, оставив коней в круге, подошли ближе и встали передо мной полукругом.

– Господа казаки, головной дозор в лице Лешего обнаружил в зарослях таволги за вашей спиной трупы благородной дамы с ее дочкой лет десяти, двух офицеров и трех казаков, – начал я. – Убиты предположительно сегодня утром. Двух казаков на страже взяли в ножи, остальных троих убили из огнестрелов. Соппротивление оказал только старший по возрасту из офицеров, предположительно, в звании есаула или выше. Женщину и девочку насильовали до их смерти. Потом, спрятав трупы и забрав их вещи, напавшие ушли вдоль реки на север.

– Сколько было нападавших? – задал вопрос побагровевший Шах.

– Предположительно, чуть больше десятка, – ответил я. – Что будем делать?

– А кто это мог быть, Тоха? – вопрос задал Подшивалов.

– Не знаю, Шило. Могут быть и хунхузы, и местные аборигены: нанайцы, орочи, удегейцы и китайские старатели, и наши «охотники за золотом», и любые варнаки-бандиты. Зверья в человеческом облики в этих местах хватает. Но вернее всего, это «вольные старатели». Помните «Желтугинскую республику» в верховьях Амура из пятнадцати тысяч таких старателей? Кого там из народа только не было! И казаков там хватало. Меньше трех лет прошло, как эту республику разгромили китайские войска. Возможно, и здесь где-то лагерь кто-то из «вольных» мог организовать. Притоков, ручьев здесь полно. А золото при удаче намыть где угодно можно.

– А как давно они ушли? – поинтересовался Савватей Раздобреев.

Я не успел ответить, меня опередил Леший:

– Два-три часа назад, Сава. Может, чуть-чуть больше. Хотя вряд ли.

– Так что будем делать? – вновь поднял я самый злободневный во все времена вопрос.

– По моему мнению, нагнать и наказать, – заговорил Ромка, тряхнув своим рыжим чубом. – Нас одиннадцать вооруженных казаков. Разве не справимся? Тоха вон один двадцать одного варнака положил! А мы что, хуже?

Одобрительный гул других казачат показал, что все согласны с Лисом и готовы искать приключения на свои пятые точки. В общем, как один обещают всех бандитов убить и надругаться над телами или сначала надругаться, а уж потом убить. А на самом деле ситуация из разряда «не дергай дракона за хвост, вдруг тот решит оглянуться», но казачата этого не понимают.

– А ты что думаешь, Тоха? – задал мне вопрос мой названный брат Рома Селеверстов.

– Я против.

Десять пар глаз с изумлением уставились на меня, даже Тур, Леший и Дан развернулись в мою сторону.

– Объясняю, почему. Во-первых, варнаки числом в десять или чуть больше человек убили двух офицеров и трех казаков строевого разряда. При этом двух казаков закололи в спину одним ударом. Судя по ранениям, оказать сопротивление смог только старший по возрасту офицер. Из сказанного можно сделать вывод, что варнаки хорошо умеют внезапно напа-

дать, причем не из засады, а подкравшись к казаку, находящемуся в дозоре, и отлично владеют оружием, как холодным, так и огнестрелом. Потерь они не понесли. Еще один плюс к их умениям. Про нашу готовность к таким боевым действиям я ничего положительного сказать не могу.

Я сделал паузу, наблюдая за казачатами, которые в упор смотрели на меня, и не увидел понимания своих слов. У всех в глазах горел азарт охотника, который взял след зверя.

– Во-вторых, судя по следам, варнаки заглянули к убитым на огонек костра их бивака. Сделали свое черное дело и вернулись на свою тропу. Не факт, но весьма возможно, что в конце пути или где-то на тропе в оговоренной точке их ждут товарищи. Как рассказывал мой дед, у хунхузов в основном их разбойничьи ватаги состоят из тридцати – пятидесяти человек. При этом те, о ком мы говорим, не какие-нибудь туфей – обычные бандиты, а мацзей, то есть конные разбойники, которые у хунхузов, можно сказать, гвардия. Если мы столкнемся с такой группой, то нам останется только героически погибнуть.

Смотрю в глаза казачат и понимания не вижу. Выражение на лицах – «кто не с нами, тот против нас». В общем, они все мальчиши-кибальчиши, а я мальчиш-плохиш, который жаждет получить банку варенья да корзину печенья. Ладно! Продолжим.

– В-третьих, если взять во внимание, что варнаки сотворили с женщиной и ее дочкой, желающие потом могут посмотреть, то какими-либо моральными принципами они не отягощены. Зная, что за совершенное преступление им грозит вечная каторга или петля, биться варнаки будут насмерть. А из вас хоть кто-нибудь в своей жизни в человека стрелял, убивал? Сможете не задумываясь нажать на спусковой крючок, глядя в глаза тому, в кого стреляешь?

После этих вопросов, смотрю, кое-кто из казачат опустил глаза в землю, задумавшись о чем-то своем очень важном и интимном.

– В-четвертых, если хоть с кем-нибудь из вас хоть что-то случится, ваши отцы и деды-старейшины меня, сиротинушку, на куски порежут и скажут, что так и было. А мне еще пожить охота!

Тут меня прервал самый неразговорчивый из казачат, Устин Филиппов:

– Тоха, мы все понимаем. Конечно, с одной стороны, нам еще далеко до нормального казака строевого разряда, но с другой, за шесть месяцев ты нас очень многому научил, причем такому, что моя родня, как ты говоришь, офигевает. Когда я деду и отцу рассказываю, чем мы занимались на тренировках, особенно, как ты называешь, на занятиях по тактике ведения боя, то мой батя только головой крутит в восхищении, а дед говорит, что такое не каждый старый пластун-кубанец сообразить мог бы, не говоря уж о забайкальских да наших амурских. Видно, и правда бурлит в тебе кровь твоего предка – Ермака Тимофеевича. То не мои слова, а моего деда. А выстрелить в бандита, я думаю, любой из нас сможет.

«Млять, ну я и кретин! – мысленно дал я себе тумака. – Не мог додуматься до того, что казачата дома будут рассказывать о наших занятиях! А отцы и деды у них отнюдь не дураки, все нововведения сразу смогут вычленивать из рассказов своих деток и внуков. Я тут основы действий групп спецназа двадцать первого века преподаю, а казаки считают, что во мне кровь Ермака бурлит! Лестно, что сказать, очень лестно, но за своим лексиконом из будущего надо следить. Офигевают они! Все, не отвлекаемся».

– И, в-пятых, Ус, командира, пока он не закончил свой доклад, прерывать нельзя. А если серьезно, хрен мы их без потерь возьмем. Но если не попытаемся, то занятия наши прекратятся. Не сможем мы друг другу в глаза смотреть. А посему – смирно! Слушай приказ! – Десять пар засиявших радостью глаз уставились на меня, а я продолжил: – Вторая и третья тройки, вместе с Лисом достаете плащ-палатки и пакуете, заворачиваете трупы убитых и перетаскиваете их к началу тропы от брода в сторону станицы к листовницам, слева от тропы.

Кто-то из казачат – кажется, Сава – судорожно вздохнул. А что вы думали? Война – это когда ты в черной бурке и папахе, с шашкой наголо летишь на белом коне, как Чапаев, рубить

врага? Хренушки!!! Война – это грязь на форме, теле, оружии и в душе. Война – это мокрые вонючие портянки, слизь в промежности и сопревшее белье, заскорузлый от грязи и крови камуфляж и бушлат, которые проще выбросить, чем отстирать. Это злость, тоска и пустота в душе после неудачной операции и полный стакан неразбавленного спирта, позволяющий об этом забыть. В общем, война – это грязь, вонь, голод, постоянное недосыпание, боль – и физическая, и моральная! Раз решили воевать, пускай учатся всему.

– Тур и Дан, начинайте рубить саперными лопатками молодые деревца и делать сугробы, из которых собрать помост на высоте косою сажени между тех двух лиственниц, – я указал на них рукой. – Лис, после того как закончите переносить упакованные трупы, подключаетесь к Туру. На помосте должны разместиться убитые и лишние вещи. В преследование идем налегке. Я и Леший охраняем периметр. Оружие за спиной, готовое к бою. Клювом не щелкать. Вольно. Разойдись.

Где-то через час, закончив с делами по устройству трупов и ненужных в преследовании варнаков вещей на недостижимой для основной массы зверья высоте, тронулись в путь. Я с Лешим в головном дозоре. Ромка, который вел остальную группу, был заинструктирован до слез. Если со мной и Лесковым что-то случится, остальные сразу разворачиваются и наметом уходят в сторону станицы, бросая все, включая запрятанные трупы и вещи. Назад возвращаются только в сопровождении большого отряда взрослых казаков.

Как и предполагалось, метрах в четырехстах от брода, откуда была видна опушка рожицы, где на ночь расположились убитые, обнаружили следы переправы всадников с того берега. Видимо, здесь был еще один брод. Вплавь переплываться в конце сентября через Ольгакан было холодновато. Дальше следы большой группы верховых вели вдоль берега реки на север. Легкой рысцой мы двинулись по ним, периодически делая остановки, во время которых Леший, покидая седло, внимательно изучал следы.

Смеркалось, когда заговорила моя чуйка, которая в прошлой жизни не один раз спасала мою жизнь. Рассмотрев в стороне от проложенной варнаками тропы, которая в этот момент шла через смешанный лес, небольшую полянку, я, оставив Лешего на тропе, свернул на нее. Проверив поляну и ее окрестности, вернулся на тропу и знаками дал команду следовать на поляну, где опять организовали круговую оборону.

– Что случилось? – на правах зама задал мне вопрос Лис.

– Не знаю, но почему-то дальше по тропе мне верхами продвигаться не хочется. Как бы на варнаков не нарваться, – ответил я.

– Мне показалось, что дымом костра пахнуло, – встрял в разговор Леший, – я тоже уже хотел дать команду стоп, но ты, Тоха, меня опередил.

– Вот и ладушки. Сейчас я и Леший в маскхалатах уходим на разведку дальше по тропе. Остальные остаются здесь в круговой обороне. Коням торбы на морды, а то не дай бог кто из них заржет, а варнаки услышат. Если начнется стрельба или мы не вернемся через четыре, максимум пять часов, в седло и аллюром три креста несетесь в станицу. В бой вступать запрещаю категорически.

– Да помним мы все, Тоха, – ответил за всех Ромка, – только это как-то не по-товарищески. Вдруг вам помощь нужна будет.

– Лис, сам помирай, а товарища выручай – эта поговорка не для этого случая, – ответил я. – При раскладе, о котором я говорил еще на броду, погибнем только я и Леший, вы, возможно, спасетесь и сможете потом с казаками нашей сотни отомстить за нас, нагнав бандитов. А вот если сунетесь, то трендец придет всем, а толку не будет. Все! Приказы не обсуждаются, а выполняются. Сколько еще раз мне это повторять?

– Есть если что скакать в станицу, – понутив голову, ответил Ромка.

Достав из РД костюмы «Гилли», состоящие из пончо и капюшона, мы с Лесковым натянули их на себя.

«На десять лет опережаем время», – подумал я про себя. Насколько я помню, первые маскхалаты появились во время второй Англо-бурской войны, после 1900 года, когда в ЮАР из Англии прибыл шотландский полк «Скауты Ловата», состоящий в основном из шотландских охотников. Именно бойцам этого полка приписывают первое официальное использование регулярной армией маскхалата «Гилли», название которого было взято от шотландского мифического существа Гилли Ду, который одевался в одежду из листьев, травы и мха.

На настоящий момент мною было изготовлено только два таких простейших маскхалата. Не было в станице рыбачьей сетки с мелкой ячейкой в один-полтора сантиметра – рыба в Амуре крупная, – а что было, я, купив, израсходовал. Джутовых нитей от мешков и лыка, окрашенного травяными красителями в желтый, черный, коричневый и зеленый цвет разных оттенков, было заготовлено за лето много на всех, а вот с сеткой была проблема.

Попрыгав на месте, чтобы ничего не гремело, я и Леший, провожаемые взглядами казачат, двинулись вдоль тропы через лес, метрах в пяти-десяти сбоку от нее. Хорошо, что тропа шла через редколесье, и можно было даже в сумерках довольно-таки быстро продвигаться между деревьями, не боясь зацепиться маскхалатами за ветки. Такие костюмы больше предназначены для засад, скрытого наблюдения, снайперского огня, а не беготни по лесу.

Тем не менее, преодолев от дерева к дереву минут за двадцать около километра, я замер за деревом, увидев, как шедший впереди Леший подал знак: «Стоп». Вовка шел впереди, потому что он был прирожденным лесовиком, которого отец стал брать на охоту лет с шести. Лучше его никто из нашего учебного отделения, включая меня, не ориентировался в лесу. Да и стрелял Вовка ненамного хуже меня, если лежа с упора и на расстояние до двухсот метров. Тяжелой еще для его роста и массы старая берданка была.

Потом Вовка присел за деревом и знаком подозвал меня к себе.

– Что там? – спросил я Вовку, подобравшись к нему, стараясь не шуршать листвой и не хрустнуть веткой.

– Не пойму, какой-то незнакомый запах оттуда, – Вовка показал вперед в сторону тропы.

Я тихонько втянул в себя воздух. Запах присутствовал, но идентифицировать его я не смог. Застыв на месте, я стал внимательно всматриваться в нагромождение кустов рядом с тропой, на которое указал Лесков. Через пару минут там мелькнул огонек, а в нашу сторону поплыл кисло-сладковатый запах будто бы прелого сена.

Черт! Да это же кто-то опиум курит! А это нагромождение кустов – лежка для дозора. Показав Вовке рукой, что обходим это препятствие по дуге и глубже в лес, двинулись дальше. Метров через триста и двадцать минут осторожного передвижения от дерева к дереву впереди замелькали проблески от костров, а в воздухе повис запах готовящейся пищи. Последние метров двести передвигались по-пластунски. Хорошо, что сухо было.

Подобравшись к крайним деревьям, за которыми открывалась большая поляна, застыли с Вовкой двумя кучками травы и листвы и стали внимательно изучать открывшуюся нам картину. Ничего радостного нам она не сулила. На поляне была организована база для проживания пятидесяти и больше человек. Пятнадцать добротных сделанных шалашей на четыре-пять человек, навес для лошадей с коновязью, где с торбами на морде стояли, хрумкая, тридцать четыре расседланных лошади. Дальше навес с большим столом для приема пищи, отдельно под навесом кухня, даже в стороне была организована выгребная яма с насестом для позы «гордый орел». В общем, грамотная и хорошо организованная стоянка для теплого времени года. В этих шалашах максимум еще месяц жить можно без больших потерь для здоровья. А потом будет холодно.

Среди всех этих строений ходили, сидели хунхузы, и их внешний вид мне абсолютно не нравился. На всех бандитах, которых я видел, были одинаковые однотонные китайские темно-синие куртки и шаровары из дабы и однотипные подбитые красным мехом поддевки, на ногах кожаные короткие сапоги без каблука из толстой свиной кожи. Большинство имело

на голове соломенные шляпы с широкими полями, подбитыми синей материей. Несмотря на то что хунхузы находились на базе, почти на всех перевязи-патронташи с патронами, надетые через плечи, перекрещивались на груди и спине. Вместо пояса – тоже кожаная лента с патронами. За поясом ножи. У некоторых за спиной были двуручные сабли дадао.

А вот винтовки! Я чуть не присвистнул от удивления. Все, у кого было оружие в руках или за спиной, были вооружены однотипными карабинами. Рассмотреть их с такого расстояния было трудно. Единственное, о чем я смог подумать, так это о пятизарядной немецкой комиссионной винтовке «Геве 88», которую приняли на вооружение в Германии в прошлом году, а выпускать большими партиями, насколько я помню, стали весной 1889 года, то есть только четыре-пять месяцев назад.

Если моя восьмизарядная винтовка Маузера 1884 года выпуска большая здесь редкость (где Германия, и где Амур), то откуда такое количество новых винтовок 1889 года выпуска взялось в этих местах и в одном месте? Это у меня не укладывалось в голове. Да и варнаки все как на подбор – молодые, крепкие, рослые, поджарые. Бронзовые лица, уверенность в движениях, большинство без кос. Весь внешний вид и вооружение хунхузов заставляли задуматься о подразделении солдат, а не о банде.

Вскоре удалось определить главаря или командира данного отряда. Это был маньчжур высокого роста, сухой и жилистый. В свете костра удалось разглядеть, что он уже немолод: в его густой косе серебрились седые нити. Лицо властное, да и от всей его фигуры веяло каким-то покоем, огромным самообладанием и силой. Все его распоряжения выполнялись бегом. При этом он не разу не повысил голоса.

«Да, судя по всему, этот дядя свою банду-войско держит в ежовых рукавицах, и оно пойдет за ним в огонь и в воду. Поэтому гасить тебя, дядя, надо в первую очередь», – подумал я.

Минут через двадцать после того, как мы стали наблюдать за базой, хунхузы, слышав удары поварешки о котел, стали собираться под навесом за столом. На кухне перед котлом образовалась очередь. Каждый разбойник получал в свою тарелку из поварешки раздатчика приличную по размерам порцию какого-то варева и кусок то ли хлеба, то ли лепешки. После этого все шли к столу и рассаживались, видимо, по заранее определенным местам. Во главе стола сел вожак, которому порцию принесли из того же котла. У них начался ужин, а я, показав жестами Вовке, что уходим, осторожно двинулся в обратный путь, обдумывая увиденное.

На поляну к своим мы вышли минут через сорок, предупредив их о возвращении условным криком гагары. Собрав казачат вокруг себя, внутри вагенбурга из коней, я тихо отдал приказ:

– Внимание, собираемся, на конь и выдвигаемся назад на юг вдоль реки. Где-то через версту будет большой ручей, который мы форсировали. На южной стороне ручья делаем остановку. В головном дозоре вторая тройка. Лис, третья тройка и Дан с Туром – основные силы, я и Леший – тыловой дозор. Передвигаемся очень тихо, колонной, шагом в пределах видимости. Оружие на луке седла. На остановке у ручья все объясню. Вперед!

Все-таки хорошо я выдрессировал ребят за полгода! Никаких вопросов, молча разобрали лошадей, в седло и в указанном порядке выбрались на тропу. Через десять минут, форсировав ручей-речку шириной метров пятнадцать и глубиной в середине русла под брюхо лошади, остановились.

Подозвав Шило с Сычом, я дал им команду быстро найти дальше на юг вдоль реки полянку, где мы могли бы остановиться на ночь. Остальным дал команду спешиться и собрал их вокруг себя.

– Слушайте внимательно, братья. Дело дрянь! Ниже по реке на север, верстах в двух отсюда большой долговременный лагерь хунхузов, рассчитанный на пятьдесят человек и больше. Сейчас в нем двадцать четыре или двадцать шесть человек – не видел, сколько человек в дозоре с северной стороны их лагеря. Возможно, что кто-то и в шалаше остался спать и

на ужин не вышел. Лошадей в лагере тридцать четыре. Все хунхузы одеты одинаково, очень хорошо вооружены. Если я не ошибаюсь, то пятизарядными винтовками «Гевер». Такие магазинные винтовки только четыре-пять месяцев назад стали выпускать в Германии. При наблюдении за ними у меня создалось впечатление, что это не банда, а армейское подразделение.

– У меня тоже, – вставил свои пять копеек Леший.

– Одним словом, атаковать их – значит подписать себе смертный приговор.

– Тоха, что, даже не поквитаемся? Зачем тогда мы здесь остановились? – подал голос мой зам Лис.

– Самым верным решением, на мой взгляд, является возвращение в станицу. Доставим трупы, сообщим результаты разведки. А дальше пускай у атамана и командования полка голова болит об этих варнаках. – Я оглядел стоявших передо мной казачат и уже в сгустивших сумерках не увидел в их глазах и на лицах понимания, да и не согласный со мной гул-стон восьми глоток прозвучал довольно-таки громко.

– Тоха, – опять взял слово знавший меня лучше всех Ромка, – но ведь зачем-то мы здесь остановились? Ни за что не поверю, что ты не придумал, как нам с хунхузами сквитаться!

– Есть задумка, – не стал я отпираться, – но она очень рискованная. Ее озвучу, если вы все решили воевать и, если надо, умирать.

«Да, мы готовы», «Да!», «Конечно, готовы!» – зазвучало со всех сторон, при этом казачата подтверждали свое согласие энергичными кивками головы.

Вот ведь времечко! Жаль, что ушедшее, точнее, прошедшее для меня из того времени! Здесь тринадцатилетние пацаны, пускай и выглядевшие как парни лет по шестнадцать-восемнадцать, все как один рвутся в бой, зная, что могут погибнуть. Со смертью своих близких и станичников они сталкивались уже неоднократно. А двадцать первый век? В тринадцать лет мальчишка там маленький ребенок, которого чуть ли не за ручку надо в школу водить – вдруг кто обидит по дороге! В восемнадцать лет основная цель мальчишек-детишек – откосить, откупиться от армии, если ты не лох. Со спины по фигурам основную массу молодежи лет пятнадцати-восемнадцати и не различишь, парень это или девчонка. Тем более что среди той молодежи полно и парней с «конскими хвостами», и бритых наголо девчонок. Мода у них такая: «Чем чуднее – тем моднее». А здесь парни готовы поставить свои жизни на кон только за то, что убийство своих, а тем более казаков, никому спускать нельзя. И больше боятся не своей смерти, а осуждения в глазах станичников за трусость.

– Ладно, рискнем! Слушай сюда. Завтра на рассвете готовим на берегу слева и справа от брода через ручей окопы для стрельбы лежа, маскируем их. Сектора обстрела, порядок стрельбы скажу и покажу завтра на месте. На тропе готовите еще три окопа и маскируете их. Это на меня, Лиса и Лешего.

– А вы что будете делать? – спросил Шах.

– Мы втроем снимаем дозор у лагеря, немного постреляем там и быстро-быстро несемся сюда. Как мне кажется, такой наглости хунхузы не вынесут и отправят за нами погоню, которую мы и приведем в нашу V-образную засаду, о которой я вам раньше рассказывал. Смотрите, – я показал справа и слева от себя на берега ручья или небольшой речки, которые песчаными кручами возвышались справа и слева от тропы, – берега брода через ручей образуют изгиб, как седловина, туда надо спуститься, причем желательно шагом, а то по песку можно рухнуть вместе с конем, перейти ручей и подняться по песчаному склону вверх. Думаю, на три-четыре выстрела времени у всех хватит.

– А ты, Тоха, с Лисом и Лешим будете группой прикрытия против тех, кто вдруг вырвется из этой седловины? – довольно закончил Феофан Чупров. – А что? При таком раскладе мы их всех положить сможем, главное не мазать.

– Это точно. Главное в засаде – меткость стрельбы. Первым залпом по разобраным целям необходимо положить восемь хунхузов. Дальше как получится. Но лучше один выстрел

– один мертвый бандит. Да и нам троим надо будет окопы отрыть так, чтобы мы вам помогли огнем, благо небольшая возвышенность местности здесь позволит нам перекрыть противоположный вход-выход из седловины, – отметил в обсуждении Леший.

– А я вам говорил, что Ермак придумает, как нам бандитов к ногтю прижать! – сияя как самовар, заявил Ромка.

– Стоп! – отреагировал я на эту реплику. – Какой Ермак? Мой позывной Тоха.

– Несерьезный какой-то позывной, тем более и мой дед, когда я ему рассказывал о наших занятиях, так же как и дед Уса, атамана Ермака неоднократно вспоминал, и твое происхождение от него, – степенно вступил в разговор младший Шохирев. – Поэтому я за то, чтобы у тебя позывной был «Ермак». А то я – Шах, а ты – Тоха.

Раздавшиеся после этих слов возгласы казачат показали, что они все поддерживают предложение Шаха. Отказываться от такого подарка я не стал. Мой позывной из жизни в будущем вернулся ко мне, пусть пока только в кругу нашего учебного подразделения.

Вскоре вернулись Шило и Сыч, которые нашли метрах в ста от брода и метрах в сорока от тропы в глубине леса небольшой овраг с ручейком, где мы смогли с комфортом разместиться. Напоили лошадей, привязали их к импровизированной коновязи из веток густого кустарника, расседлали, почистили, подвесили на морды торбы с овсом. Теперь можно позаботиться и о себе. Разожгли «полинезийский», практически невидимый со стороны костер, проведя перед этим необходимые земляные работы, и приготовили на нем в двух походных отрядных котлах кулеш и чай. Для ночлега нарубили лапника от растущих недалеко от оврага сибирских елей, на который уложили попоны и оставшиеся плащ-палатки. Оборудовали таким образом два спальных места: одно для меня, Лиса, Лешего, и второе для четырех человек. Одна четверка в дозоре, одна четверка спит. Нам троим, по общему решению казачат, было дано распоряжение спать всю ночь и не дергаться, так как завтра у нас троих самая сложная задача.

Пожинали, Шило со своей тройкой и присоединившийся к ним Дан пошли менять третью тройку Шаха и Тура, которые все это время стояли в дозоре, метрах в десяти-двадцати по периметру от нашей стоянки по одному на все четыре стороны света. Сменившаяся четверка также поужинала, и мы всемером завалились спать. Несмотря на заверения, которые дал казачатам, ночью я вставал два раза. Проверял посты. Часовые несли службу бдительно. Крепко заснул только под утро.

Утром, еще в сумерках, подъем. Заморозка не было, но роса легла сильная, поэтому те, кто не в дозоре, совершили небольшую разминку, потом разогрели остатки вчерашнего кулеша и вскипятили чай. Завтрак, смена дозора. Пока те завтракали, оседлали и взнуздали лошадей. Их решили оставить здесь же, в овраге, кроме трех, на которых мы должны были выманить хунхузов на засаду. Если на броде через ручей хунхузов не положим, то уходить оставшимся в живых лучше пешком через лес. Большая вероятность оторваться от преследования и добраться до станицы. А если победим, то дойти до лошадок – можно сказать, только раз шагнуть.

Еще солнце полностью не взошло, а наша засада уже была готова. Окопы вырыты, замаскированы, казачата в них разместились. Им теперь в течение часа ждать и мысленно отрабатывать огонь по противнику в своем секторе обстрела. Не завидую им. Их ожидает долгий мандраж перед первым боем. Лишь бы не перегорели.

Я в последний раз оглянулся назад, сканируя взглядом затаившихся в окопах казачат. Даже зная, где они находятся, рассмотреть что-либо было невозможно.

«Если все удачно сложится, – подумал я, – то на выходе получим писец врагам и их отчизне, а мы все в белом и на коне. Тьфу-тьфу через оба плеча, чтобы не сглазить».

Дав шенкелей Чалому, двинулся за Лисом и Лешим. Минут через двадцать, пройдя на лошадях около двух верст неторопливым шагом, остановились перед поворотом тропинки и спешились.

– Через двести метров за поворотом, – начал я последний инструктаж и постановку боевой задачи перед боем, – лежки дозорных хунхузов, справа и слева от тропы. Леший, ты с лошадьми остаешься здесь, мы с Лисом через лес по дуге заходим в тыл дозорным и берем их в ножи. Надеюсь, Лис, тренировки, как снимать часовых, когда они стоят на посту или сидят, не забыл?

– Не забыл, Ермак, – ответил Лис, покусывая от волнения нижнюю губу.

– Не трусь, Лис. Я знаю, ты все сделаешь нормально. На тренировках ты часовых снимал лучше всех. А то, что будешь убивать человека... Когда-то все равно придется начинать. – Я сделал паузу, а потом продолжил: – Может быть, именно этот хунхуз, которому ты глотку перережешь, насильничал девчонку, и именно под ним она умерла. В общем, убей эту скотину.

От моих слов в глазах Ромки Селеверстова стало разгораться пламя ненависти, да и Вовка Лесков, который смотрел в сторону лагеря хунхузов, вслушиваясь в лес, непроизвольно сжал рукоятку кинжала, висящего на его поясе, так что костяшки побелели.

– Как снимаем часовых, выходим на тропу, – продолжил я. – Леший, шагом доводишь нам лошадей. Потом уступом на рысях скачем к лагерю хунхузов, я первый, второй Леший, третий Лис. Останавливаемся на тропе перед поляной, не перекрывая друг другу сектор обстрела. Лис, стреляешь первый, тут же разворот и наметом назад к броду. Леший, стреляешь вторым и за Лисом. Я вас прикрываю со своей восьмизарядкой. Переходим брод, лошадей чуть дальше в лес, и возвращаемся в свои окопы. Думаю, разрыв по времени в две-три минуты будет. Должны успеть, а дальше работаем по плану действий в засаде. Вопросы?

Лис и Леший отрицательно мотнули головой.

– Тогда действуем.

Глава 15

Большая победа

Засада удалась. Как и планировали, дозорных сняли чисто и без шума. Ромке только пришлось пощечин надавать, чтобы он пришел в себя, пока Леший подгонял к нам коней. Потом поляна с базой хунхузов. Почти одновременные выстрелы Лиса и Лешего. Попали оба. А я все ждал и искал главаря хунхузов. Чуйка просто орала, что его надо убить. Наконец через растянувшееся, казалось, как бесконечность время, а на самом деле от силы через три-пять секунд после первых выстрелов, он вышел из самого большого шалаша. Мне показалось, что мы даже успели встретиться взглядами, и вожак бандитов усмехнулся, глядя в прорезь целика моей винтовки. Выстрел. Я одними ногами развернул Чалого, одновременно перезаряжая винтовку, дал шенкеля и, громко свистнув, рванул с места галопом по тропе догонять Лиса и Лешего.

Проскакав метров триста, оглянулся назад. За мной метрах в двухстах охлюпкой скакало только два хунхуза, причем только у одного в руках была винтовка, а чем был вооружен второй, я рассмотреть не смог. Леший и Лис скакали метрах в пятидесяти впереди меня. Не воспользоваться такой ситуацией было бы грех, тем более высоко над головой пропела вражеская пуля. Развернувшись через левое плечо в седле назад, я вскинул винтовку и поймал в прицел фигурку хунхуза, который перезаряжал карабин. Выстрел. Черт! Промах. Перезарядка. Свист хунхузской пули, звук ее удара в дерево.

Чуть сбавив скорость галопа Чалого, вновь поворачиваюсь назад. Приклад в плечо, прицел, выстрел. Хунхуза выносит из седла. Теперь можно особо не торопиться. Перезарядка. Останавливаю Чалого, разворачиваюсь и вижу попытку второго хунхуза развернуть своего коня. Выстрел. Преследователей на тропе метров на пятьсот назад не видно, да пока и не слышно. Вновь развернув Чалого, бросаюсь догонять ребят.

Времени перейти ручей, загнать в лес лошадей и залечь в окопы нам троим хватило с избытком. Оставалось только ждать погони. Моя детвора, слава богу, ненужной самостоятельности не проявила. Как лежала тихо в окопах, так и продолжала лежать. Никто не высунулся, пока мы форсировали водную преграду и штурмовали песок выхода из седловины ручья. Когда мы залегли в свои окопы, старшие фланговых групп Шах и Тур криком гагары сообщили, что у них все в норме. Молодцы. Для молодого, не имеющего пока реального боевого опыта бойца дисциплина в таких ситуациях куда важнее умений, которые с опытом придут. Еще один плюс ребятам.

Хунхузы появились минут через десять после того, как мы залегли в окопах. Долго, однако, собирались. К броду они подскакали плотной толпой и в таком же беспорядке стали спускаться к ручью. На том берегу осталось трое бандитов, один из которых стал что-то кричать и размахивать плеткой.

«Это мой клиент, – подумал я, беря его на прицел. – Начальников, которые могут привести эту толпу в порядок и дисциплину, нам не надо». Дождавшись залпа фланговых групп засады, перед которыми хунхузы были как на блюдечке, я мягко потянул спуск. Выстрел, и нового командира вынесло из седла с разбитой головой. Перезарядка. И вижу, что для меня целей больше нет. Оставшихся двух разбойников на том берегу сняли Лис и Леший, а из седловины ни на наш берег, ни назад никто выбираться не хочет. Фланговые группы продолжают вести одиночный огонь, но для нас целей нет. Низ седловины, где скопились хунхузы, мы не простреливаем. Ждем. Еще несколько выстрелов, и тишина. Сигнал Шаха криком-писком еновидной собаки: «Все закончено!»

Я встал из окопа и добил патроном магазин винтовки. Прикрепил к винтовке штык-тесак, прикупленный еще во время зимней поездки в Благовещенск. Дослал девятый патрон в ствол. Предстояла зачистка поля боя. Грязная, но если хочешь выжить, необходимая проце-

дура на войне. «Не выстрелит в спину только мертвый». Данному постулату боевых действий очень быстро обучались молодые бойцы-интернационалисты в Афганистане. Оставил за спиной живого духа, а иногда обычного бача (мальчика) – стал трупом. А какой лучший способ узнать, мертвый или живой противник? Правильно, лучшее доказательство смерти противника – твоя пуля, пробившая его череп, либо штык в сердце.

Сейчас и буду учить казачат очень грязной, но необходимой работе на войне. Патронов мало, и они дорогие, а штык, как говорил Суворов, – «молодец». Тем более и пашки остались притороченными к седлам лошадей, в окопах с ними лежать и воевать неудобно.

Я вышел на край спуска-подъема к броду с нашей стороны и удовлетворенно вздохнул про себя. Получилось. Внизу мешанина из человеческих тел и нескольких лошадиных трупов. Вода в ручье и белый песок по его берегам окрасились кровью. Некоторые лошади стояли, опустив к земле голову, некоторые стали разбредаться вверх и вниз по ручью. Все хунхузы были мертвы или выглядели таковыми. Как говорится: «Это им за наших. Ибо нехер...»

– Вот это мы их навалили! – за моей спиной раздался удивленный возглас Ромки. – Неужели все?

– Нет, Лис, не все. В лагере человека три, максимум шесть осталось, – прикидывая про себя количество трупов, ответил я и перехватил винтовку со штыком, чтобы было удобно колоть вниз. – Сейчас здесь зачистку проведем и будем думать, что делать дальше.

– Что проведем, Ермак? – переспросил подошедший Вовка Лесков.

– Зачистку, Леший. Я сейчас спускаюсь вниз и буду ударом штыка проверять, мертвец лежит, или кто из хунхузов притворился мертвым. Запомните на всю свою жизнь: только мертвый не выстрелит и не ударит в спину. Будете об этом помнить, проживете дольше. А пока идете за мной сзади и прикрываете меня.

Показав знаками Шаху и Туру, которые поднялись из окопов и доложили, что все целы, смотреть за дорогой, как и обговаривали при планировании засады, я с Лисом и Лешим за спиной стал спускаться к броду через ручей. Так, первый красавец лежит, глаза остекленевшие, неподвижно смотрят в небо. Контроль есть контроль. Удар штыком в область сердца. Мерзкий хруст входящего в тело лезвия, и я с трудом выдергиваю винтовку с примкнутым штыком из теперь уж точно мертвого хунхуза. Обходим лошадь, которая стоит, опустив голову вниз, и перебирает мундштуки языком и губами.

Следующий. Этот лежит лицом вниз. Когда до бандита осталось дойти пару шагов, тот неожиданно вскакивает с земли и ударом двуручной сабли, которая лежала под ним, снизу вверх пытается располосовать меня от паха до шеи. Я на рефлексх отпрянул назад, выставив перед собой винтовку, но, завязнув в песке, стал падать на пятую точку и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и хунхуз с третьим глазом во лбу и снесенным затылком упал на спину, не выпустив саблю из своих рук.

Я, приземлившись на пятую точку и чуть не выбив себе зубы затвором винтовки, оглянулся назад. Лис и Леший явно растерялись, что, собственно, вообще не удивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Первым очнулся Леший, сделав несколько шагов в мою сторону.

– Ермак, ты цел? – каким-то сиплым шепотом обратился ко мне Вовка.

Собравшись с силами, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую им руку, встаю. Ноги ватные, мышцы всего тела ощутимо потряхивает от переизбытка адреналина. Винтовка в руках ходит ходуном. Из разбитой затвором верхней губы кровь попадает мне в рот, и ее соленый вкус приводит меня в себя.

– Вот это, господа казаки, и называется зачистка, – сообщил я Лису и Лешему и энергично замахал рукой, показывая остальным казачатам, которые, выскочив из окопов, собирались нестись в нашу сторону, чтобы они оставались на месте и продолжали наблюдение за дорогой.

– Ермак, а как ты успел среагировать? – спросил меня Ромка, облизывая свои пересохшие губы.

– Был готов к тому, что кто-то из хунхузов притворяется мертвым и может напасть, – начал я глубокомысленным тоном, чувствуя, как всего продолжает трясти. – А если честно, то просто повезло, успел нажать на спуск. А перед вами очередное подтверждение неоспоримого правила, которое доводил до вас на тренировках: «Лучший прием рукопашного боя – выстрел в голову».

– Да-а-а уж-ж-ж! – очень похоже на Папанова из кинофильма «Двенадцать стульев» про-изнес Леший.

– Ага, – философски подтвердил Лис.

– Продолжаем зачистку! – я двинулся вперед.

Больше сюрпризов не было. Зачистив четырнадцать хунхузов на этом берегу и выстрелом в голову двоих на другом берегу, так как третий был убит мною в голову, я голосом дал команду казачатам спускаться вниз, оставив дальнотзорного Чуба наблюдать за дорогой.

– Тур, твоя тройка идет и пригоняет сюда наших лошадей, – быстро оглядев подбежавших ко мне казачат, начал я раздавать указания. – Леший, наших трех тоже не забудь.

Тур, Леший и Дан, тут же развернувшись, стали карабкаться по песку вверх из седловины в сторону стоянки наших лошадей.

– Остальные сносим хунхузов вон под тот склон, – я показал рукой на подмытый ручьем нависший над водой берег, – укладываем рядком и начинаем собирать с них трофеи. Берем только оружие, патроны, патронташи, поддевки из меха красного волка – им сносу не будет, кому надо, сапоги. Карманы не забудьте проверить и переметные сумки. Вижу, что висят на некоторых лошадаках. Брать только ценное. – Я перевел дух и продолжил: – Свои карамуль-туки сразу меняйте на винтовки. В подсумки кладете по две пачки, то есть десять патронов, и пачку с пятью патронами в магазин винтовки. Остальное в кучу. Потом разберемся. Кто хочет заменить лошадей, сбрую, седла и другое снаряжение, также быстро меняйте. Времени мало. С собой под выюки берем не больше десяти трофейных лошадей. Остальных оставим здесь.

– А почему не всех? И чего торопиться? Мы же всех хунхузов перебили? – спросил меня Раздобреев Савватей.

А по лицам остальных казачат было видно, что их всех также интересуют ответы на эти вопросы.

– Видишь ли, Савва... Судя по всему, эти хунхузы – дезертиры из циньской конницы. Шао, или взвод по-нашему, у них состоит из пятидесяти всадников, а пэн, или отделение, из десяти. Лагерь у этих варнаков был рассчитан больше, чем на пятьдесят человек. Всех, кого мы с Лешим видели, когда ходили на разведку, то есть двадцать четыре бандита, мы убили. Семнадцать здесь в засаде, двоих сняли в дозоре, трех, включая главаря, в лагере и еще двоих, которые первыми бросились нас преследовать. Но лошадей в лагере было тридцать четыре. Если шесть или больше принадлежало нашим убитым офицерам и казакам, то в лагере, воз-можно, осталось от трех до четырех бандитов.

– И что? Нам их стоит, Ермак, опасаться? – разухабистым голосом перебил меня Женька Савин, которого все еще трясло на адреналине после пережитого боя.

– Нет, Сыч, с этими мы справимся, тем более в лагерь хунхузов надо будет наведаться. Там трофеев, думаю, будет поболее, чем здесь соберем. Но меня очень сильно беспокоит воз-можность нахождения где-то рядом еще трех пэн бандитов. Если эти тридцать всадников сядут нам на хвост, вернее всего, мы от них не оторвемся. Поэтому надо торопиться. Добычу надо брать ту, которая нам по зубам, и которую сможем унести. Не забывайте, нам еще шесть трупов в станицу везти и по дороге туда будет два места на тропе, где только гуськом и с лошадьми в поводу пройти можно. Считайте это паранойей, но если хунхузы нас там догонят, то мы все покойники. Наверное, только головной дозор уйти сможет.

– А что такое паранойя? – задал вопрос Лис.

– Это такое расстройство психики у человека, когда он очень подозрительный и во всем видит опасность для себя. Вот и я боюсь того, что существует еще тридцать бандитов, с которыми мы обязательно столкнемся. А чтобы этого не произошло, быстро все за работу! Бегом!

Казачата, разбившись на пары, порскнули по сторонам, и стали споро перетаскивать трупы хунхузов на указанное мною место. Я притормозил Ромку, и вместе с ним, поймав по трофейной лошадке, мы переправились через ручей, где быстро поймали трех коней, принадлежащих убитым на этой стороне ручья бандитам. Взгромоздив на них поперек седла трупы варнаков, не забыв их карабины, переправились через ручей обратно, где уже полным ходом шла экспроприация нажитого непосильным трудом бандитского добра.

Трофеев уже было взято богато: шестнадцать пятизарядных винтовок «Гевер 88» и одна французская магазинная винтовка системы Лебеля образца 1886 года, большое количество патронташей и патронов в них. На разложенных плащ-палатках, кроме набитых патронташей, дополнительно рассыпью лежало большое количество патронов к винтовкам, поблескивая гильзами бутылочной формы с восьмимиллиметровой тупоконечной пулей. Отдельной кучей лежало больше десятка сабель дадао. Также было затрофеено двенадцать лошадей монгольской породы. Четыре были убиты во время засады, и одну раненую пришлось дорезать, так как пуля перебила ей ногу. Тройка Тура уже пригнала наших лошадей, и почти все казачата меняли на трофейных лошадях монгольские седла на свои казачьи. Почти все трофейные лошадки были высокими молодыми жеребчиками не старше пяти лет. А у Ромки его Гнедко, доставшийся от старшего брата, был уже преклонного двенадцатилетнего возраста. Да и у остальных казачат была такая же картина. Младшие в семье, которым все, включая лошадей, достается от старших братьев. Исключение – Женька Савин и я. Один сын богатого казака-коннозаводчика, а другому два года назад приобрели амурского трехлетнего жеребчика, чтобы он пас лошадиные косяки этого казака-олигарха.

А монголы были хороши. Не ниже жеребцов забайкальской или амурской породы. Больше сто сорока сантиметров в холке, отличного экстерьера, холеные, со стриженными хвостами и гривой. При этом куда менее прихотливы, более выносливы, сообразительны, дружелюбны и надежны, чем остальные породы лошадей. Чувствовалось, что за лошадьми был отличный уход, и они были великолепно выезжены. И все гнедой масти.

Еще на одной плащ-палатке, которая лежала отдельно, высилась кучка кошелей. Спрыгнув с седла и подойдя к кошелькам, я поочередно взвесил их в руке, потом открыл самый легкий, затем самый тяжелый. В первом лежало несколько серебряных юаней и несколько слитков серебра по тридцать шесть грамм. Китайские лянны. Во втором я увидел то, что и предполагал – золотой песок желтого цвета. Только в этом небольшом кошеле весом граммов шестьсот-семьсот высокопробного золотишка было рублей на пятьсот по официальному курсу или на восемьсот и больше, если в том же Благовещенске продавать китайским контрабандистам.

– Лис, я забираю тройку Тура и с ними иду проверить лагерь хунхузов, а ты с остальными пакуешь трофеи. Используйте РД, четыре плащ-палатки для организации выюков. На шести лошадях, которые повезут трупы, седла пусть будут монгольскими, они очень хорошо подойдут к изготовлению волокуш.

– Да чего заморачиваться с волокушами, Ермак! Перекинем через седла и повезем.

– Лис, они уже окоченели. Как ты к седлу труп крепить будешь? А волокуши из жердей быстро сделаем, трупы на них, и повезли. И лошадки беспокоиться меньше будут. Делай как я сказал. Как закончите, выдвигаетесь к броду, где остались наши вещи и покойники. Там ждете нас. Делаете волокуши. Мать и дочь на одну волокушу планируй. Все. Мы поехали. Может, нагоним вас по дороге. Не забудь про охранение на марше.

Через десять минут я с тройкой Тура рысью подъезжал к лагерю, до которого оставалось метров двести. По дороге успели обогнуть четыре трупа хунхузов и взять в повод двух трофей-

ных лошадок. Дав команду остановиться, я и Леший спешили и через лес по дуге двинулись к лагерю, а Тур и Дан остались на месте, съехав с тропы и спрятавшись в кустах леспедецы. Здесь они должны были дожидаться нашего сигнала, что в лагере все чисто.

Добравших до деревьев, окружающих поляну с лагерем, мы с Лешим залегли и стали наблюдать за лагерем. Казалось, что он был пуст, но что-то внутри меня – видимо, опять моя чуйка – не давало подняться и войти в лагерь. Предчувствие – штука странная и не всегда надежная, но я своим научился доверять еще в Афганистане. Бывало, что все вроде бы спокойно на блокпосту или в рейде за караванами или головами духов. Вокруг тишина и благолепие, и вдруг ни с того ни с сего противно, словно зубная боль, начинало что-то ныть внутри. Умные люди (дураки, как правило, погибали первыми) к таким проявлениям «чуйки», как своей, так и кого-то из товарищей, всегда относились с пониманием. Неоднократно лишние крюки по горам наматывали, а позже узнавали, что на утвержденном маршруте нас ждала засада духов, а позже в Чечне – засада боевиков. Информацию по выходу на охоту групп спецназа начали сдавать-продавать еще в Афгане. В Чечне это просто приняло массовый характер. Двумя словами, права старая армейская мудрость: «Лучше перебдеть...»

Вот и сейчас меня похожее предчувствие гложет. Что-то неладно. Не знаю, что именно, не знаю, где, но входить в лагерь не хочется. В этом я уверен. Должны же были остаться в лагере хунхузы. Не всех же мы положили.

Чуйка в который раз не подвела. Минут через десять наших наблюдений из большого шатра главаря вылез бандит, в котором я по косе, обернутой вокруг шеи, узнал повара, раздававшего пищу из котла на вчерашнем ужине банды. Оглянувшись по сторонам, хунхуз достал из шалаша полупустой, но, судя по тому, как его держал бандит, очень тяжелый мешок. Еще раз оглянувшись по сторонам, повар разбойников направился к коновязи, где из пятнадцати лошадей только две были оседланы и увешаны переметными сумками. Дождавшись, когда хунхуз опустит мешок в одну из переметных сумок и вставит ногу в стремя, я взял его на мушку и стал выжимать ход спускового крючка. Но выстрелить не успел. Из кустарника леспедецы, который куртинами рос по окружности поляны, почти напротив меня раздался выстрел, и бандит, попытавшийся вскочить в седло, рухнул на землю.

Я затаился и, вытянув руку в сторону, пригнул голову Вовки, который попытался, приподнявшись, рассмотреть, кто стрелял. Через пару минут из кустов вышел еще один хунхуз, державший в руках карабин. Подойдя к убитому бывшему партнеру по банде, разбойник, ногой проверив наличие жизни в теле хунхузского повара, закинул карабин за спину и стал проверять содержание переметных сумок на двух оседланных жеребчиках. Сесть в седло этому варнаку не дал уже я, прострелив ему голову. Потом, проведя контроль в голову повару, подождал еще минут пять и только после этого встал и двинулся в лагерь, показав знаком Лешему, чтобы он прикрывал меня.

Обойдя лагерь и заглянув во все шалаша, я убедился, что кроме только что убитых двух хунхузов, трупов бандитов, убитых Лешим и Лисом утром, и трупа главаря, который занесли в его шалаш, в лагере больше никого нет.

Выйдя по тропе из лагеря, на повороте на юг дал сигнал Туру и Дану: «Ко мне». Дождавшись их, вскочил на Чалого, и мы втроем въехали в лагерь. Отправив Лешего верхом метров на двести вверх по тропе на север, с Туром и Даном занялись любимым делом казаков и спецназа – сбором трофеев. Хоть и говорят, что на халяву и хлорка творог, и нет для русского человека ничего слаще халявы, потому что халява, по словам Мудрой Совы из мультика про Винни-Пуха, «безвозмездно, то есть дадом», но сбор трофеев для тех, кто этим хоть раз занимался, слаще халявы, потому что перед данным процессом ты еще и вражину завалил, который пытался тебя лишиться жизни. Ты победитель, и теперь твое все имущество врага. Лепота.

Отправив Тура и Дана шерстить шалаша хунхузов с приказом нести все на длинный стол, где бандиты принимали пищу, я направился к переметным сумкам на двух оседланных конях,

из-за которых произошла несколько минут назад драма со смертоубийством шеф-повара местного общепита. С трудом достав из переметной сумки тяжеленный мешок, я развязал его и обнаружил в нем один крупный кожаный мешок, колбаску размером как три моих кулака, но весящий килограммов десять-двенадцать, и шесть кожаных мешков поменьше, каждый из которых весил килограммов по шесть-семь.

Развязав большой мешок, я увидел, что он набит золотыми самородками. В остальных мешках оказался золотой песок, в основном желтого цвета, только в одном песок был красноватого цвета. Завязав все мешки, я распихал их по своим передним переметным сумкам на Чалом и задумался.

Выходит, я был прав в своих размышлениях. Этот так похожий на армейский отряд хунхузов мыл золото, и, скорее всего, посменно. Одна смена моет, другая отдыхает. Намыли прилично. Больше трех пудов. А объем небольшой. В литровую банку входит в среднем как раз пуд или чуть больше. Это зависит от чистоты золота. Если золото 999-й пробы, то в литровой банке его уместится девятнадцать килограмм.

Когда был зимой в Благовещенске, специально зашел в контору, где государственный чиновник скупал золото, намытое старателями с официальными лицензиями. Ценник на стене указывал, что за один золотник золота дается три рубля пятьдесят с чем-то копеек или около восьмисот девяноста рублей и сколько-то там копеек за килограмм. Но там надо было отдать еще 10–12 % налогов, плюс процент на засоренность или плотность песка. Но даже по официальной государственной цене выходило не меньше сорока тысяч. Только сдать его официально мы не сможем, а при контрабандной продаже можно было бы и больше пятидесяти тысяч российских рублей получить. Китайские контрабандисты, как объяснил мне атаман Селеверстов, скупали золотой песок, если перевести в цену за килограмм, по тысяче сто рублей, а самородки – по полторы тысячи рублей.

«Хотя нет, – подумал я про себя. – Самородки продавать не будем. Это будет мой энзэ на черный день, а песочек при будущей поездке в Благовещенск в новом году надо будет продать. Тысячи по три рубликов каждый из нас получит, а это просто бешеные деньги для казачьей семьи. Никаких забот и хлопот лет на десять, если не больше. А если их еще и в дело вложить, то вообще все в шоколаде получится. Только пока о данной находке казачатам ничего говорить не буду. Если, тьфу-тьфу, доберемся удачно, то потом разбирательств с официальными властями будет много. Хватит с властей других трофеев и драгметаллов, что с тел в кошельках насобираем. Из них, правда, “премию” казачатам надо будет выделить, а остальное сдать. А о сорока с лишком килограммах золота, особенно о самородках, молчим».

Из задумчивости меня вывел Тур:

– Ермак, я там узел с одеждой женской нашел и нашей формой. Казаки, вернее всего, из Екатерининской сотни, а офицеры – подполковник и капитан – из каких-то инженерных частей. Каких полков, не знаю. Я таких погон не видел. Берем?

– Обязательно. Что мы, покойных гольшом или в дерюге комиссии, которая в станицу обязательно прибудет, представим? Ускоряемся, Тур. Быстро собираем все самое ценное и уходим отсюда.

– Ермак, а коней заберем?

– Тур, их семнадцать штук. Мы их как погоним почти семьдесят верст по тропам? Тем более уверен, что Лис и с ручья всех лошадок, несмотря на запрет, заберет.

– Ермак, но ты посмотри, какие красавцы! Давай их хотя бы до брода через Ольгакан догоним, а там лучших с собой отберем, а остальных, включая наших «старичков», оставим, а потом со взрослыми казаками за ними вернемся. За два-три дня с ними не должно беды случиться. Оставим их в овраге рядом с бродом, где родник с ручьем нашли. Ну, Ермак, тут всего-то десять верст до брода! И тропа широкая. Быстро догоним!

– Уговорил, черт речистый. Меня самого вот такая жаба душит! – я развел руки в стороны на всю ширину.

– Какая еще жаба? – удивленно уставился на меня Антип.

– Да хворь есть такая, называется «грудная жаба». Это когда сильно болит в груди и человеку кажется, что он дышать не может. Вот и я, как подумаю, сколько всего придется бросить, ни вздохнуть, ни выдохнуть не могу.

– Ну тогда, Ермак, меня жаба больше твоей душит! – хохотнул Тур. – Коней берем?

– Берем, берем. Давайте быстрее.

Управились где-то за час. Под выюками оказалось шесть коней. Из самого ценного, кроме золота, нашлись в одном из шалашей два полных ящика с патронами к «Гевер 88», каждый на полторы тысячи штук. Можно сказать, что минимум полторы тысячи рублей на патронах наше подразделение сэкономило. Эти патроны в трофеи не пойдут, иначе меня жаба задушит точно. Поэтому надо думать, где запрятать то, что в трофеи сдавать не будем. Вернее всего, придется по перелескам с какой-нибудь тройкой обогнуть станицу и попрятать все на моем хуторе, и только после этого всем отрядом входить на улицу Черняева. Решив этот важный для моей жабы вопрос, я выбрал в трофеях крепкий кожаный мешок, наполнил его маслом и пошел выполнять еще более грязную работу войны.

– Ермак, зачем ты это делаешь?

Бледный как полотно Дан смотрел, как я отрезаю у очередного трупа хунхуза правое ухо и закидываю его в мешок. Хорошо, что он не видел, как я в шалаше отрезал голову предводителю бандитов и упаковал ее в этот же мешок, погрузив в кедровое масло, которого много нашлось на кухне. «Дичаю... – думал я про себя при той процедуре. – Бошку главарю отрезал как цыпленку, никаких особых переживаний. Хотя такая практика совсем недавно присутствовала в боевых действиях на Кавказе».

– Для отчетности, Дан, – ответил я, закинув последний трофей в мешок. – Вряд ли нам поверят, что мы двадцать шесть бандитов убили и при этом никто из нас даже не был ранен. Трофеи мы собрали, конечно, знатные, но доказательства нужны.

– Какие-то они зверские, доказательства, – высказался подошедший Тур, судорожно дернув кадыком.

– Мне дед рассказывал, – завязывая мешок, ответил я, – что во время войны с черкесами на Кавказе, которая закончилась всего-то тридцать лет назад, была такая негласная традиция – «с черкесами по-черкески». Черкесы любили своим врагам головы отрубать, а потом хранить их как знаки своей доблести. Глядя на них, кубанские казаки и солдаты-линейцы, убив горца, отрезали тому правое ухо или большой палец правой руки, на котором обычно черкесы носили кольцо – золотое, серебряное, медное или железное, чтобы взводить тугие курки своих кремневых ружей. А если же удавалось убить влиятельного горца – главу отряда или князя противника, то отрубали и голову напоказ, как трофей.

– Не может быть, – не поверил Дан.

– Деду об этом кубанцы рассказывали, с которыми они вместе воевали во время Венгерского похода, – продолжил я. – Правда или нет, но с их слов, сам барон Засс, командующий Кубанской линией, поддерживал черкесский обычай отрубать у мертвых неприятелей головы. А на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа, где штаб линии располагался, постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру.

– Что-то слабо верится в эти ужасы, – поддержал Дана Тур.

– С волками жить – по-волчьи выть. Правда – неправда! Я вам сколько уже говорю, что война – это грязь и вонь! Мне, думаете, приятно уши да бошки резать? Да я чуть не переблевался!

– Ладно, Ермак, остынь. Надо, значит надо. Ты командир, тебе решать! – Тур примирительно поднял ладони перед собой вверх.

Покончив с трофеями, собрали всех коняшек и двинули в обратный путь, подбирая «зверские» трофеи. На переправе, где устроили засаду, остановились только затем, чтобы пополнить мешок ушами хунхузов и обрушить на их трупы песчаный откос берега, под которым их сложили. Чем меньше следов, тем лучше.

Через три часа соединились с остальным отрядом на переправе через реку Ольгакан. Отправил Ромку наблюдать за тропой, откуда прибыли, быстро соорудили волокуши типа индейских «травуа». Два срубленных небольших дерева с обрубленными ветками прикреплены к седлу и связаны между собой перед высокой передней лукой монгольского седла. Сзади на шести, также перевязанные между собой, на подложку из веток сложили завернутые в плащ-палатки трупы офицеров, казаков и женщины с ребенком.

«М-да... – думал я. – Шесть волокуш, двенадцать вьючных. Караван уже в двадцать девять лошадок получается. В колонну по одному больше ста пятидесяти метров. А эти проглоты еще по заводной лошади требуют. Все, принимаю волевое командирское решение».

– Тур, Шило, Шах, ко мне! – буквально прорычал я.

Вызванные мною командиры троек подбежали ко мне, удивленно переглядываясь между собой. Такого командирского рыка они от меня еще ни разу не слышали.

– Браты, слушай приказ, – начал я уже нормальным голосом. – Тур, Дана в распоряжение Шаха. Сам вместе с Лешим в головной дозор. Выходите немедленно. Находитесь в зоне видимости основной группы.

Получивший приказ Тур продолжал стоять передо мной.

– Кому ждем? Тур, приказа не слышал? Вперед!

Тур, развернувшись, побежал к своему коню, на ходу раздавая распоряжения Лешему и Дану.

– Шило, ты со своими берешь по две волокуши заводными и выдвигаетесь за головным дозором. Дистанция не дальше пятидесяти – ста шагов. Держите Тура и Лешего перед глазами. Вперед!

– Ермак, у меня Сыч захотел своего амурца на монгола поменять. Какой-то жеребчик из тех, что вы пригнали, ему понравился. – Подшивалов вопрошающе уставился на меня.

– Коля, сопливых вовремя целуют. Не успел, значит опоздал. Перед станицей из вьючных выберет, либо дождетя, когда остатки трофеев да наших жеребчиков-стариков в станицу пригонят. Отец Женьке не откажет, отожмет у казаков понравившегося монгола. А сейчас времени нет. Все, разговоры закончили. Быстрее, быстрее! Вперед! – Я в нетерпении подтолкнул Шило, заставляя его быстрее поворачиваться.

– Шах, ты со своими и ты, Дан, берете по три вьючных и выдвигаетесь за шиловской тройкой. Где вести в поводу, где цугом, определитесь сами, не маленькие. Все ясно?

– Ясно, Ермак. Сейчас выдвинемся. А что с остальными лошадьми? – Григорий, как всегда, был основательным и неторопливым.

– Остальных мы с Ромкой загоним в овраг. Где-то через две версты по тропе в сторону станицы будет глубокий овраг с родником и ручьем, мы его еще на кроки тропы из-за этого нанесли. Вот туда оставшихся коней и загоним. По боковинам оврага они подняться не смогут, а выходы с двух сторон веревками перекроем. Вода там есть, травы немного осталось. Три, максимум четыре дня переживут. Только бы хищники не напали.

– Хорошее решение. Вы только седла, на ком остались, снимите да мундштуки выньте.

– Шах, кто два года косяки Савина пас? Не учи отца, и баста!

Рассмеявшийся Шохирев хлопнул меня по плечу и побежал к своей тройке, где его ждал еще и Дан.

Пока я разговаривал с Шахом, Тур и Леший уже скрылись в лесу, двигаясь по тропе в сторону станицы. Шило, Сыч и Сава разбирали коней с волокушами, готовясь выступить в путь.

«Молодцы! – подумал я. – Быстро выдвигаются. Главное – дать волшебный пендель, а то еще бы целый час собирались, пока коней выбирали. Хорошо хоть, между собой не переругались из-за добычи».

За остаток дня прошли по тропе вдоль речек Дактунак и Улаган, добрались до речки Тыгды и, форсировав ее вброд, встали лагерем на ночь. Высокий берег Тыгды и ее ширина с глубиной брода позволила бы отбиться от преследователей, если бы те догнали нас в этом месте.

Ночь прошла спокойно, и с утра, когда только забрезжило, наш караван двинулся скорым маршем дальше. Оставалось каких-то тридцать верст до станицы, при этом почти пятнадцать из них по удобному берегу реки Источная, от которой до станицы пара верст оставалось. Уже к вечеру в первых сумерках вышли к озеру Большое, где нас ожидала неожиданная и, можно сказать, неприятная встреча. И это когда вдаль уже виднелись дома станицы.

«Хреново, – думал я, покачиваясь в седле в такт шагам Чалого. – И надо же было в трех верстах от станицы встретиться на тропе с отцом Лешего, который отправился на охоту! Теперь он с отрядом возвращается в станицу, а мы, точнее я, не успели спрятать некоторые трофеи. Ладно, с учетом суматохи, которая возникнет при нашем возвращении, заныкаю золото и патроны на дворе у Селеверстовых, потом перетащу к себе».

Въехали в станицу и направились к майдану у сборной избы, обрастая по дороге зрителями.

- Смотри, все на новых жеребчиках!
- Винтовки-то у всех какие-то не наши?!
- Двенадцать вьючных.
- А на волкушах кого везут, вроде бы все целые?
- Сумки переметные у всех набиты!!!
- Где они были?

Гул все нарастал. Когда въехали на площадь и разместили всех лошадей, вокруг нашего отряда в круге собралось больше половины населения станицы, а на крыльце сборной избы стояли атаман Селеверстов, старейшины Давыд Шохирев, Митрофан Савин и Иван Лунин, да отец Дана, приказный Данилов, который исполнял в станице должность писаря.

Выехав чуть вперед, я дал команду знаками «Внимание» и «В линию». Дождавшись, когда все казачата на лошадях выстроятся влево от меня в одну шеренгу, скомандовал: «Слезай». Сам соскользнул с седла, перебросил поводья через голову Чалого и шепнул ему на ухо: «Стой смирно». Казачата между тем также соскользнули с седел и застыли слева от своих лошадей по всем правилам устава строевой казачьей службы.

Я вышел перед строем и, тихо приказав стоять и ждать дальнейших распоряжений, развернулся кругом и направился к крыльцу сборной избы. Поднявшись на крыльцо, я склонился к уху Селеверстова:

- Дядько Петро, лучше не при всех докладывать!

Атаман внимательно посмотрел мне в глаза и, ничего не сказав, направился в сени сборной избы, а из них в приказную комнату. За ним потянулись старейшины, писарь, последним зашел я.

Селеверстов сел за свой стол и, дождавшись, когда старейшины разместятся на гостевой лавке, а Данилов за своим столом, мрачно произнес:

- Докладывай.

– Господин атаман, на третий день похода учебного отряда по маршруту станица Черняева – Зейская пристань после полудня на броне через Ольгакан головной дозор в лице Лескова Владимира обнаружил в зарослях таволги, которые росли вдоль реки шагах в двадцати от брода, мертвые тела молодой женщины с ребенком, двух офицеров и трех казаков.

Селеверстов и Данилов поднялись из-за своих столов, пытаясь что-то сказать, но тут раздался удар клюки об пол и жесткий голос старика Шохирева:

– Продолжай! А вы тихо там!

Я продолжил:

– Осмотр места преступления и тел убитых показал, что во время бивака двое казаков были зарезаны, один казак и офицер застрелены. Соппротивление оказал только старший по возрасту офицер, у него два огнестрельных и три ранения от холодного оружия. Женщину и ее, вернее всего, дочь лет десяти насильовали, пока они не умерли.

– И как ты это определил? – с какой-то неприятной ухмылкой поинтересовался Данилов.

– А ну помолчи! – повысил голос старейшина Лунин.

– Когда осмотрите покойниц, сами поймете! – продолжил я. – Нападение, судя по следам, совершило чуть больше десяти варнаков. На общем круге было решено их преследовать. Где-то в десяти верстах по берегу Ольгакан на север был обнаружен лагерь варнаков, рассчитанный на пятьдесят и более человек, в котором находилось двадцать шесть хунхузов.

– Вот ёк-макарёк! – это уже подал голос старейшина Савин.

– С учетом позднего времени, нападение на лагерь было перенесено на утро следующего дня.

– Какое нападение? – Атаман Селеверстов, на глазах краснея лицом, поднялся из-за стола. – Ты что, Тимоха, совсем заигрался в сказочного богатыря? На подвиги потянуло?

– А ну молчать!!! Сел на место! – такого рыка от старика Шохирева никто не ожидал. – Продолжай, Тимофей!

Атаман плюхнулся на табурет, а я продолжил:

– Несмотря на то что я был против нападения на хунхузов, мы были вынуждены это сделать, иначе не смогли бы в глаза смотреть друг другу. В общем, на следующее утро в двух верстах от лагеря на берегу брода через ручей организовали засаду, где засели в окопах восемь казачат, а я с Ромкой и Вовкой осуществили нападение на лагерь. Сняли кинжалами с Ромкой двух часовых, потом застрелили в лагере трех бандитов, включая их главаря, а дальше на хвосте привели оставшихся хунхузов в засаду, где их всех и положили. Одним словом, вентерь.

– Да-а-а... Вентерь... – произнес Митрофан Савин и замолчал.

– И что, всех двадцать шесть хунхузов убили? – с каким-то недоверием спросил старик Шохирев.

– Так точно, дедушка Давид. Всех положили. Что смогли из трофеев, собрали в засаде и в лагере, и аллюром в станицу.

– И куда же вы, герои, так спешили? – ехидно спросил Данилов.

– Судя по всему, эти хунхузы были дезертирами из циньской конницы. Практически все одинаково одеты, с одинаковой амуницией, вооружены все винтовками «Гевер 88», которые начали выпускать в Германии полгода назад. Мне об этой винтовке рассказывал зимой кореец в Благовещенске, у которого я патроны для своей восьмизарядки покупал. Каким образом этими новейшими винтовками оказались бандиты вооружены, я не могу себе представить! А вот то, что где-то рядом еще три пэн хунхузов, судя по размеру лагеря, могло находиться, я представлял себе легко. Поэтому собрали, что смогли увезти, забрали покойных, и быстрее в станицу. Главное, все целые остались. Раненых нет. Жалко, шестнадцать лошадей пришлось оставить в одном большом переходе от станицы, да и лагерь очень быстро осмотрели. Там добра осталось!!! – Я закатил глаза к потолку и присвистнул.

– Кхе... Тимоха, а ты, часом, не врешь нам? – Выцветшие глаза старика Шохирева, не мигая, уставились на меня.

– Дедушка Давид, да как мне врать-то. Трупы найденных убитых на волокушах, трофеи во вьюках. Да коней трофейных только двадцать семь голов пригнали. Все казачата на молодых монголов-жеребчиков пересели.

– Убитые кто, выяснили? – спросил старейшина Лунин.

– Нашли их обмундирование в лагере. Судя по погонам, казаки, вернее всего, из Екатеринбургской сотни, а офицеры – подполковник и капитан из инженерного полка, но какого, я не знаю. Платья барышни и девочки также нашли. В плащ-палатки покойные голышом, как мы их нашли, завернуты. Документы, может быть, где-то и есть, надо выюки потрошить да и с трофеями разобраться.

– Да погоди ты с трофеями... – махнул рукой атаман.

– Нет уж, господин атаман. Одиннадцать винтовок «Гевер 88» и по тридцать патронов к каждой, монголы-жеребчики, которых казачата выбрали, серебра по сто рублей каждому, поддевки из меха красного волка, ну и остального по мелочи мой отряд забирает! А свое старье сдает для передачи в Благовещенск. Надо только лошадей пригнать! – Я, набычившись, уставился на Селеверстова.

– Кхе-хе, ха-ха, ха-ха-ха... – раздался булькающий смех Шохирева, к которому вскоре присоединились старейшины Савин и Лунин.

Данилов улыбался, а мы с атаманом продолжали сверлить друг друга взглядами.

– Эх, – прекращая смеяться, заговорил старейшина Шохирев. – Жалко, Афанасий не дожил до сегодняшнего дня, а то увидел бы, какого внука-атамана вырастил. Ермак! Вылитый Ермак! Настоящий атаман! – Шохирев вытер слезящиеся глаза и продолжил: – Хватит, Петро, его взглядом бодать. Пора на круг выходить. Распускай казачат, им и так досталось. Покойных на ледник к Сычеву, трофеи в сборную горницу. Лишних лошадей пока к Савину на постой.

«Да, вот что значит больше десяти лет атаманствовал в свое время Давыд Шохирев. Три предложения – и всем понятно, что делать», – подумал я.

Все поднялись и направились на выход. Уже около двери в сени меня нагнал вопрос в спину старика Шохирева:

– Тимофей, неужели все трофеи здесь? Или захоронку где организовали?

Я повернулся лицом к казакам и с сожалением произнес:

– Да не успели, в трех верстах от станицы на тропе дядьку Михаила Лескова встретили. А так, конечно, хотели кое-что в обход ко мне на хутор отвезти, до того как в станицу войти. Эх! Раньше надо было!

Мой глубокий вздох-выдох вызвал новый взрыв смеха казаков. Отсмеявшись, вышли на крыльцо, с которого увидели, как Подшивалов Алексей и Анисим Чупров пытаются вывести из строя своих сыновей.

– Что значит не положено? – Немного поддатый отец Чуба стоял перед сыном, тыкая ему указательным пальцем в грудь. – Тебе отец говорит идти домой или кто?! Что значит Ермак приказал ждать дальнейших распоряжений? Какой Ермак?

А рядом аналогичный диалог Подшивалова с Шило под смешки окруживших площадь казаков.

– Господа станичники! – голос атамана Селеверстова навис над площадью, застав всех замолчать. – Во время учебного выхода казачата обнаружили убитыми хунхузами трех казаков Екатеринбургской сотни, двух офицеров и молодую женщину с ребенком. Несмотря на молодость, ими было принято решение нагнать по следам убийц и наказать их. Это им удалось. Двадцать шесть бандитов было ими уничтожено, а убитых хунхузами и трофеи наши казачата привезли в станицу.

Тишина на майдане взорвалась криками, среди которых звучали сомнения в рассказе атамана.

– Станичники, я понимаю, что в это тяжело поверить, но тела убитых на волокушах и выюки с трофеями говорят о том, что это правда. Поэтому казачата учебного отряда сейчас заносят выюки с трофеями в сборную горницу и потом свободны.

«Фууу... – мысленно я выдохнул про себя. – Сейчас в сумерках спрячем сумки с патронами и золотом. А остальное все в горницу».

Между тем Селеверстов продолжал раздавать команды. Из толпы станичников, окружившей отряд, стали выходить казаки, которые взяли под уздцы лошадей с волокушами и повели их к леднику у фельдшерского дома Сычева.

Я подбежал к строю казачат и дал команду разгружать вьюки и переметные сумки, при этом шепнув, чтобы последними разгружали мешки с патронами. Ящики с патронами было неудобно везти, поэтому упаковки патрон и пачки переложили в четыре непромокаемых кожаных мешка, которые нашли в лагере хунхузов. В наступившей сутолке и темноте сумки с патронами и мешки с золотом удалось незаметно переправить на двор Селеверстовых и спрятать на сеновале. Отнеся трофеи в сборную горницу, казачата разъехались по домам, я же хотел остаться на дележе трофеев, но был вежливо отправлен домой, но не к себе, а к Селеверстовым.

Плюнув на все, мы вместе с Ромкой разобрали свои вещи, почистили оружие, сходили в баню, благо вернулись из похода в субботу, потом плотно поели, удовлетворив во время ужина и последующего чаепития любопытство большой семьи Селеверстовых о наших приключениях. Так и не дождавшись атамана Селеверстова, завалились спать.

Глава 16

Кто виноват?

Утро выдалось беспокойным. Разбудил нас с Ромкой посыльный казачек из окружного правления.

– Тимофей, поднимайся быстрее, – дергал меня за ногу двенадцатилетний Мишка Башуров. – Тебя атаман кличет! Бегом, сказали!

– Чего случилось-то? – почти одновременно произнесли я и Ромка, вылезая из-под шкур-одеял.

– Сегодня рано утром два парохода пришли и пристали у станицы. Какое-то большое начальство прибыло. Ругается сильно. Атамана грозит на каторгу сослать! – залпом выпалил Мишка.

– Кто грозит-то? – спросил я Мишку, натягивая шаровары и наматывая портянки.

– Дядька дюже строгий. Одет богато. Ему даже ротмистр, который казаками командует, не перечит.

– А меня чего зовут?

– А я знаю! Меня приказный Данилов за тобой послал. Бегом сказал, да еще ухо крутанул. Больно!

Быстро собравшись и умывшись, я вместе с Ромкой и Мишкой побежал к сборной избе, на крыльце которой меня ждал приказный Данилов.

– Так, выглядишь нормально. – Данилов крутанул меня на триста шестьдесят градусов. – Постарайся много не говорить. Так точно. Никак нет. Понял?

– Так точно! – браво рявкнул я. – Кого хоть там принесло?

– Целого надворного советника из горной службы да нашего командира первой Албазинской сотни ротмистра Печенкина.

– А чего они зверствуют? Мишка сказал, что каторгой грозят?

– Ох, Тимоха! Ты знаешь, кого мертвыми привез?

– Откуда?

– Опознал их надворный советник. Женщина мертвая – это баронесса Колокольцева, троюродная племянница нашего генерал-губернатора Корфа. Подполковник – ее муж, командир отдельной Восточно-Сибирской саперной роты во Владивостоке. Батя у него контрадмирал и начальник Обуховского сталелитейного завода в Санкт-Петербурге. Капитан – заместитель у подполковника. Вот надворный советник рвет и мечет. Они, оказывается, должны были к нам в станицу из Зейской пристани прибыть, чтобы на пароход сесть. По телеграфу с надворным советником договаривались, когда он еще в Покровской был неделю назад.

– Ой-ой-ой! – выдохнул я. – Тяжко там дядьке Петро приходится! А меня чего вызвали?

– Из первых уст хотят все услышать. Иди, давай, заждались их благородия. – Данилов подтолкнул меня к двери в сборную горницу.

«Ну, как пел Цой: “Пожелай мне удачи в бою!”» – подумал я, открывая дверь.

– Ваше высокоблагородие, Тимофей Аленин по вашему приказанию прибыл! – выпалил я, перешагнув порог и вытянувшись во фрунт.

В сборной горнице кроме атамана Селеверстова и вахмистра Шохирева находился есаул, точнее, ротмистр в форме Амурского казачьего полка и субъект в неизвестной мне чиновничьей форме, взглянув на которого, я подумал: «Ой, блин, приехали. Вот это не повезло! Чуть глянул на данного господина, и сразу ясно – мало того что дурак, так еще и в образе».

– Рассказывайте, Аленин, – с какой-то барской брезгливостью произнес чиновник.

– О чем, ваше высокоблагородие? – включил кнопку «дурак» уже я, преданно поедая глазами высокое начальство.

– Как вы обнаружили барона с баронессой и остальных.

– Двадцать четвертого сентября после полудня на броне через Ольгакан, в зарослях таволги, – бодро отрапортовал я.

– Почему вы им не помогли? – Оловянные глаза чиновника, не мигая, уставились на меня.

– Кому не помогли? – Я в недоумении уставился на расспрашивающего меня чиновника. – Мы же их мертвыми нашли!

– Почему не помогли раньше, когда они были живые?

От такой постановки вопроса я впал в ступор, но спустя пару секунд все же ответил:

– Так мы же не знали, что они идут по тропе нам навстречу и что на них хунхузы нападут.

– Значит, атаман Селеверстов не посылал вас встретить барона Колокольцева и иже с ним? – Оловянные глаза надворного советника неотрывно наблюдали за моим лицом.

– Никак нет, выше высокоблагородие, мы просто вышли в поход по маршруту от станицы Черняева до Зейской пристани и обратно. Один из казачат учебного отряда с отцом ходил по этому маршруту в прошлом году, поэтому заплутать мы не боялись. А то, что их благородия нам навстречу идут по тропе, повторюсь, мы не знали. Но потом за их смерть мы с хунхузами рассчитались.

Выслушав меня, надворный советник развернулся к атаману Селеверстову и произнес:

– Что ж, ваши слова о том, что вы не знали о том, что барон Колокольцев движется с Зейской пристани в сторону станицы этот молодой казак подтверждает. Но все равно, атаман, я вам не завидую. В зоне ответственности вашего округа погибли барон с баронессой и их дочь, при этом баронесса – племянница самого генерал-губернатора Корфа! – Надворный советник покачал головой.

– Так, ваше высокоблагородие, с телеграфа же приносили журнал учета. Не было в наш округ телеграммы об их высокоблагородиях. Не знали мы, что они к нам в станицу вышли. – Селеверстов, несмотря на прохладу в горнице, вытер рукавом пот со лба.

«Да, старая как мир история: поиск козла отпущения, – думал я, анализируя сложившуюся в горнице обстановку. – Убийство племянницы самого приамурского генерал-губернатора повлечет большие разбирательства и последствия. И, судя по всему, наш бравый горный чиновник уже определил на роль “за все виноватого” дядьку Петро. “Зона ответственности вашего округа”! Хорошо придумал! Грамотный! Козел!!!»

– Аленин, – чиновник повернулся в мою сторону, – что можешь рассказать о лагере бандитов?

– Летний лагерь на шестьдесят-семьдесят человек. Пятнадцать шалашей на четыре-пять человек. Большой навес для лошадей, голов на семьдесят. Длинный стол под навесом для приема пищи. Кухня под навесом с печью на два больших котла. Обустроенный родник. Даже отхожее место организовали. При этом все нечистоты ручей уносит в Ольгакан. В лагере было очень чисто. – В этот момент я увидел, как вахмистр Шохирев, стараясь незаметно для других, делает мне знак рукой, типа хватит, и замолчал.

– И ты с казачатами убил двадцать шесть хунхузов? Так? – Его высокоблагородие опять выпучил на меня свои оловянные глаза.

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– А может, вы просто брошенное бандитами старье собрали на покинутой стоянке да ненужных из-за старости лошадей пригнали? Какие доказательства еще есть?

«Оба-на! Угол-шоу! – подумал я, глядя на семафорящих глазами Селеверстова и Шохирева. – Это что же они в качестве трофеев показали чинуше?» Вслух же произнес:

– Есть доказательства! – чем вверх Селеверстова и Шохирева в предынфарктное состояние. – Только их лучше на улице смотреть. Разрешите за ними сбегать? Я быстро!

Получив разрешение от горного чиновника, я метнулся за мешком со «зверскими» трофеями. Дождавшись когда позванные Даниловым гости, атаман и вахмистр спустятся с крыльца и подойдут ко мне, вывалил на пожухшую траву свои трофеи.

– Варвары! Звери! – шипел сквозь зубы надворный советник, вытирая платком рот, после того как закончил обильно освобождать желудок от завтрака, а может, и ужина.

Ротмистр, изрядно побагровевший, носком сапога пошевелил несколько блестящих от масла ушей, спросил:

– Что это?

– Двадцать пять правых ушей убитых хунхузов и голова главаря этой банды, ваше благородие, – ответил я.

Чиновник, продолжавший что-то бормотать себе под нос, нетвердой походкой направился к крыльцу сборной избы, а ротмистр, закурив папиросу, попросил меня поднять голову главаря. Сдерживая рвотные позывы, я за косу поднял голову хунхуза.

– Какой у него был рост? – спросил меня ротмистр.

– Побольше церковной сажени, но чуть пониже вахмистра Шохирева. Только по ширине меньше вахмистра в два раза. Такой поджарый, легкий, лет пятидесяти. Он мне своими движениями чем-то рысь напомнил.

Ротмистр стяхнул пепел, еще раз внимательно осмотрел голову главаря хунхузов и произнес:

– Я могу ошибаться, но по тем рисункам и описаниям главарей хунхузов, которые нам выдавали, скорее всего, вы убили Лю Ханьцзы, или Золотого Лю. Он был сотником в циньской коннице. Около пяти лет назад дезертировал вместе со своей сотней из китайской армии. С тех пор он и его банда специализируются на добыче золота и контрабанде спирта. Только вот трофеи не соответствуют. Хунхузы Золотого Лю славятся своим отличным вооружением и конями.

Ротмистр Печенкин внимательно посмотрел на Селеверстова и Шохирева.

– Опять с трофеями мухлюете, атаман? – Командир Абазинской сотни затоптал выкуренную папиросу. – Голову в мешок, залить медом или маслом. Отправим ее в канцелярию генерал-губернатора для опознания. Если подтвердится, что это Золотой Лю, то получишь, Аленин, за него награду в тысячу рублей. Да и генерал-губернатор Корф поменьше зверствовать будет! – Ротмистр посмотрел на бегущего к сборной избе почтового работника и продолжил: – О трофеях позже поговорим. А теперь пойдете к надворному советнику Мейстеру. Похоже, Алексей Викентьевич получил ответ по телеграфу из Хабаровки.

Ротмистр с атаманом и Шохиревым пошли к крыльцу, на котором господин Мейстер читал телеграмму, а я, положив голову хунхуза в мешок, собрал и сложил туда же отрубленные уши. Не оставлять же такую пакость на улице. После этого направился домой к Селеверстовым, так как никто меня не позвал, а Мейстер в сопровождении ротмистра, атамана и вахмистра с телеграфистом скрылись в сборной избе.

Часа через два домой пришел Селеверстов с Шохиревым и позвали меня в горницу.

– Ну, Тимоха, ты, млять, даешь! – Атаман Селеверстов, сев на стул, стукнул кулаком по столу. – Ты чего нам вчера про свои доказательства не сказал?

– Да забыл я!

– Хе-хе, варвар, скиф, зверь, вандал и еще кто-то там! – вступил в разговор Митяй Широкий. – Это о тебе так его высокоблагородие говорил. Надо же, уши и ббшку отрезал для доказательства – и забыл. Зверь, натуральный зверь. Хе-хе-хе...

– Значит, так, Тимоха, – прервал смех вахмистра Селеверстов. – По указанию генерал-губернатора назначена экспедиция для проверки лагеря хунхузов и их поимки. Старшим назначен надворный советник Мейстер.

– Дядька Петро, а он кто такой?

– Он, Тимоха, очень большой чин, целый заместитель начальника Зейского горно-полицейского округа. Чуть ли не к государю вхож, по слухам. Здесь сопровождает с горной стражей два парохода, на которых драгу на царский золотой прииск везут. Механизм такой. А ротмистр Печенкин с полусотней эти пароходы по берегу охраняет.

– В общем, в поход идет полусотня Печенкина, исправник и двадцать горных стражников, и я с десятком казаков, – сказал вахмистр Шохирев. – Так что рассказывай, как до лагеря добраться. Нам весь отряд вести.

Я рассказал все Шохиреву, а потом еще и отцу Лешего, казаку Михаилу Лескову. Показал кроки, перерисовал их, отдав Шохиреву, отметил овраг, где спрятали лошадей, и места возможных засад. На это Шохирев и Лесков поулыбались, а Лесков-старший пробормотал под нос: «Яйца курицу учат».

Ближе к полудню большой отряд казаков и горных стражников вышел в поход, а станица зажила своей жизнью. Только два парохода, стоящие на якорях у станицы, говорили о свершившихся событиях.

Я после ухода отряда отвез мешок со «зверскими» трофеями фельдшеру Сычеву с приказом от атамана подготовить голову главаря хунгузов к отправке в канцелярию генерал-губернатора. Потом, прихватив мешки с патронами и золотом, вместе с Ромкой уехал к себе на хутор.

С утра следующего дня зарядка всем отделением, уборка в нашей казарме, на полигоне, завтрак, который мы вечером приготовили с Ромкой, потом изучали новые винтовки. Слава богу, никто из отцов и дедов на эти трофеи не покусился. На прицельных станках выставили мушки, потом отстреляли по два-три патрона, пристреливая оружие, потом стали его чистить. На этом занятия закончились. Следующий день также прошел спокойно.

А вот на третий день выхода отряда к нам на полигон верхом прилетел посыльный Мишка Башуров с известиями, что в станицу вернулись наши казаки, побитые и с убитыми. Мы бегом рванули в станицу. Когда прибежали к майдану у сборной избы, там собралась чуть ли не вся станица. К крыльцу было не пробиться. На площади стояло много лошадей, через спину которых были перекинута трупы в основном горных стражников, но были и в казачьей форме. В одном из коней Ромка признал своего Гнедко. Потолкавшись в толпе, ушли с Ромкой домой, дожидаться атамана дома, чтобы узнать новости из первых уст.

Селеверстов пришел домой только к обеду. Собрал всю родню в горнице, рассадив за столом, и кратко обрисовал ситуацию:

– Отряд дошел до ручья, где Тимоха с казачатами устроили засаду на хунгузов. Там что-то не понравилось Лескову, и он с тремя казаками ушел в разведку, обходя брод через лес. Надворный советник Мейстер не стал дожидаться возвращения дозора и вместе с горными стражниками двинулся через ручей, их там всех почти и положили хунгузы. Ротмистр Печенкин дал команду спешиться и наступать в рассыпном строю. В этот момент Лесков с казаками в тыл ударили. В общем, бандитов с засады сбили, но потеряли убитыми восемнадцать стражников, исправника, надворного советника и трех казаков. Убитыми нашли только двух хунгузов.

В этот момент в горницу вошли Шохирев и Лесков.

– Рассказываешь, атаман? – Шохирев присел на ближайший к нему табурет, а Лесков прислонился к косяку двери в комнату.

– Рассказываю, Митяй.

– Вот так вот, Тимофей, – нашел меня глазами вахмистр Шохирев. – Как ты говорил, так нас и взяли в засаду.

– А я еще смеялся, что яйца курицу учат, – подал голос от порога Лесков. – Если бы не послушал тебя, Тимофей, и не пошел в обход брода, меня там бы и положили.

– Вы чего пришли? – спросил Селеверстов.

– Спасибо Тимофею пришли сказать. Если бы не он, то наши бы казаки первыми через ручей пошли. Тогда бы не горных стражников, а наш десяток положили. – Шохирев встал и поклонился, а за ним мне поклонился Лесков.

– Господин вахмистр, дядька Михаил, а как вы в станицу вернулись?

– Ротмистр Печенкин дал команду нашему десятку и оставшимся стражникам собрать убитых, раненых и отправляться с ними в станицу, а сам с оставшимися казаками кинулся в погоню за хунхузами. – Митяй нервно вертел в своих лапищах фуражку. – Вот мы и вернулись. Заодно и ваших лошадей из оврага пригнали. Н-да! Сходили постричь овец, а вернулись стрижеными. Ладно хоть никто из станичников не погиб. А вот трое казаков из Албазинской станицы отдали Богу душу, да еще двое ранены. Хорошо хоть, что легко. Сами в седлах до станицы добрались.

– Господин вахмистр, а в засаде хунхузов много было? – задал вопрос Митяю.

– Стреляли часто, а вот сколько их было, не скажу. У них патроны на бездымном порохе. Не разберешь, откуда стреляют. Но стражников положили быстро. Да и по нам потом стреляли метко да часто. – Митяй, приладив фуражку на колено, разглаживал ее верх.

– Мы когда им в тыл ударили, я варнаков пятнадцать насчитал, – задумчиво проговорил Лесков. – Может, и больше было. Они сначала по берегу Ольгакан, прячась за деревьями, отбежали в сторону своего лагеря, а потом в лес отошли.

– Чего-то опасешься, Тимофей? – задал вопрос атаман.

– Опасаюсь, дядька Петро. – Я задумчиво потер правой рукой подбородок. – Ротмистр Печенкин говорил, что с Золотым Лю дезертировала вся его сотня. Его лагерь у Ольгакана мог вместить и сотню. В тесноте, да не в обиде. Как бы казаки не нарвались на полусотню хунхузов! Пятнадцать хунхузов двадцать стражников зараз положили. А если вся оставшаяся банда вооружена пятизарядными винтовками, боюсь, худо будет нашей полусотне. Тем более хунхузы те края знают, а наши нет. Никто же вверх по Ольгакану не ходил. Заманят еще раз в засаду, и амба всем.

– Что предлагаешь, Тимофей? – задал вопрос Селеверстов.

– Давай, Ермак, учи куриц, – усмехнулся вахмистр.

– Предлагаю выдвинуть мое учебное отделение и десяток господина вахмистра в распадок у истока реки Дактунак. Это верст сорок от станицы. Там по распадку тысячу шагов надо идти одноконь и в поводу. Если на противоположном склоне засесть в засаду по верху сопки, то вся тропа как на ладони будет и уйти бандитам будет некуда. Мы когда в походе были, я прикинул, что коней можно оставить в глубоком овраге за версту до распадка, рядом с ним можно речку перейти и начинать подъем на противоположный от тропы крутой склон сопки Дактун.

– И что нам это даст? – спросил Лесков, а атаман и Шохирев с таким же вопросом в глазах уставились на меня.

– Другого ближайшего пути от Зейской пристани к нам в станицу нет. Если албазинцы будут возвращаться, имея на хвосте хунхузов, мы их стряхнем и подарим все трофеи полусотне. Ротмистру Печенкину после смерти надворного советника Мейстера кровь из носу нужна победная репликация для генерал-губернатора. Я готов ему и голову Золотого Лю подарить, лишь бы он по нашим трофеям дальше не дознавался. Да и Мейстер хотел из дядьки Петро козла отпущения за смерть племянницы генерала Корфа сделать. Так что надо будет поделиться с начальством трофеями.

– Ну ты и завернул, Тимоха! – в изумлении покрутил головой атаман Селеверстов.

– А если полусотню побиили, то лучшего места для встречи хунхузов, задумай они напасть на станицу, нет. Там мы точно всю банду удержим. Обойти тот распадок по ближайшим сопкам – не один день уйдет, да и то если только пешими, – продолжил я.

– А что, толково! – Шохирев поочередно посмотрел на меня, атамана и Лескова. – Лучшего и не придумаешь. Ну что, атаман, командуй!

– А-а-а... – Селеверстов махнул рукой, поднимаясь из-за стола. – Командуйте сами. Прав Тимоха, из-за смерти баронессы и этого горного чина не атаманствовать мне дальше. Снимут!

– Да ладно, Петро, перебедем. – Лесков подошел к атаману и положил ему руку на плечо. – Может быть, все и хорошо закончится.

– Спасибо, Михайло. Может, и обойдется.

– Ермак, я наших поднимаю! – влез в разговор Ромка.

– Поднимай, Лис.

– Ермак, ядрено-кучерено! – покрутил головой Лесков. – А с другой стороны, почему бы и нет. Заслужил. Мой вон Леший.

– Хе-хе, а мой младшой братишка – Шах, – усмехнулся Шохирев. – Давай, Ермак, собирай своих. Собираемся у мостков на Большом озере через час. Продуктов берите дня на три-четыре.

До намеченного распадка на реке Дактунак добрались ближе к полудню следующего дня. По дороге никто не попался. Ночь прошла спокойно. Казаки, но не все, удивились нашим походным палаткам на четыре человека, которые мы на биваке собрали из восьми плащ-палаток. Шесть оставалось в отряде, да две у меня в запас хранилось. И оценили наш «полинезийский» костер для приготовления пищи, который Михаил Лесков назвал «разбойничьим».

Оставив в овраге лошадей и Дана с Усом для их охраны, двинулись через реку, отправив отца и сына Лесковых в дозор. Через пару часов выбрались на крутой склон сопки, с середины которого просматривался весь километровый распадок, по которому текли воды реки Дактунак. Быстро соорудили из камней замаскированные и защищенные лежки для стрельбы метров через десять друг от друга, перекрыв почти двести метров противоположной тропы. Выставили дозоры и в глубокой ложбине на склоне сопки организовали стоянку. Оставалось ждать неизвестно чего.

Когда солнце начало скрываться за сопкой, на стоянку прибежал Чуб, который, как самый зоркий, стоял в дальнем дозоре.

– Кто-то идет по тропе, – запыхавшись, сообщил он. – Птицы над деревьями поднялись. Минут через двадцать эти кто-то должны появиться в распадке.

– Так, все в укрытия, – начал распоряжаться вахмистр Широкий. – Стрелять только по моей команде. Цели разбираем, как договорились. Первым стреляют казачата. Мы следом. Всем все понятно?

Казаки и казачата закивали головами.

– Тогда по местам и замерли, – закончил инструктаж Митяй Широкий.

Как и предсказал Феофан Чупров, где-то через двадцать минут на тропе появились первые казаки албазинской сотни.

«Хорошо потрепали станичников, – думал я, глядя на проходившие мимо нас остатки албазинской полусотни. – Двенадцать убитых или тяжелораненых перекинуты через спины лошадей, казаков двадцать перевязанных, но сидящих в седле, включая ротмистра с перебинтованной головой, без фуражки. Целых не больше десятка осталось».

По ранней договоренности, мы никак не проявили себя при прохождении по тропе мимо нас казаков первой сотни. Надо было выяснить, идет кто за ними или нет, не демаскируя засаду. Узнали об этом быстро. Не успели еще последние казаки выйти из распадка, углубившись в лес, как с другой стороны появились первые хунхузы. Передвигалась первая пятерка бандитов пешком, ловко лавируя между камней на тропе.

Со стороны углубившихся в лес казаков раздался выстрел, и пятерка хунхузов залегла за камнями. В ответ из них никто не выстрелил. Незаметно было, чтобы кого-то из них зацепило. Варнаки пролежали минут пять, потом разом, видимо по команде, поднялись и начали движение вперед по тропе. Со стороны ушедших казаков по ним больше никто не стрелял.

Когда дозорная пятерка хунхузов достигла середины распадка, в нем появились конные бандиты. Достаточно быстро первый варнак из конной цепочки достиг середины распадка, а пешая пятерка уже готова была войти в лес. В этот момент прозвучала команда Шохирева: «Стреляй!»

Находясь на левом фланге нашей засады, я уже пару минут держал на мушке одного из пятерки пеших бандитов. Услышав команду, мягко потянул спуск. Один готов. Сто пятьдесят метров для меня идеальное для стрельбы расстояние. Быстрая перезарядка. Ищу глазами вторую цель. А хунхузы молодцы. Быстро сориентировались. Оставшиеся четыре бандита залегли за камни и целились в нашу сторону.

«Это что же, кроме меня никто по этой пятерке не попал? – подумал я. – Смотреть вправо от себя нет времени. Так, вот она, цель! Спрятался, говоришь, за большой валун, но голова и правое плечо мне видны».

Выстрел. Минус два. В этот момент пуля ударила в камень моей амбразуры и с визгом ушла рикошетом.

Перезарядка и смена позиции. Посмотрел, как дела у остальных. Очень неплохо! Из тридцати конных хунхузов отстреливался дай боже десяток. Остальные лежали на камнях бесформенными кучками. Заполз в запасную лежку и стал искать того бандита-снайпера, который заставил меня покинуть прежнюю позицию. Выстрел и визг рикошета от амбразуры моей прежней лежки. Нашел. Между двух валунов. Молодец, китаеза, наверняка отличный охотник.

«Высунулся, целишься. Ну-ну. До свидания». Я мягко выбрал ход спускового крючка. Выстрел, минус три. Оставшиеся двое из пеших хунхузов, которых обстреливали Лис и Шах, не выдержали и побежали к лесу. Нет, ребята, бегать от пули – это умереть уставшим. На этот раз Лис и Шах не промахнулись.

Стрельба постепенно стихала. На правом фланге щелкнула еще пара выстрелов, и наступила тишина. По переключке установили, что все целы, кроме казака запасного разряда Петра Гусевского – он не ответил. Позже выяснилось, что Гусевский был тяжело ранен в грудь.

Казаки стали подниматься со своих лежек, казачата же продолжали лежать, ожидая моей команды. Как оказалось, не зря. Раздался выстрел, и отставной казак Василий Ананьев упал с простреленной головой. Затрещали выстрелы. Вставшие во весь рост казаки стреляли в сторону валуна, за которым спрятался выстреливший хунхуз.

Вдруг раздался выстрел со стороны начала распадка, куда ушли албазинцы, и убитый бандит вывалился из-за валуна.

«Черт, отвлекся!» – подумал я, наблюдая, как в распадок въезжают казаки албазинской полусотни. Впереди был ротмистр Печенкин. Рядом с ним какой-то казак опускал от плеча карабин.

«Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве, – хмыкнул про себя я. – А казак молодец, метров с двухсот с седла положил вражину. Мне-то отсюда его не достать было».

Вот на этом и закончилась наша эпопея в борьбе с хунхузами, результатом которой стало вооружение всех казачат учебного отряда пятизарядными винтовками «Гевер 88». Удалось сохранить и всех монголов-жеребчиков, заныканые патроны к винтовкам, поддевок на меху красного волка досталось по две штуки на брата, даже по сто рублей ассигнациями каждому дали. Как и о чем договорились с ротмистром атаман Селеверстов и другие казаки, не знаю, но официальная версия стала выглядеть так.

Казачата станицы Черняева отправились на длительную охоту и на переправе реки Ольгакан нашли мертвых барона с баронессой и их сопровождение. Привезли трупы в станицу, куда в это же время прибыл на двух пароходах надворный советник Мейстер и охранявшая пароходы полусотня албазинцев во главе с ротмистром Печенкиным.

По распоряжению из канцелярии генерал-губернатора, полусотня албазинцев, десяток черняевцев и двадцать горных стражников под руководством господина Мейстера вышли на поиски хунхузов. Около реки Ольгакан были обнаружены следы варнаков, но при преследовании банды отряд попал в засаду, в которой погиб надворный советник Мейстер и большинство горных стражников. Отправив десяток казаков из станицы Черняева с убитыми назад в станицу, ротмистр Печенкин продолжил преследование банды. В результате умелого командования командиром первой албазинской сотни, несмотря на потери в пятнадцать казаков, была уничтожена банда Золотого Лю в количестве шестидесяти двух хунхузов. Как доказательства данного успеха в канцелярию генерал-губернаторства были представлены голова Золотого Лю, правые уши шестидесяти хунхузов, большое количество трофеев. В общем, Печенкину досталась слава и награда, а нам большинство трофеев.

Жалко только, дядьку Петра с атаманства сняли. Не в открытую, но была рекомендация сверху о замене атамана на выборах. И с января 1890 года после выборов атаманом Черняевского округа стал Савин Иван Митрофанович.

Особой поддержки от него нашему учебному отряду не было, но и не мешал. Правда, и цену за лесные трофеи перестал давать высокую, но это нас особо не волновало, так как к концу января каждый из казачат нашего учебного отделения получил от меня по две с половиной тысячи рублей. Удалось удачно съездить в Благовещенск.

Глава 17

Золото

Когда я поражал надворного советника и директора Благовещенской женской гимназии Петра Ивановича Бекетова своими знаниями, то даже не предполагал, с какими трудностями мне придется столкнуться при сдаче экзаменов за шестилетний курс Благовещенской мужской гимназии.

Как выяснилось из программы экзаменов, которую мне представил Бекетов, необходимо было сдать экзамены: по русскому языку, по истории всех разделов, то есть древнего мира, отечественной, всеобщей; арифметике, алгебре, геометрии, физике, географии, Закону Божьему. И что самое страшное для меня – по немецкому, французскому, латинскому и древнегреческому языкам.

Как мне рассказал протоирей Ташлыков, для поступления в военное училище нужен был аттестат об окончании полного курса восьмилетней гимназии. Поэтому основной контингент юнкерских училищ составляли дворянские дети, желавшие служить в офицерских званиях, но в силу своих умственных способностей завалившие в седьмом классе гимназии латинский язык или в восьмом классе древнегреческий. При этом даже без древнегреческого, с аттестатом за шесть классов, можно было поступать сразу во второй выпускной класс юнкерского училища.

Кандидаты для учебы из проходящих службу солдатских унтер-офицеров и казачьих урядников поступали, как правило, в подготовительный класс юнкерского училища с экзаменом по особым облегченным программам и учились три года.

Окончившие двухгодичное юнкерское училище по первому разряду производились при выпуске в офицеры по XII классу табеля о рангах: подпоручик в пехоту, корнет в кавалерию и хорунжий в казачьи войска.

Окончившие курс по второму разряду выпускались в свои полки в старших унтер-офицерских званиях: подпрапорщиками, эстандарт-юнкерами и подхорунжими. Дальнейшее производство в офицерские звания производилось не иначе как по удостаиванию непосредственного начальства.

В общем числе оканчивающих юнкерское училища выпускаемые по первому разряду составляли весьма незначительный процент, а большинство выпускаемых по второму разряду не имели требуемого образовательного ценза. В результате этого долгие годы ожидали в «подофицерах» производства в офицеры, достигая первого офицерского чина тогда, когда их сверстники по выпуску из военных училищ успевали далеко уйти вперед по пути служебной карьеры.

При этом необходимо было отметить, что если своей служебной подготовкой и знанием быта нижних чинов выпускаемые из юнкерских училищ, особенно из числа унтер-офицеров и урядников, значительно превосходили офицеров, окончивших курс военных училищ, то по общему образованию и теоретической военной подготовке они значительно им уступали. Вследствие этого в пехотных и кавалерийских войсках состав офицеров распался на две группы – окончивших военные и юнкерские училища. Выпускники юнкерских училищ назначались на ответственные должности командиров отдельных частей сравнительно редко и обыкновенно заканчивали свою карьеру в чине подполковника или войскового старшины у казаков.

Вот и пришлось мне в течение года основательно посидеть за учебниками, особо напирая на иностранные языки. Благо опыт изучения неродного языка в прошлой жизни был: английский на отличном уровне, пушту, фарси, дари и чеченский на уровне «нормально допросить пленного». Как мне говорил преподаватель английского языка в рязанском училище: «Курсант Аленин, у вас феноменальная память на лексику и грамматику иностранного языка, а производству может позавидовать выпускник иныза». И это подтверждалось на практике сначала в

Афганистане, еще до училища, где у меня как-то само собой пошли и пушту, и фарси, а потом на первой чеченской войне чеченский.

Моим учителем в станице стал протоирей Ташлыков. Закончивший Санкт-Петербургскую семинарию с отличием Сан Саныч все необходимые четыре языка знал очень хорошо. Педагог из него оказался также отличным. Бекетов и те две замечательные женщины, которые у меня принимали экзамен, все необходимые учебники, словари, справочники мне предоставили, положив в мешок. Новых знаний я никогда не боялся и к новому 1890 году все четыре языка и другие дисциплины я освоил, по мнению Ташлыкова, если и не по первому разряду, то на неплохом уровне для сдачи экзаменов.

В Благовещенск после Нового года и Рождества Христова в большом обозе поехали без бывшего атамана Селеверстова. Хотя и старался Петр Никодимович не показывать обиды из-за своего смещения с должности, но со стороны это было хорошо видно. Поэтому чтобы не отвечать на расспросы знакомых и родни во время поездки на ярмарку в Благовещенск, старшиной обоза семьи Селеверстовых им был назначен старший сын Степан. Я и Ромка ехали на отдельных санях, в которых везли добытые нами меха и шкуры, а также различное имущество семьи на продажу. Отдельно в санях ехал запятанный мешок с золотым песком.

В этот раз обоз без происшествий дошел до Благовещенска за двенадцать дней. Остановились опять у купца Чурина. На следующий день я отпросился у Степана и на гостинодворскую ярмарку не пошел, а направился решать золотой вопрос. Для этого я в первую очередь нашел Митяя Широкого, который с членами обоза семейства Шохиревых остановился в соседних номерах заезжего дома.

Митяй сидел в харчевне в гордом одиночестве и за дальним от стойки столом. Судя по его виду, вахмистр Шохирев активно поправлял испорченное накануне здоровье.

– Здоровья, господин вахмистр, – обратился я к Митяю.

– А-а-а... Ермак! – Шохирев поднял на меня мутный взгляд. – Мы же с тобой еще в распадке на Дактунак договорились, что можешь меня звать Дмитрий, для Митяя молод еще. Так какого?.. Садись!

Я сел за стол и продолжил:

– Дмитрий, есть выгодное дело.

– И насколько выгодное? – усмехнулся вахмистр.

– Если выгорит, то ты и два или три помощника, которых ты подберешь, получают три тысячи рублей или больше.

– Что за дело? – Взгляд Шохирева стал жестким и внимательным. Весь хмель с него мгновенно слетел.

– Мне надо контрабандистам сдать золотой песок. Много. Нужна защита, и желательно не из наших станичников. Чтобы на станичный обоз не навести.

– Много – это сколько?

– Побольше двух пудов.

– Сколько?! – Казалось, глаза Митяя от изумления сделались в два раза больше. – И где же ты столько нашел? Хотя чего спрашивать! У хунхузов в лагере. Больше нигде.

– Там и нашел, – усмехнулся я. – Теперь надеюсь продать и по три тысячи рублей каждому из казачат моего отряда выдать.

– Ну, Ермак, за ноги тебя и об угол. Два пуда! Охренеть. Вот это я понимаю, затрофеил. И что, никто не знает?

– Здесь уже Ромке сказал.

– А почему Селеверстовым не открылся?

– Побоялся, Дмитрий, как бы столько золота все добро, что они для меня сделали, не перевесило.

– Да уж! – Митяй обеими ладонями растер лицо. – Это же с ума сойти! Два пуда. Ух ты, боже мой! Это какие же деньжища!

– При хорошем раскладе тридцать шесть тысяч, из которых мне и десяти казачатам по три тысячи и три тысячи или чуть больше тебе и еще паре или тройке казаков за охрану.

– А почему ты ко мне обратился? – Митяй пристально посмотрел мне в глаза.

– Да я от казаков в станице слышал, что ты года два назад помогал дядьке Смирных золото продать в Благовещенске, который тот в верховьях реки Гербелик в каком-то ручье намыл. Вот и подумал, что у тебя есть место, где золотой песок без лишних вопросов купят.

– Да что там золота было-то, чуть больше пятидесяти золотников и набралось. – Вахмистр пренебрежительно махнул рукой. – И продали его хозяину этого заезжего дома Чурину. Как и то золото, которое вы с хунхузов сняли в кошелях. А выхода на контрабандистов я не знаю.

– А что, Чурин и золотом занимается?

– Ермак, его торговый дом чем только не занимается! Он же первогильдейский купец, миллионщик. На него, говорят, тысяча человек работает.

– И как же вы с дядькой Смирных к нему попали, чтобы золото продать? – с огромным интересом уставился я на Митяя.

– Скажешь тоже, Тимоха. К Ивану Яковлевичу не всякие высокоблагородия на прием попадают. Тем более он живет в основном в Иркутске или Хабаровске. А вот к его управляющему в Благовещенске, Александру Васильевичу Касьянову, я могу зайти по-свойски. Пять лет назад я ему жизнь спас.

– Расскажи.

– Я тогда третий год служил, но уже был старшим урядником. По тракту со своим взводом сопровождал пароход с каким-то ценным грузом из Хабаровки в Благовещенск. Около станицы Нагибова увидели, как какие-то варнаки на обоз нападают. Мы на помощь. Вот я тогда и застрелил разбойника, который уже готов был зарубить Александра Васильевича. С тех пор он меня всегда привечает, да и послабления по цене дает.

– Дмитрий, а он сможет столько золота купить по хорошей цене?

– Не знаю, Ермак. Не знаю. Золото Смирных и ваше трофейное он у меня по три рубля двадцать пять копеек за золотник взял. Но лучше с ним дело иметь, чем к контрабандистам лезть. Для этих узкоглазых что обмануть, что прибить казака – самое первое дело.

Я задумался. Перевел озвученную Шохиревым стоимость золотника в цену за килограмм, получилось чуть больше семисот шестидесяти рублей. Вряд ли Касьянов даст за наше золото бóльшую цену, но если он купит, то риска практически никакого, хотя и сумма значительно меньше.

До этого я планировал, думая, что Митяй знает места скупки золота контрабандистами, пройти по трем-пяти скупкам и сдать золото частями по тысяче или даже по тысяче сто рублей за килограмм. При этом хотел изменить свою внешность, нарядившись гимназистом, и вахмистра как-то переодеть, чтобы его тяжело узнать было. Казаки из других станиц, по моим планам, также должны были сбить со следа бандитов, если бы они захотели захватить золото или полученные от его продажи деньги. Теперь же получалось, что выхода на тайных скупщиков золота у меня нет. Самому их искать слишком опасно. Сплошная авантюра. А вот поговорить с господином Касьяновым стоило. За разговор денег не берут. Заодно узнаем, какую максимальную цену даст местное купечество.

– Что решил, Ермак? – задал вопрос Шохирев, увидев, что я опустил с небес на землю.

– Давай, Дмитрий, попробуем поторговаться с Александром Васильевичем. Если он нас, конечно, примет и захочет выслушать.

– Примет, Ермак. Примет. Он мне еще вчера с приказчиком передавал приглашение посетить его сегодня к завтраку. Вот я хотел чуть подлечиться после вчерашней встречи со своими сослуживцами, а потом к нему в гости идти. Так что сейчас и пойдём.

Минут через двадцать по улице Большой мы подходили к дому купца первой гильдии Касьянова – шикарный домина из кирпича с парадным входом, – войдя в который, были встречены слугой. Сняли шапки, полушубки, поддевки и валенки, получили гостевые кожаные полусапожки, после чего были препровождены слугой в гостиную.

В этом мире я в первый раз попал в богатый дом и был раздавлен его великолепием. В том времени на экскурсии в Эрмитаже и Русском музее в Санкт-Петербурге я никак не мог себе представить, что Эрмитаж – это дом, где жила семья российского императора. Михайловский дворец, где в этом времени скоро и разместится Русский музей, построен для сына императора Павла I, великого князя Михаила Павловича. И в этом доме, так же как и в Эрмитаже, люди жили, спали, кушали, влюблялись, ссорились, играли в прятки. Жуть!

Дом Касьянова внутри блистал богатством и великолепием, а его хозяин, встретивший нас в гостиной, внушал уважение и почтение. Высокий, подтянутый, с ухоженными бородкой и усами, одетый в брюки, сюртук и рубашку с платком на шее Александр Васильевич Касьянов в свои почти пятьдесят лет больше походил на английского аристократа, чем на купца. Как я узнал от Шохирева, одиннадцатилетний Саша Касьянов поступил к Чурину на работу «магазинным мальчиком», как в те времена называли ребятишек, которых хозяева брали в свои лавки и магазины на подхват. Хлопчик оказался весьма смышленным и хватким в торговых делах. И уже в 1878 году, в двадцать семь лет, стал полноправным компаньоном у Чурина. В настоящее время Касьянов руководил делами торгового дома «Чурин и Ко» на Дальнем Востоке, включая деятельность дома в Китае, Корее и Маньчжурии. Очень большой человек, по дальневосточным меркам.

– Дмитрий Михайлович, приветствую вас! – Касьянов с добродушной улыбкой подошел к вахмистру и трижды по русскому обычаю облобызался с ним. – Очень рад вас видеть. А это твой младший брат, с которым ты обещал меня познакомить?

– Крепкого здоровья вам, Александр Васильевич, – смущенно ответил станичный гигант, став как-то меньше ростом. – Рад вас видеть. А это не брат. – Митяй взял меня за плечо и выставил перед собой. – Это Тимофей Аленин. Помните, я вам рассказывал о нем и его учебном десятке?

Касьянов внимательно и с интересом осмотрел меня, а потом протянул для пожатия руку.

– Приятно познакомиться с человеком, который лично отрезал голову Золотому Лю. Вы, наверное, молодой человек, не знаете, но за голову уже подполковника Печенкина, которому приписали это деяние, глава самой большой банды хунхузов Ян Юлин по прозвищу Шисы Яньван, то есть Четырнадцатый Владыка Ада, назначил награду по ее весу в тысячу лянов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.